

Ирина МОИСЕЕВА

**С И Н Д Р О М
С О Л Ж Е Н И Ц Ы Н А**

Издание выпущено при поддержке
Комитета по печати и взаимодействию
со средствами массовой информации
Санкт-Петербурга

М 67 **Моисеева И. С.** Синдром Солженицына —СПб.: Санкт-Петербургское отделение
Общероссийской общественной организации
«Союз писателей России», 2013. — 172 с.

ISBN 978 - 5 - 93449 - 057 - 2

Новая книга петербургской писательницы Ирины Моисеевой представляет собой литературно-критическое рассмотрение одного из рассказов А. И. Солженицына. Доказательно и живо опровергаются расхожие оценки этого произведения, дается своеобразная трактовка его содержания.

© Моисеева И. С., 2013

© Санкт-Петербургское отделение Общероссийской общественной организации «Союз писателей России» 2013

© Медведев А.В., оформление. 2013

Ирина МОИСЕЕВА

**С И Н Д Р О М
С О Л Ж Е Н И Ц Ы Н А**

Филологический роман

Санкт-Петербургское отделение
Общероссийской общественной организации
«Союз писателей России»

Санкт-Петербург
2013

ВСТУПЛЕНИЕ

«Матренин двор» – весьма загадочное произведение, несмотря на кажущуюся изученность.

Исследователь творчества А. И. Солженицына А. В. Урманов делает заключение, что за этим произведением «...закрепилось мнение как о самом совершенном художественном творении писателя. «Матренин двор» занимает особое место не только в творчестве Солженицына: в контексте века минувшего он воспринимается как явление знаковое...».

Единства в понимании этого знака, однако, не наблюдается.

Во-первых, уже определение его жанра вызывает разногласия у специалистов.

Французский литературовед Жорж Нива уверен: «Солженицын сделал эту притчу-репортаж из подлинного происшествия, которому был свидетелем». И далее заключает: «Солженицын обращается к жанру очерка...»¹.

Действительно, автор писал: «Рассказ полностью автобиографичен и достоверен. Жизнь Матрены Васильевны Захаровой и смерть ее воспроизведены как были. Истинное название деревни – Мильцево, Курловского района, Владимирской области <...> При напечатании по требованию редакции год действия 1956 подменялся 1953, то есть дохрущевским временем».

Возможно, имеет смысл говорить в этом случае о таком виде творчества как мемуары.

Однако Наталья Решетовская, в книге «В споре со време-

нем», вспоминает: «Он сказал мне: «Вот теперь пусть судят. Там – тема. («Один день».) Здесь – чистая литература»³.

И Лидия Чуковская признается в том, что эта вещь «полюбилась более первой. Та ошеломляет смелостью, потрясает материалом – ну, конечно, и литературным мастерством; а «Матрена»... тут уже виден великий художник»⁴.

Янина Солдаткина, кандидат филологических наук, доцент кафедры русской литературы XX века МПГУ приходит к выводу, что: «...к «малому эпосу» следует отнести и знаменитый Солженицыновский «Матренин двор», несмотря на привычно даваемое ему жанровое определение рассказа»⁵.

Рассказ, притча-репортаж, очерк, чистая литература (художественный рассказ), малый эпос.

Существуют, видимо, или еще появятся и другие определения.

Во-вторых, по сути, у произведения нет названия.

Авторское название «Не стоит село без праведника» было отклонено Александром Твардовским при первой журнальной публикации. Переименованием писатель удовлетворен не был, но позже, имея все возможности, к первоначальному варианту не вернулся. И нового не предложил.

Текст, где тщательно выверен каждый языковой знак, остался с бессмысленным «псевдонимом».

«Двор», в отличие от «горницы», не связан ни с сюжетом, ни с действующими лицами.

Во многом утратили смысл для современного читателя бытовые и исторические реалии произведения. Студенты-первокурсники, рассказывая о содержании «Матрениного двора» демонстрируют неосведомленность в самых элементарных понятиях. Так, одна из девушек не видела разницы между горницей и поленицей. Очевидна необходимость культурного комментария текста.

Прошедшие годы, распад государства, изменение общественного строя, переоценка ценностей, и, наконец, недавно

появившиеся направления в лингвистике и литературоведении (такие, например, как психиатрическое литературоведение В.П. Белянина) требуют нового прочтения этого произведения, освобождения его от обветшалых стереотипов, кочующих из одного пособия в другое.

Взять хотя бы такой: Матрена Васильевна – одинокая, бедная, больная.

I. «ПОЛНОСТЬЮ ДОСТОВЕРНЫЙ ОЧЕРК»

1. Неколхозница

1.1. ОДИНОКАЯ

«Была она одинока кругом». Определения «одинокая», «одиночество» однокоренные и синонимичные повторяются в рассказе по отношению к Матрене 13 раз.

Но странно, что одиноким называется человек, имеющий прочные и многочисленные родственные и дружеские связи, старательно их поддерживающий, обладающий ярко выраженным общественным темпераментом.

Окружающие отвечают Матрене благодарностью, любовью, привязанностью, вниманием и заботой.

К ней за утешением, словно к родной, приходит, например, вторая, «подставная» Матрена, жена ее бывшего жениха.

Разумеется, одинокой называют женщину, социально характеризуя ее просто как не имеющую семьи: незамужнюю, разведенную, вдову. Однако именно таких дефиниций рассказчик избегает, вдовой она не названа ни разу.

1. «Родные ей помогли мало» – мало, но все-таки помогли, и, значит, уж точно были.

2. «Но не колхоз только, а любая родственница дальняя или просто соседка...» Была, значит, и дальняя родственница, и не одна.

3. «...на крещенье, <...>я застал в избе пляску и познакомлен был с тремя Матрениными родными сестрами, звавшими Матрену как старшую – лелька или нянька»

4. «к себе она гостей...не звала (но на то были особые причины), уважая мои занятия» Возможно поэтому, рассказчик слабо знает круг общения своей хозяйки.

5. «В такие дни Маша, близкая подруга Матрены, с самых молодых годов, приходила...».

6. «Чаще Матрена по вечерам стала ходить к Маше посидеть, семечки пощелкать».

7. «Потом была какая-то воспитанница Кира» Для Матрены она далеко не «какая-то», а дочь любимого некогда человека.

8. «Десять лет она воспитывала ее (Киру) здесь как родную...»

9. «...машинист из Черустей, муж ее бывшей воспитанницы Киры<...>подарил ей ношеную железнодорожную шинель» из которой она «справила пальто... и такое славное пальто получилось, какого за шесть десятков лет Матрена не нашивала»

10. «...я понял, что черный настойчивый этот старик – родной брат мужа ее»

11. «...как же этот Антошка вам приходится? – Дивиря моего сын...» Сын деверя – это племянник.

Именно о нем, Антошке, заботясь, обратилась Матрена с единственной и, увы, напрасной просьбой к своему жильцу.

«...я вспомнил, что уж один раз и Матрена сама почему-то ходатайствовала за Антошку Григорьева, но я не спросил, что за родственник он ей, и тоже тогда отказал»

12. «Фаддей с сыновьями и зятьями пришли как-то февральским утром...» То есть с племянниками.

13. Хромой сын (Фаддея) задержался у моего стола закурить и вдруг заговорил, как любит он тетку Матрену...».

14. «Мужнина родня – Матренины золовки, сестры Ефима и Фаддея, и еще племянницы разные приходили и плакали...»

15. «...широколицая грубая «вторая» Матрена...просто-вато вопила, надрываясь над гробом: – Да ты ж моя сестричечка! Да неужели ж ты на меня обидишься? Ох-ма?... Да бывалоча мы все с тобой говорили и говорили! ...»

16. «...когда подходила ее очередь кормить козых пастухов<...>. Она шла в сельпо<...>. Хозяйки выкладывались друг перед другой, стараясь накормить пастухов получше». И Матрена, дорожившая своей репутацией среди соседей, вступала в эти соревнования. «По всей деревне тебя ославят, если что им не так»

17. Вот она принимает участие в общественных мероприятиях по добыванию торфа, причем неодобряемых властью, что, конечно же, делает участников еще более

тесно спаянной группой: «Бабы собирались по пять, по десять, чтобы смелей. Ходили днем».

18. Она с удовольствием помогает соседям: «Она покидала свой черед дел, шла помогать соседке и, воротясь, еще говорила без тени зависти: «В охотку копала, уходить с участка не хотелось, ей-богу правда!»

19. Соседи отвечают ей тем же: «Тальновские бабы установили доточно, что одной вскопать свой огород лопатую тяжеле и дольше, чем взяв соху и вшестером впрягшись, вспахать на себе шесть огородов». Так соседки помогали Матрене пахать ее огород.

20. Вот Матрена погибла. «Деревенские приходили постоять-посмотреть. Женщины приводили и маленьких детей...И если начинался плач, все женщины...обязательно подплакивали от двери и от стен, как бы аккомпанировали хором. А мужчины стояли молча навывтяжку, сняв шапки. Самый же плач доставалось вести родственникам».

21. И даже последний путь она совершает не одна: «Два гроба сошлись в середине деревни, родственники поспорили, какой гроб вперед. Потом поставили их на одни розвальни рядышком, тетю и племянника, и по февральскому вновь обсыревшему насту под пасмурным небом повезли покойников на церковное кладбище...».

22. ...брошенная даже мужем своим, схоронившая шесть детей, но не нрав свой общительный...».

Получается, что Матрена Васильевна не «одинок кру-

гом», а окружена многочисленными родственниками, друзьями, участливыми соседями.

1.2. БЕДНАЯ

«...рассказ о нищей старухе Матрёне...»⁶

Необходимо, конечно, учитывать относительность понятия бедность или богатство. В своей социальной среде Матрена Васильевна обладает престижными ценностями, которым даже завидуют односельчане.

Если принять точку зрения рассказчика, то бедность вменена героине по чину. Может ли вообще праведник быть состоятельным, жить на ренту, на проценты, или праведник есть синоним бесребреника, нестяжателя?

К чему тогда сокрушаться о недостаточности хозяйства?

К нищете хозяйки, безусловной для рассказчика, следует однако присмотреться повнимательнее.

«...год за годом, многие годы ниоткуда не зарабатывала Матрена Васильевна ни рубля».

Многие годы не зарабатывая ни рубля, Матрена Васильевна живет – не тужит.

Любому взрослому человеку ясно, что многие годы не зарабатывая ни рубля, невозможно содержать дом, хозяйство, платить налоги, рассчитывать с пастухами, покупать хлеб, соль, спички в магазине, ездить на поезде и т.д.

Невозможно взять из вполне благополучной семьи на воспитание ребенка, десять лет растить и выдать замуж.

Может быть, в деревне Тальново уже воплотилась в жизнь коммунистическая мечта: от каждого – по способностям, каждому – по потребностям?

Но, скорее всего, слова эти: «...многие годы <...> ни рубля» следует понимать как художественное преувеличение, гиперболу и никак иначе. Многие годы!

Особый эффект создается тем, что сразу же за гиперболой следует литота – то есть, опять же художественное, только преуменьшение. Ни рубля!

1.2.1. Колхоз

«А в колхозе она работала не за деньги – за палочки. За палочки трудодней в замусоленной книжке учетчика».

Что это за палочки и что это за замусоленной книжка?

Трудодень — это мера оценки и форма учета количества и качества труда колхозника.

В каждом колхозе по всем сельскохозяйственным работам правлением разрабатывались и общим собранием колхозников должны были утверждаться нормы выработки и расценки каждой работы в трудоднях.

Не реже одного раза в неделю вся работа, которую произвел колхозник, должна была подсчитываться, и в трудовую книжку колхозника должно было быть записано количество выработанных им трудодней в соответствии с установленными расценками.

Окончательное распределение доходов между колхозниками производилось в конце сельскохозяйственного года по количеству выработанных ими трудодней.

ТРУДОВОСТЬ				ПРОДУКТ			
Дата выезда на работу	Вид работ	Нормы выработки	Выработка	Виды продукции	Количество	Виды продукции	Количество
1948	полевые	4	120				
1947	"	36	120				
1947	"	14	120				
1947	"	39	120				
1946	"	26	120				
1945	"	23	120				
1944	"	30	120				
1943	"	145	120				
1942	"	181	120				
1941	"	140	120				
1940	"	135	120				
1939	"	131	120				
1938	"	216	120				

Иллюстрация 1.

Вот единая для всех колхозов форма трудовой книжки колхозника с расчетом за год по трудодням, включающим денежные и натуральные выплаты.

В Большой советской энциклопедии сказано: «Введение трудодня. (1930—31) было связано с необходимостью применения в колхозах единого измерителя для осуществления социалистического принципа распределения по труду, исключающего уравниловку в его оплате. Количеством выработанных Т. определялось трудовое участие каждого колхозника в общественном хозяйстве; качественная оценка труда в Т. находила своё выражение в дифференцировании работ по сложности (в течение дня колхозник мог выполнить работу, которая оценивалась от 0,5 до 4 Т. и более), в дополнительном начислении (списании) Т. за превышение (недовыполнение) плана урожайности, продуктивности».

«Вся деревня волокла снесь мешками из областного города».

Чтобы покупать в областном городе мешками продукты, необходимы деньги, «...за палочки трудодней в замусоленной книжке учетчика», ничего не приобретешь. Получается, что в глухом Высоком Поле деньги были, а в Торфопродукте (ж/д станция) денег не было. И чем расплачиваться за электричество, «еще в двадцатые годы

подтянули (его) от Шатуры», если «...многие годы, ниоткуда не зарабатывала Матрена Васильевна ни рубля»?

В Торфопродукте, как явствует из текста, не отставали от Высокого Поля, хоть в магазине и «нельзя было купить» ничего кроме ячневой крупы, «да и ячневую-то с бою» все-таки покупали оптом – « как самой дешевой ею откармливали свиней и мешками брали».

То, что крестьяне пользуются мешками, посещая магазины, объясняется просто, во-первых – у них есть на это деньги; во-вторых – в деревенском доме есть место для хранения запасов.

И Матрена Васильевна была не хуже других: «...когда подходила ее очередь кормить козых пастухов<...>. Она шла в сельпо покупала рыбные консервы, расстарывалась и сахару и масла...».

1.2.2. «Много было у Матрены обид»

«Наворочено было много несправедливостей с Матреной». Множественность обид сводится к трем:

«...она была больна, но не считалась инвалидом»;

«...с тех пор, как стала сильно болеть – из колхоза ее отпустили»;

«...она четверть века проработала в колхозе, но потому что не на заводе – не полагалось ей пенсии за себя, а добиваться можно было только за мужа, то есть за утерю кормильца».

«...она была больна, но не считалась инвалидом».

Возможно, она не считалась инвалидом, потому что официально у нее не были оформлены документы на инвалидность.

«...с тех пор, как стала сильно болеть – из колхоза ее отпустили».

Что подразумевается под словом «отпустили», какими условиями оговаривалось такое отпущение трудно сказать, но все же, отпускают в ответ на просьбу. Обидно ли, если твою просьбу выполнили? Отпустили, так же означает, что не исключили. Что действительно было бы неприятностью.

Подлежащие исключению из колхоза теряли все права колхозника, в том числе право на приусадебный участок.

В Примерном Уставе сельскохозяйственной артели 1955 г. в разделе «О земле» статья 3 сказано: «Единый земельный массив артели ни в коем случае не должен уменьшаться. Наделение выбывших членов артели земель за счет земельной площади артели воспрещается»⁷.

Матрену Васильевну из колхоза не исключали, а «...с тех пор, как стала сильно болеть <...> из колхоза ее отпустили...» отпустили, видимо не иначе как по ее просьбе.

Точное слово «отпустили» видимо говорит о том, что в ответ на просьбу Матрены Васильевны освободить ее от обязанностей колхозника, в связи с плохим состоянием здоровья, несмотря на отсутствие необходимых медицинских документов для назначения инвалидности, общее собрание колхозников просьбу удовлетворило, частично сохранив за ней права колхозника.

1.2.3. «Пенсии ей не платили»

«...она четверть века проработала в колхозе, но потому что не на заводе – не полагалось ей пенсии...».

Это утверждение не совсем точно.

Не только рабочие, но и шахтеры, научные работники, официантки в кафе-мороженом, артисты, учителя, продавцы и т.д. действительно получали государственные пенсии.

В 1935 году в Конституции СССР было закреплено право всех граждан страны на пенсионное обеспечение.

Единого пенсионного фонда на тот момент не существовало, выплата социальных пособий по нетрудоспособности и старости колхозникам возлагалась непосредственно на сельскохозяйственные артели, которые должны были создать с этой целью социальный фонд и кассу взаимопомощи.

«Примерный Устав сельскохозяйственной артели 1955 г.» обязывал:

«Ст. 11. Из получаемых артелью урожая и продуктов животноводства артель: <...>

в) создает, по решению общего собрания, фонды помощи инвалидам, старикам, временно потерявшим трудоспособность, нуждающимся семьям красноармейцев, на содержание детских яслей и сирот – все это в размере не свыше 2 процентов валовой продукции»⁸.

В исследовании Т. М. Димони, посвященном изучению обеспечения колхозников России во второй половине XX века сказано: «Колхоз, по возможности, выделял в фонд помощи продукцию и денежные средства. По своему усмотрению колхозы также могли устанавливать престарелым колхозникам и инвалидам труда постоянное пенсионное обеспечение путем ежемесячной выдачи им продуктов, денег или начислять трудовни. Размеры и порядок пенсионного обеспечения (пенсионный

возраст и необходимый для получения пенсии трудовой стаж) определялись общим собранием членов артели или собранием уполномоченных»⁹

Так что до конца 60-х годов колхозники тоже получали пенсию, только выдавать ее должно было не государство, а сам колхоз.

Специфика сельской жизни заключается в том, что основные деньги крестьянин получает после продажи собранного урожая – сразу за весь год.

Получает натуральный продукт, продает его и отдает кредиты.

Расплачиваться в деревне натурой ежемесячно не позволяет природа, а расплачиваться произведенными промышленными товарами или услугами на заводах и в других учреждениях не позволяет далеко ушедшая от раннего средневековья экономика.

«Наворочено было много несправедливостей с Матрeной <...> не полагалось ей пенсии за себя, а добиваться можно было только за мужа, то есть за утерю кормильца».

Исследователь творчества А. И. Солженицына и его биограф Л. И. Сараскина неоднократно говорила о редкой его способности одним точным словом добиваться требуемого результата. Не фразой, а именно словом.

«...за утерю кормильца» – это слова рассказчика, человека с высшим образованием, учителя.

В законе формулируется – «потеря кормильца».

Потерять можно друзей, близких.

Утерять – мелкие вещи: носовой платок, билет, зажигалку – неодоушевленные предметы. А тут еще и не утерять, а утерять.

Похоже на утрату, но только на первый взгляд. Поме-

ты в словаре – «разговорное», «сниженное» здесь реализуются в полной мере.

УТЕРИВАТЬ - утерять что, потерять, затерять, УТРАТИТЬ| - кого, сгубить, потерять, лишить жизни, убить. гляди ты, не утеривай денег, а береги, не теряй| утеривать также мнжкртн. пршдш. -ся, страдат.и возвр. утерялась вещьца эта, а нужна бы теперь! а кто на монастырской земле... по грехом от своих рук утеряется, стар. утерянье, утеря, действ, по глаг. | утеря, потеря, утрата, пропажа, пск. утирка, утрата или растрата.

Толковый словарь В. И. Даля

УТЕРЯ, утери, ж. (канц.). Пропажа, потеря. Утеря документов. Толковый словарь русского языка.

Под ред. Д. Н. Ушакова

В словосочетании «утеря кормильца» чувствуется легкая ирония, насмешка. Здесь как будто совершенно неуместная. Отчего она?

Взгляд у рассказчика на судьбу Ефима свой, особенный, с точкой зрения других не совпадает.

«...она четверть века проработала в колхозе, но потому что не на заводе – не полагалось ей пенсии за себя, а добиваться можно было только за мужа, то есть за утерю кормильца».

К сожалению, как раз пенсия за потерю кормильца, Матрене Васильевне, действительно не полагалась.

Однако она ее получила.

Вот выдержки из «Положения о порядке назначения и выплаты государственных пенсий» утвержденного По-

становлением № 1044 Совета Министров СССР от 04 августа 1956 года.

«I. Общие положения

1. В соответствии с Законом о государственных пенсиях пенсии по настоящему Положению назначаются и выплачиваются:

д) членам семей граждан, указанных в настоящем пункте, и пенсионеров из числа этих граждан - в случае потери кормильца.

IV. Пенсия по случаю потери кормильца

60. Право на пенсию по случаю потери кормильца имеют нетрудоспособные члены семьи умершего рабочего, служащего, военнослужащего или пенсионера, состоявшие на его иждивении.

1). Нетрудоспособными членами семьи считаются:

б) отец, мать, жена, муж, если они достигли престарелого возраста: женщины – 55 лет, либо являются инвалидами;

Все правила настоящего Положения, касающиеся семей умерших, <...> соответственно распространяются (поскольку не оговорено иное) и на семьи безвестно отсутствующих, если безвестное отсутствие кормильца удостоверено в установленном порядке. При этом семьи военнослужащих, пропавших без вести в период военных действий, приравниваются к семьям погибших на фронте.

61. Члены семьи умершего считаются состоявшими на его иждивении, если они находились на его полном со-

держании или получали от него помощь, которая была для них постоянным и основным источником средств к существованию.

Не считается состоявшим на иждивении умершего супруг (жена, муж), являвшийся трудоспособным членом колхоза.

Если Матрена Васильевна действительно «четверть века проработала в колхозе», то она как раз и была трудоспособным членом колхоза с 1931 года.

Либо – либо. Либо 25 лет работы в колхозе и нет законного права на получение пенсии.

Либо на иждивении мужа, тогда фраза «четверть века проработала в колхозе» просто фигура речи.

Необходимые для получения пенсии документы в законе строго оговорены.

«147. К заявлению о назначении пенсии семье военнослужащего должны быть приложены:

а) документ, полученный от воинской части или районного (городского) военного комиссариата, или соответствующего управления Министерства обороны СССР, или госпиталя, или иного военного учреждения, удостоверяющий факт смерти, а также дату и

причину смерти военнослужащего, или документ о безвестном отсутствии военнослужащего;

б) справка домоуправления или сельского Совета (или другие документы) о составе членов семьи военнослужащего, находившихся на его иждивении до призыва на военную службу (пункт 148).

Если военнослужащий до призыва на военную служ-

бу работал в качестве рабочего, служащего или члена артели промысловой кооперации, то к заявлению о назначении пенсии должны быть приложены также:

д) документы, подтверждающие работу военнослужащего в качестве рабочего, служащего или члена артели до призыва на военную службу...

е) справка о зарплате военнослужащего до призыва на военную службу.

148.

Брачные отношения должны быть удостоверены свидетельством о браке или определением суда (в установленных случаях)».

Итого:

– документ о безвестном отсутствии военнослужащего;

– справка сельского Совета о составе членов семьи военнослужащего, находившихся на его иждивении до призыва на военную службу;

– документы, подтверждающие работу военнослужащего в качестве члена артели до призыва на военную службу;

– справка о зарплате военнослужащего до призыва на военную службу.

Вместе со Свидетельством о браке 5 документов. Ничего лишнего.

Если все они были представлены колхозницей Матроне Васильевне, значит, справка из сельского Совета была липовой.

Судя по словам квартиранта,

«Хлопоты были – добыть эти справки; и чтоб написа-

ли все же, что получал он в месяц хоть рублей триста...», справка о зарплате так же не соответствовала действительности.

«...и гоняли ее два месяца – то за точкой, то за запятой».

Много это – два месяца или мало можно судить по-разному, смотря по тому, кто и сколько времени тратил сам, готовя документы для оформления пенсии. А вот – «...то за точкой, то за запятой» - чистое художество.

Теперь о размере пенсии. В законе сказано:

«76. Семьям военнослужащих рядового состава срочной службы, постоянно проживающим в сельских местностях и связанным с сельским хозяйством – на одного нетрудоспособного члена семьи – 136 рублей.

	Семьям, кроме постоянно проживающих в сельских местностях и связанных с сельским хозяйством	Семьям, постоянно проживающих в сельских местностях и связанных с сельским хозяйством
на трёх или более нетрудоспособных членов семьи	300 РУБЛЕЙ	255 РУБЛЕЙ
на двух нетрудоспособных членов семьи	230 РУБЛЕЙ	195 РУБЛЕЙ
на одного нетрудоспособного члена семьи	160 РУБЛЕЙ	136 РУБЛЕЙ

Минимум, который могла получать Матрена Васильевна – 136 рублей. Но Ефим до призыва на военную службу работал и, как указано в справке, получал 300 рублей, значит, пенсия устанавливалась по другому пункту и была выше.

Не зря кланялась Матрена Васильевна канцелярским столам. Другие колхозницы-вдовы, получившие надлежащим образом оформленные похоронки на своих мужей, пенсий не получали.

«Стали-таки платить ей рублей восемьдесят пенсии»

Сумма пенсии, видимо, повествователю неизвестна. Возможно и то, что Игнатич, располагая гораздо более существенными средствами, не видит разницы между 80 и 136 рублями.

«Еще сто с лишком получала она от школы и от меня». Сколько именно платил сам постоялец за уход и стол, должен бы он знать точно, но умалчивает. То ли «с лишком» – слишком незначительная сумма, и квартиранту похвалиться нечем, то ли лишек настолько серьезен, что Матрена Васильевна, по сравнению со своими соседками – весьма состоятельна.

Стала-таки получать рублей 300.

Деньги, разумеется, небольшие, но, учитывая, что «...год за годом, многие годы, ниоткуда не зарабатывала Матрена Васильевна ни рубля» – такое изменение чудесно.

А зная, что на эту пенсию законного права она не имела, прекрасно вдвойне.

Надо учесть и статью 157 «Положения о пенсиях».

157.

г) семьям военнослужащих пенсии назначаются со дня смерти военнослужащего (или со дня, с которого военнослужащий считается пропавшим без вести), но не более чем за 12 месяцев перед обращением за пенсией.

Таким образом, она получает еще единовременно не менее 1632 рублей.

Изменение материального положения Матрены Васильевны происходит как по волшебству.

В августе соседки только недоумили ее хлопотать о пенсии, а «...к той зиме жизнь Матрены наладилась как никогда».

Можно понять и зависть колхозниц, работающих «за палочки», пенсии не получающих, выгодных квартирантов не имеющих.

«Фу-у! Теперь Матрене и умирать не надо! – начинали завидовать некоторые из соседок».

Но умер ли ее кормилец?

«Похоронного тоже не было. Односельчане, кто был с ним в роте, говорили, что либо в плен он попал, либо погиб, а только тела не нашли».

Матрена Васильевна решила для себя, что он погиб.

А рассказчик сомневался, рассматривая варианты:

«Хоть и был бы он теперь жив – так женат где-нибудь в Бразилии или в Австралии. И деревня Тальново, и язык русский изглаживаются из памяти его...».

Брошенные жены пенсии от государства за потерю кормильца не получают, и возможно, по этой причине и появляется в устах образованного рассказчика лукавое слово – утеря.

Есть у Матрены Васильевны и имущество.

«Дом не низкий – восемнадцать венцов. <...> ...в доме многое было под одной связью. За входной дверью внутренние ступеньки поднимались на просторные мосты,

высоко осененные крышей. Налево еще ступеньки вели вверх в горницу – отдельный сруб без печи, и ступеньки вниз, в подклеть. А направо шла сама изба, с чердаком и подпольем.

Строено было давно и добротнo, на большую семью...»

На сайте А. И. Солженицына есть фотография избы М. В. Захаровой, послужившей прототипом героини рассказа М. В. Григорьевой.

Иллюстрация 2.

1956 год. Изба М. В. Захаровой в деревне... www.Solzhenitsyn.ru

«...сарай, где жила коза»

«...грязно-белая криворогая коза...».

Коза – это молоко, сливки, сметана, творог, сыр, шерсть, козий пух и козлятки.

«Председатель новый, недавний, присланный из города, первым делом обрезал всем инвалидам огороды. Пятнадцать соток песочка оставил Матрене, а десять соток так и пустовало за забором»

Надо полагать, что десять соток за забором тоже были не чернозем. Пятнадцать соток земли под огород довольно большой участок, если обрабатывать его вручную. Старой, больной женщине может быть и не под силу. Вскопать, заборонить, нарезать борозды, посадить картофель. Не менее двух раз за лето картофель окучить и

прополоть. Выкопать, снова заборонить. Сколько земли хотела бы иметь сама Матрена Васильевна, неизвестно.

Новый председатель колхоза сокращает участки под огородами не по глупости или зловредности, а по закону.

После выхода Постановления 27 ЦК КПСС и СМ СССР от 6 марта 1956 г. “Об уставе сельскохозяйственной артели и дальнейшем развитии инициативы колхозников в организации колхозного производства и управления делами артели” колхозы получили право включать в уставы пункты об уменьшении приусадебных участков колхозных дворов, члены которых “принимали недостаточное трудовое участие” или не работали в колхозах.

Кроме того, по усмотрению правлений колхозов такие хозяйства могли быть лишены приусадебных участков, прав пользования выпасами и сенокосами

Земля ценится дорого.

За Матреной Васильевной приусадебный участок остается. Льгота эта не маленькая, потому и «... потягивал колхоз Матрену. Когда рук не хватало...».

Впрочем, там, на колхозной работе, когда рук не хватало, Матрена Васильевна не особенно надрывалась:

«Станешь, об лопату опершись, и ждешь, скоро ли с фабрики гудок на двенадцать».

« Налево еще ступеньки вели вверх в горницу – отдельный сруб без печи, и ступеньки вниз, в подклеть. А направо шла сама изба, с чердаком и подпольем».

Горница это не просто недвижимость, это сюжетобразующий центр текста.

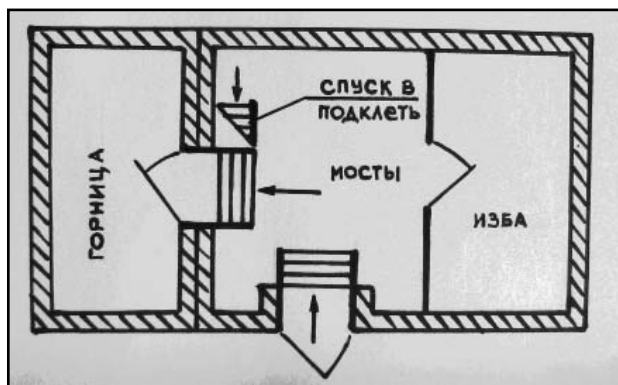

Иллюстрация 3.

Матрена Васильевна живет небогато. Однако ее наследство становится предметом спора и дележа, дело чуть не доходит

до суда, а слова «не скопила имущества к смерти» вступают в противоречие с текстом.

Можно сравнить эту жизнь и с жизнью русской женщины в былые годы. Не такой, как в сусальных, слащавых видениях Игнатича:

«...и вспыхнул передо мной голубой, белый и желтый июль четырнадцатого года: еще мирное небо, плывущие облака и народ, кипящий со спелым жнивом. Я представил их рядом: смоляного богатыря с косой через спину; ее, румяную, обнявшую сноп. И – песню, песню под небом...», а такой, как в тексте другого нобелиата И. А. Бунина, или в зарисовках с натуры И. С. Тургенева.

«Изба лесника состояла из одной комнаты, закоптелой, низкой и пустой, без полатей и перегородок. Изорванный тулуп висел на стене<...> два больших горшка стояли возле печки. Лучина горела на столе, печально вспыхивая и погасая. На самой середине избы висела люлька, привязанная к концу длинного шеста. ...Я посмотрел кругом, - сердце во мне заныло: не весело войти ночью в мужицкую избу <...>

– Вы, чай, барин, - начал он, - нашего хлеба есть не станете, а у меня окромя хлеба...

– Я не голоден.

– Ну, как знаете. Самовар бы я вам поставил, да чаю у меня нету...

Я в другой раз осмотрелся. Изба показалась мне еще печальнее прежнего. <...> Девочка улеглась на полу у самых его ног и опять заснула». (1852 год) ^{9а}

«Господи боже, что за край! Чернозем на полтора аршина, да какой! А пяти лет не проходит без голода. Город на всю Россию славен хлебной торговлей, - ест же этот хлеб досыта сто человек во всем городе. <...> В Слободе прошло его детство, - на этой полугоре, среди вросших в землю мазанок с прогнившими и почерневшими крышами, среди навоза, который сушат перед ними для топки, среди мусора, золы и тряпок...

<...> Эх, и нищета же кругом! Дотла разорились мужики, тринки не осталось в оскудевших усадьбишках...»

.....

«... – Разнуздай-ка лошадь-то, – сказал Тихон Ильич, въезжая в пруд, пахнувший стадом.

Мужик кинул мраморно-синеватый обмылок на черный от коровьего помета берег и, с серой, намыленной головой, стыдливо закрываясь, поспешил исполнить приказание. Лошадь жадно припала к воде, но вода была так тепла и противна, что она подняла морду и отвернулась. ...Тихон Ильич покачал картузом:

– Ну, и водица у вас! Ужли пьете?

– А у вас-то ай сахарная? – ласково и весело возразил мужик. – Тыщу лет пьем! Да вода что – вот хлебушка нетути...».

.....

«Вот он и рассказывает мне: «Бывало, в голодный год, выйдем мы, подмастерья, на Черную Слободу, а там этих приституток – видимо-невидимо. И голодные, шкуры,

преголодные! Дашь ей полхунта хлеба за всю работу, а она и сожрет его весь под тобой... То-то смеху было!...»

.....
«Поблизости помещики такая голь, что без хлеба по три дня сидят, последние ризы с икон продали, разбитого стекла вставить, крышу поправить не на что; окна подушками затыкают, а по полу, как дождь, лотки и ведра расставляют, - сквозь потолки как сквозь решета льет...»

.....
«Смеркалось, гряды сплошных облаков синели, холодели, дышали зимою. ...Вспомнилось лето <...> и то, что еще до сих пор не платил по квиткам за рабочую пору. Был у него обычай затягивать платежи. Девки и ребята, ходившие к нему на поденщину, по целым дням стояли осенью у его порога, жаловались на самые крайние нужды, раздражались, говорили дерзости. Но он был непреклонен».

.....
«...Что ж, его история – история всех русских самоучек. Он родился в стране, имеющей более ста миллионов безграмотных».

.....
«В городском саду играет оркестр стражников <...>. Казаков прислали целую сотню <...>. И третьего дня на Торговой улице один из них, пьяный, подошел к открытому окну общественной библиотеки и, расстегивая штаны, предложил барышне-библиотекарше купить «арифметику». Старик-извозчик, стоявший подле, стал стыдить его, а казак выхватил пашку, рассек ему плечо и с матерной бранью кинулся по улице за летящими куда попало, ошалевшими от страха прохожими и проезжими...».
(1910 год) ⁹⁶

И еще несметное количество свидетельств о былой

жизни, при желании можно найти и в художественной литературе и в исторических документах – есть с чем сравнивать.

1.3. БОЛЬНАЯ

1.3.1. «Страдая от недугов»

Что же за недуги одолевают Матрену Васильевну?

Безусловно, она пережила психологическую травму. Живя годы в браке с человеком, которого она не любила, который не любил и не уважал ее, похоронив одного за другим шестерых детей, Матрена Васильевна утрачивает интерес к дому как «женской территории». Она изживает свое горе, переходя на «мужскую территорию». Похвάζεται успехами в мужской работе, доблестью среди мужчин, а не среди женщин.

«В хорошие дни Матрена приносила по шесть мешков»

«Все мешки мои были, по пять пудов тижелью не считала»

«Ко мне дивирь не подходил, чтоб мой конец бревна на передок подсадить»

«Раз с испугу (конь) сани понес в озеро, мужики отскакивали, а я, правда, за узду схватила, остановила»

Здесь самореализация осуществляется вполне успешно.

Матрена Васильевна на удивление вынослива.

«Хлопоты эти (получение справок для оформления пенсии) были тем затруднены, что собес от Тальнова был

в двадцати километрах к востоку, сельский совет – в десяти километрах к западу, а поселковый – к северу, час ходьбы».

Дальние дороги совершенно не утомляли старушку. Вернувшись из

«...бесплодных проходок ... <...> Тотчас же она хваталась за лопату и копала картовь. Или с мешком под мышкой шла за торфом. А то с плетеным кузовом – по ягоды в дальний лес».

Весьма вероятно, что в организме Матрены Васильевны имелись какие-то гормональные нарушения, провоцирующие гендерную дезориентацию, точно охарактеризованную подругой:

«Вечно она в мужичьи дела мешалась».

То, что «...у Матрены с Ефимом дети не стояли: до трех месяцев не доживая и не болея ничем, умирал каждый...», скорее всего, может быть объяснено наследственным заболеванием именно Матрены Васильевны. В семье родного брата Ефима шестеро здоровых разнополых детей. У Матрены Васильевны три сестры, и все, по-видимому, бездетны.

1.3.2. «Она была больна, но не считалась инвалидом»

Говоря о болезни и Игнатич, и Матрена Васильевна имеют в виду таинственные приступы тяжелого недуга.

«...кругловатое лицо хозяйки показалось мне желтым, больным. И по глазам ее замутненным можно было видеть, что болезнь измотала ее»

«И в эту жизнь<...> врывалась временами тяжелая не-

мочь, Матрена валилась и сутки-двое лежала пластом. Она не жаловалась, не стонала, но и не шевелилась почти»

«Матрена не пила, не ела и не просила ничего»

«Скоро Матрена начинала вставать, сперва двигалась медленно, а потом опять живо»

«Прошел декабрь, прошел январь – за два месяца не посетила ее болезнь»

«И щеки ее померещились мне не желтыми, как всегда...».

Выглядит загадочно, но вместе с тем, симптоматика и картина приступов явно указывают на желчнокаменную болезнь, которая часто встречается у много рожавших женщин.

«Матрена ходила против воли (в медпункт), брали анализы, посылали в районную больницу – да так все и заглохло. Была тут вина и Матрены самой»

Против воли получить инвалидность действительно нелегко.

Скорее же всего, рекомендовали бы Матрене Васильевне оперативное лечение. Стоило, очень стоило съездить ей в районную больницу.

В остальном же здоровью Матрены Васильевны можно по-хорошему позавидовать.

«Зараз уносили в мешке торфин шесть, если сыроваты, торфин десять, если сухие...»

Мешок весил «пуда два», то есть приблизительно 32 кг.

«Ходили бабы в день – не по разу»

«В хорошие дни Матрена приносила по шесть мешков»

Пожилая женщина 61 года. Иначе как старухой рассказчик ее не называет.

«Одного мешка такого, принесенного иногда километра за три...»

3 километра туда, 3 – обратно, получается 6 километров. Если походов было четыре – это 24 километра. Из них с грузом около 30 килограммов она в обычный день проходила 12 километров. Если же взять максимум, то получается, что в «хорошие дни» Матрена Васильевна проходила по 36 километров, из которых 18 километров шла с грузом в 32 килограмма. ($32 \times 6 = 192$ кг), принося за день почти два центнера. Фантастика, да и только.

Считать человека с такими физическими возможностями инвалидом прямая насмешка.

И ведь Игнатич учитель математики! Или он не знает, сколько килограммов в пуде? Или, может быть, он учитель не математики? Или он не учитель. Кто же тогда?

2. Неучитель

2.1. НЕУЖЕЛИ ОН ШПИОН?

2.1.1. Скрытый от взора

Больше всего он похож на шпиона. Из кондового советского детектива.

Как и полагается бойцу невидимого фронта, его никто не видит, не слышит, не знает. У него нет имени, только кличка, форма номинации – Игнатич.

А так как она созвучна отчеству автора, простодушный и занятой читатель награждает вымышленный персонаж биографией писателя.

Ценность же, которую представляет в художественном произведении фигура рассказчика, заключается в его личных характеристиках и жизненной позиции.

Полноценное знание источника информации столь же важно, сколь и сама информация, а иногда и существенно превышает ценность получаемых сведений.

«Иван Петрович был росту среднего, глаза имел серые, волосы русые, нос прямой; лицом был бел и худощав».

Как вы думаете, кто этот Иван Петрович?

И еще три листа о его благородных родителях (включая сведения о девичьей фамилии матери), об образовании, военной службе, причине отставки, приоритетах в управлении имением, принципах дружбы, житейских привычках, причине смерти.

Причем характеристику дает лицо информированное, но не заинтересованное – сосед.

И только после – «Повести покойного Ивана Петровича Белкина».

У Игнатича нет ничего, кроме самопрезентации, легенды. Возможно, она разработана мастерами своего дела, но, вероятно, наспех.

5 лет учеба в вузе, 4 года фронта, «много провел в тюрьме» (около 10 лет).

Сидел ли он за растрату, разбой, шпионаж не поясняется никак.

Обычно Игнатич рассматривается как жертва политических репрессий. 1956 год остался в памяти как год возвращения из лагерей и тюрем заключенных, осужденных по политическим статьям. Это произошло после XX съезда КПСС, проходившего с 14 по 25 февраля 1956 года.

Чтобы ускорить процедуру освобождения, в лагеря было направлено более двухсот специальных ревизионных комиссий, амнистировавших большое количество заключенных. Но лишь немногие из их числа были реабилитированы. Члены ревизионных комиссий руководствовались разными соображениями. Например, не было согласия по вопросу, как поступать с заключенными, приговоренными во время войны за «национализм» или «измену», а среди политзаключенных в 1956 году таковых было большинство.

По фактам, упоминаемым в тексте, сложно отнести Игнатича к категории амнистированных в 1956 году.

«За год до этого по сю сторону Уральского хребта я мог наняться разве таскать носилки. Даже электриком на порядочное строительство меня бы не взяли»

Из этих слов следует, что летом 1955 года персонаж находился на свободе и мог трудоустраиваться по свое-

му усмотрению, однако, рабочие специальности его не интересовали.

Естественно предположить, что свой срок заключения учитель отбыл полностью и, в таком случае, статья, по которой он был осужден, может быть любой, предусматривающей большие сроки лишения свободы.

При этом нельзя обойти вниманием другое значительное событие – широкомасштабную амнистию 1953 года.

Она была объявлена в газете «Правда» вскоре после смерти Сталина – 28 марта 1953 года. На основании Указа, принятого накануне (27 марта 1953 года) Президиумом Верховного Совета СССР и подписанного его главой, маршалом К. Е. Ворошиловым, амнистии подлежали:

1. Все, кто был приговорен к лишению свободы сроком менее чем на пять лет.

2. Все лица, осужденные за должностные и экономические правонарушения, а также за злоупотребление властью.

3. Беременные женщины и матери, имеющие детей младше десяти лет, несовершеннолетние, мужчины старше пятидесяти пяти и женщины старше пятидесяти лет.

Указ об амнистии предусматривал сокращение наполовину срока лишения свободы для всех остальных узников, кроме тех, кто был осужден за «контрреволюционные преступления», хищения в особо крупных размерах, бандитизм и преднамеренное убийство.

С 1953 по 1956 год проходило еще несколько частичных амнистий, наиболее значительная из которых, в сентябре 1955 года, предусматривающая освобождение лиц, осужденных в 1945 году за сотрудничество с оккупантами, а также немецких военнопленных.

Постоялец Матрены Васильевны «...задержался с воз-

вратом годиков на десять» и, вполне мог оказаться среди амнистированных в этот период.

Совершенно ничего ни в облике, ни в речи не говорит, однако, о многолетней уголовной практике; воспоминания о войне весьма оригинальны, если не уникальны – лишь однажды, вскользь упоминает он, что ел на фронте два раза в день.

Какой он математик видно из предыдущей главы.

Легенда, таким образом, не находит сколько-нибудь убедительного подтверждения в поведении персонажа.

Рассматривая речь Игнатича как своего рода характеристику личности и отражение подробностей биографии, нельзя не заметить вопиющие противоречия. Выражается он иногда не как выпускник советского вуза и офицер, а как старик-лесовик.

«Нутряная, снесь, доброжилой, испить, менело, до-светье, не запоздниться, затомошиться, непрохожие, лопотно, некрасная сторона, доточно, тяжелее, неурядное, утельная коза, все животы ее, немочь, закруживалось, не показно, забудни, колотная житенка, расстарывалась, беспритульная, урывочек, ломатели ...»

Словарь такой, что складывается впечатление: персонаж отсутствовал не 10, а 100 лет.

Ничем не обусловленное изобилие устаревшей лексики, личных словообразований, говорит о речевой практике, не совпадающей с декларируемой биографией.

В замкнутой, однородной эмигрантской среде язык консервируется, не развивается, и подобное употребление архаики было бы возможно, если бы не тот высокий уровень образования каким отличались эмигранты первой волны.

Для подготовки к жизни в деревне, могли быть, конечно, и специальные учителя.

Создавая речевой портрет персонажа–шпиона, автор может использовать такую сигнальную систему, чтобы сообщить об истинном статусе своего героя.

Костюм постояльца не упоминается, зато довольно специфичен перечень его вещей:

«...я свою раскладушку развернул...»

«... лагерьная телогрейка ...»

«...свет падал только на мои тетради...»

«... мое радио...»

« Я вышел с электрическим фонариком...»

«... фотоаппарат...»

Раскладушка, телогрейка, тетради, приемник, фонарик, фотоаппарат. Все эти вещи говорят о мобильности и хорошей технической оснащенности владельца, за исключением, разумеется, лагерьной телогрейки, которая выглядит, впрочем, весьма претенциозно в этом ряду. Скорее как иллюстрация, подтверждающая легенду, чем как предмет гардероба.

Не похоже, чтобы с таким багажом человек собирался «...поселиться там навсегда».

Ни в коем случае нельзя сказать и то, что Игнатич один из деревенских жителей. Он чужой среди них. Его инакость подчеркивается многократно, не наполняясь, однако, конкретным содержанием.

Занятия его окружены тайной – иначе как объяснить, что нигде не сказано, чем именно он занимается?

«Я<...> сел за стол»

«По ночам, когда Матрена уже спала, а я занимался за столом...»

«К себе она гостей по вечерам не звала, уважая мои занятия»

«Не мешала она моим долгим вечерним занятиям, не досаждала никакими расспросами»

«Лишь поздно вечером, когда я<...> работал в тишине избы...»

Что же такое он пишет? Секретный учебник по математике? Или невидимыми чернилами донесения в ЦРУ?

Рассказчик, видимо, чувствует, что его таинственность подозрительна, но с удовольствием продолжает игру:

«... стала Матрена повнимательней слушать и мое радио (я не преминул поставить себе разведку – так Матрена называла розетку. Мой приемничек <...> выходил <...> для меня из глухой избы – разведкой)».

По той информации, которая приводится рассказчиком, вещали им с Матреной Васильевной, скорее всего, и Москва, и «Би-Би-Си», и «Голос Америки».

«...В тот год повелось по две – по три иностранных делегации в неделю принимать, провожать и возить по многим городам, собирая митинги. И что ни день, известия полны были важными сообщениями о банкетах, обедах и завтраках»

Трудно сказать сегодня, о чем говорилось по радио. Но в практике советских газет сообщать о завтраках, обедах и банкетах было не принято.

В книге А. В. Урманова «Творчество Александра Солженицына» перечисляются иностранные делегации, посетившие осенью 1956 года Советский Союз с официальным визитом, однако цитат о завтраках, обедах, бан-

кетах автор не приводит. Отсутствуют у него и сведения о подобных сообщениях по радио.

Разгар холодной войны, восстание в Венгрии – было что освещать в советских средствах массовой информации.

Профессор Урманов предполагает, что: «Упоминание о многочисленных иностранных делегациях, которые посещали Советский Союз в 1956 году, понадобилось автору, прежде всего, для того, чтобы «оттенить» заброшенность русской деревни, забытой руководством страны...».

Очень точное наблюдение: повествователь тщательно фильтрует факты, преобразуя действительность нужным ему образом.

Профессор продолжает: «Похожую роль выполняет и упоминание о космических успехах советской державы: «Еще в тот год обещали искусственные спутники Земли» [1: 139]. Первые запуски спутников – космических аппаратов, выводимых на орбиты вокруг Земли, были осуществлены в СССР 4 октября и 3 ноября 1957-го и 15 мая 1958 года, то есть спустя всего несколько месяцев, после описываемых в рассказе событий. Само же упоминание о спутниках, как и упоминание о визитах иностранных делегаций оттеняет нищету изображаемой колхозной реальности...»¹⁰.

Рассказчика ничуть не смущает, что для высокой цели - оттенить нищету, он заставляет давно уже лежавшую в гробу старуху осуждать освоение космоса.

«Еще в тот год обещали искусственные спутники Земли. Матрена качала головой с печи: - Ой-ой-оиньки, чего-нибудь изменят, зиму или лето»

Парадоксальный вывод делает исследовать из приведенных примеров.

«Все эти примеры убедительно свидетельствуют о референциальной <...> природе художественного сознания автора или, иными словами, о безусловном реалистическом характере его творческого метода»^{10а}.

Однако кто же именно разглашает сведения об искусственных спутниках Земли?

О времени запуска искусственных спутников заранее никогда не информировали, более того, оно держалось в тайне до самого последнего момента. Сообщение начинались словами: «Говорит Москва. Работают все радиостанции Советского Союза», дальше шел текст о благополучном старте.

О готовящемся запуске не только не передавали по радио (вряд ли и по Би-Би-Си), но сами эти сведения представляли государственную тайну.

Шпионы только и могли, вероятно, знать.

Разумеется, возникает вопрос, что разведывать разведчику в Тальновке?

Но и Тальновка может пригодиться. Недалеко от Москвы, и в то же время на окраине глухой деревни, можно провести период внедрения, легализоваться, приобрести реальные документы, реальную биографию, адаптироваться к среде, ведь имеющаяся легенда не подтверждается ни речевой, ни бытовой практикой.

Подобные экзотические предположения, хоть и находят некоторое подтверждение в тексте, скорее забавны, чем серьезны, однако, неискренность, несомненно, является стереотипом поведения рассказчика.

Он скрывает правду даже тогда, когда нет никаких видимых причин для лжи.

2.1.2. ОТКУДА И КУДА?

Откуда.

«Из пыльной горячей пустыни»

«...там, откуда я приехал, мог я жить в глинобитной хатке, глядящей в пустыню. Там дул такой свежий ветер ночами и только звездный свод распахивался над головой»

Куда. (Декларация).

«...мечта о тихом уголке Росси»

Еще тише пустыни.

«...я возвращался наугад – просто в Россию»

«Мне просто хотелось в среднюю полосу – без жары, с лиственным рокотом леса»

«Мне хотелось затесаться и затеряться в самой нутряной России...»

«...где-нибудь подальше от железной дороги<...> Я хочу поселиться там навсегда»

«...только бы остаться здесь и ночами слушать, как ветви шуршат по крыше – когда ниоткуда не слышно радио и все в мире молчит»

Куда. (Семиотика).

Тоска по безмолвию и малолюдству для жителя пустыни была бы совершенно непонятной, не будь потребности еще и в особом местоположении – нутряном.

Прилагательное «нутряной» имеет в словарях пометку «специальное». Оно низкой валентности. Употребляется практически только в устой-

чивых сочетаниях – нутряной жир и нутряное сало.

В переносном значении имеет пометки «разговорное» и «сниженное».

Практически все словари дают толкование как «извлеченный из внутренностей животного». И противоположные, проясняющие значения – «наружный», «внешний».

В сочетании «нутряная Россия» переосмысления, расширения понятия не происходит, но рассказчик ставит Россию в один ряд с жиром и салом, поскольку смысл устойчивых словосочетаний неизменно ассоциативно всплывает при использовании столь редкого определения.

Сочетания – внешняя, наружная Россия, неизбежно возникающие как антонимические, разрушают и семантику и логику понятия. Если, конечно, рассказчик не намекает на внешнюю Россию находящуюся за границами, то есть эмиграцию.

НУТРИО́Й, а́я, о́е.

1. Взятый, вынутый из нутра какого-н. животного (спец.).
Нутряное сало.

Толковый словарь русского языка

Под ред. Д. Н. Ушакова

Семантике слова «нутро» посвящена статья в работе известного лингвиста академика Виктора Владимировича Виноградова «История слов».

НУТРО

Не раз утверждалось философами языка и семасиологами, что есть твердые семантические закономерности, свойственные самым разнообразным языкам, в разви-

тии переносных отвлеченных значений, относящихся к сфере выражения внутренней интеллектуальной и эмоциональной жизни личности. Так, пространственно-зрительные понятия метафорически переосмысляются как выражения внутренних состояний, качеств, переживаний и характеристик человека (ср., напр., поверхностный ум, глубокая натура, узость интересов, посредственность, мягкотелость и т. п.).

Семантика слова нутро представляет с этой точки зрения большой интерес. Слово нутро, как известно, развилось из корня утр* - (ср. утроба). Начальное н приросло к этому слову в связи с морфологическим переразложением приставки вьн- (ср. внутренность, внутрь, внутри, внутренний).

Однако в языке русской письменности средневековья засвидетельствована лишь форма нутрь— внутренность. Например, в Софийском временнике 1493 г.: «Погор Москва нутрь весь» (Срезневский, 2, с. 477)». Правда, мужской род намекает на возможность видеть в ь лишь графическую примету второго южно-славянского влияния. В таком случае мы имели бы пример употребления слова нутр. Производное прилагательное звучало: нутрьнии, нутреный (ср. народное нутряной) с довольно разнообразными значениями и применениями (там же; ср. также т. 3, с. 1316—1318). В русских народных говорах широко употребительны формы нутрь, и, ж., нутр и нутро. Все они проникли и в русский литературный язык не позднее XVIII в.

В «Словаре Академии Российской» находим нутро, нутрь и нутр. При этом нутро определяется путем ссылки на нутр. Нутр же и нутрь объединяются: «Нутрь, тра, с. м. 2 скл. и нутрь, три, с. ж. 4 скл. Внутренняя часть чего-либо; противоплагается наружности. Нутр у часов. В нутри дома. По нутру. В образе нареч. В простонародном

употреблении значит: по нраву, любо, по склонности. Ему не по нутру было, как сие сказали» (сл. АР, 1814, 3, с. 1435).

Ср. у В. И. Даля в повести «Отец с сыном»: «Такими и подобными выражениями он коротко и резко отделявал людей, которые были не по нутру...» (Даль 1897, 1, с. 117).

В русском литературном языке конца XVIII и начала XIX в. лишь слова нутр и нутро употреблялись как синонимы (см. сл. 1847, 2, с. 469). Очевидно, слово нутрь уже не имело всей системы форм имени существительного. Оно употреблялось лишь в предложных сочетаниях наречного типа. Поэтому в словаре Соколова (1834 г.) приведены лишь два синонимных образования нутро и нутр (ср. сходные слова нутрозем и нутроземный). По очевидному недосмотру редактора под словом нутр осталось и наречное выражение внутри (ср. внутри дома) (Соколов, Сл., 1, с. 1688).

То же словоупотребление и те же значения синонимической пары нутр и нутро отражаются и в словаре 1847 г. И здесь нутро истолковывается ссылкой на нутр, а под словом нутр (= внутренняя часть чего-либо) приведена лишь одна новая фраза: «достать что-либо из нутра» (2, с. 469).

Таким образом, слово нутро до середины XIX в. не подвергается резким семантическим изменениям в русском литературном языке. <...>

В истории развития значений слова нутро скрестилось влияние двух факторов: имманентное семантическое раскрытие этого слова (ср. у Ф. М. Достоевского: «чревом любить», ср. «брюхом хотеть») было ускорено влиянием французского языка¹¹.

Куда же хотел «затесаться» рассказчик, в какую глубину скрыться?

Желание вернуться назад, в родные места, где прошло детство, «вернуть время», когда был маленьким ребенком, оберегаемым взрослыми, ребенком, от которого ничего не требуют и который ни за что не отвечает, – такое желание естественно после долгих лет мучительных испытаний.

Обращение к такому оригинальному определению – «нутряная», показывает, что здесь мы сталкиваемся с многократно усиленным желанием возвращения в утробу. Стремлением вернуться под самый надежный покров, к внутриутробному состоянию.

Перестать быть. Утратить самостоятельность до конца, но не умереть. Или даже – умереть наоборот, навыворот. Всех обмануть, вернуться во времена до рождения, и, разумеется, родиться заново.

Однако для воплощения такой сверхъестественной мечты необходимы и силы сверхъестественные.

Куда. (Реальность).

Уезжать из пустыни в поисках места, где «... все в мире молчит», абсурдно. Желание просто переменить климат, попутешествовать для человека, имеющего средства и не имеющего других забот, вполне естественно, но, может быть, здесь перемена места жительства имеет другие причины? Может быть, ехал и наугад, да угадал как раз на границу Московской области, на первую станцию перед Московской областью, станцию, где останавливается скорый московский поезд, время в пути (до Москвы) приблизительно 2 часа.

«На сто восемьдесят четвертом километре от Москвы, по ветке к Мурому и Казани...»

Иллюстрация 4.

После лагеря обыкновенно за-
 прещалось жить
 в крупных горо-
 дах и централь-
 ных областях
 (кому минус 5 го-
 родов, кому ми-
 нус 10 городов и
 т.д.), поэтому та-
 кой тщательный
 выбор места лег-
 ко можно объяс-

нить стремлением оказаться ближе к столице, с макси-
 мально удобным транспортным сообщением.

Видимо в удаление от железнодорожной станции и
 заключался порок Высокого Поля, так как «...картовь не-
 облупленная, или суп картонный..., или каша ячневая...»
 на завтрак и «...картовь или суп картонный» «к ужотко-
 му» – то, чем изо дня в день потчевала Матрена Васильев-
 на своего жильца, без труда можно отыскать в самой глу-
 хой деревне.

«На взгорке между ложков, а потом других взгорков,
 цельно-обомкнутое лесом, с прудом и плотинкой, Высо-
 кое Поле было тем местом, где не обидно было бы и жить
 и умереть»

Однако пришлый учитель отдает предпочтение дру-
 гому населенному пункту.

«Меж торфяными низинами беспорядочно разбросал-

ся поселок <...>. Над поселком дымила фабричная труба. Туда и сюда сквозь поселок проложена была узкоколейка, и паровозики, тоже густо-дымящие, пронзительно свистя, таскали по ней поезда с бурым торфом, торфяными плитами и брикетами. Без ошибки я мог предположить, что вечером над дверьми клуба будет надрываться радиола, а по улице пображивать пьяные – не без того, да подпыривать друг друга ножами»

Только самые простодушные читатели, увидев какой выбор на самом деле делает Игнатич, могут поверить его рассказням о мечтах.

«Мне просто хотелось в среднюю полосу – без жары, с лиственным рокотом леса».

«Мне хотелось затесаться и затеряться в самой нутряной России...»

«...где-нибудь подальше от железной дороги... Я хочу поселиться там навсегда»

«...мечта о тихом уголке России»

«...только бы остаться здесь и ночами слушать, как ветви шуршат по крыше – когда ниоткуда не слышно радио и все в мире молчит»

Все лукавство.

Понятно желание полного сил, надежд, планов мужчины вырваться из пустыни в центр. Непонятно, зачем скрывать это от читателя, маскировать листьями и ветвями естественную потребность в культурной среде.

«И я узнал, <...> что есть за полотном железной дороги – бугор, а за бугром <...> целый край идет деревень...»

Профессор А. В. Урманов предполагает, что здесь «Яв-

ная реминисценция, содержащая отсылку к «Слову о полке Игореве»: «О Русская земле! Уже за шеломянемь еси!» («О Русская земля! Уже ты за холмом!»)¹².

Действительно, в словаре В. И. Даля можно прочесть: «Шелом, по коренному знач. Взлобок, бугор, холм, шиш. <...> Шоломя ср.стар. шбломя, арх. вят. Горка, пригорок, холм, курган или взлобок, лобное место, возвышенность».

Но, несмотря на выстроенный синонимический ряд, среди многочисленных переводов «Слова» не удалось обнаружить ни одного взлобка, шиша, бугра. Причина этого легко объясняется – все переводчики выбирают слово высокого стиля.

Например, у В. Жуковского:

«О Русская земля! Уж ты за горами
Далеко!»

Или в современных переводах. И. Шкляревский:

«О Русская земля! Уже ты за холмом...»

Е. Лукин:

«О Русь, ты уже за далеким холмом!»

Бугор, бугорчатый, с буграми – не имеет ничего одухотворенного и возвышенного, даже, в каком-то смысле, противостоит изысканности первоисточника. Холм же – благородное место, его сопровождают и обогащают устойчивые литературные ассоциации.

И уже приведенное, и «Видение на холмах», и, неувядающее, «На холмах Грузии...» и множество других.

Но главное, разумеется, в смысле цитаты. Русь уже за горами, за далекими холмами. В Объяснительном переводе сцены «Перед битвой» Г. В. Сумаруков пишет: «О Русская земля, ты уже за /пограничным/ холмом!»¹³

Войско Игоря перешло границу, покидает родную землю, это расставание, возможно навсегда, горькое прощание.

Игнатич же только что приехал.

Вместе с тем, бугор вряд ли выбран случайно.

Бугор - небольшое возвышение, холм – бугор небольшая выпуклость, округлость. Бугры на коже.

«Толковый словарь русского языка» С.И. Ожегова

БУГОР – м. бугорчик, бугорок, бугорочек умалит., бугорище, бугрище увелич. всякое отлогое возвышение, возвышенность, горб, холм, курган; куча. Бугор, на земле, менее холма: сурочий, кротовий бугор вост. астрах. всякое возвышение в степях, холм, горка. Доску покорило бугром.

«Толковый словарь живого великорусского языка» В. И. Даль

Бугор меньше холма и разместиться за ним целому краю деревень сложно, перед нами видимое нарушение пропорций.

Проведший 10 лет в местах лишения свободы, Игнатич, естественно, должен был знать и воровской жаргон, где бугор – бригадир, начальник, старший.

Идиоматические выражения – за бугром (за границей) и свалить за бугор (уехать за границу на постоянное место жительства) если учитываются рассказчиком, то в ироническом смысле.

Но что же там, за бугром?

«Милей этого места мне не приглянулось во всей деревне...», «...дошли до высыхающей подпруженной речушки...две-три ивы, избушка перекособоченная...»

Если высыхающая речушка, значит умирающая, пере-
кособоченная избушка, значит умирающая.

Не умирающий ли мир милее всего, не его ли ищет
пришелец?

2.2. БЕЛАЯ КОСТЬ, ГОЛУБАЯ КРОВЬ

Отношения между постояльцем и хозяйкой с самого
момента вселения складываются как отношениям бари-
на и прислуги.

Матрене Васильевне никакой квартирант не нужен. В
том числе и выгодный.

«Она не проявила радости заполучить квартиранта
<...> перечисляла мне других хозяек <...> вынудила меня
походить еще по деревне <...> в мой второй приход долго
отнекивалась...»

Она понимает, что не угол сдает в аренду, а поступает
в услужение вместе со своим скарбом, домом.

Она должна будет отказаться от привычного уклада
жизни.

«...Матрена по вечерам стала ходить к Маше посидеть
<...> К себе она гостей по вечерам не звала, уважая мои
занятия»

Ей придется угождать постояльцу, именно этого она и
не хочет: «А избу бы не жалко, живите».

Поняв, что Матрена Васильевна покладиста и терпе-
лива, заступиться за нее некому, учитель распоряжается
по-хозяйски.

«Комнаты мы не делили»

Вся она теперь в распоряжении пришельца.

«Просторная изба и особенно лучшая приоконная часть ее...» занимается сразу «...я свою раскладушку развернул у окна и, оттесняя от света любимые Матренины фикусы, еще у одного окна поставил столик».

Матрена Васильевна теперь размещается ближе к выходу, в потемках.

«От настольной же лампы свет падал кругом только на мои тетради...»

«Ее (Матрены) кровать была в дверном углу »

«Верхнего света не было в нашей большой комнате...»

«...Матрена вдруг из темного своего угла <...> сказала из темноты...»

Это все, что осталось хозяйке от ее большого добротного дома.

Бойтся Матрена Васильевна и не угодить:

«...ни встать, ни подать я вам не приспею <...> - Не умемши, не варимши - как утрафишь?»

Утрафлять

Утрафить или .жн. утрапить, потрафить, немецк. Угадать, угодить как раз, в меру. На глаз утрафил. На него не утрафишь, не угодишь. Утрафить во что, угодить, попасть.

«Толковый словарь живого великорусского языка» В. И. Даль

Утрафлять несов. неперех. Местн. Далать так, как нравиться кому-л.; потрафлять.

«Новый толково-словообразовательный словарь русского языка». Т. Ф. Ефремова

ПОТРАФИТЬ, потрафлю, потрафишь (простореч.). Сов. к трафить и к потрафлять. Ему никогда не потрафишь. Шьет, кует, варит, строгают, не потрафил - бьют. Некрасов.

«Толковый словарь русского языка» Под ред. Д. Н. Ушакова

«Так привыкли Матрена ко мне, а я к ней, и жили мы запросто».

Запросто, это вот как.

«Матрена вставала в четыре-пять утра».

«Ходикам Матрены было двадцать семь лет, как куплены в сельпо. Всегда они шли вперед, и Матрена не беспокоилась – лишь бы не отставали, чтоб утром не запоздниться».

Что ж ей не спится? Она живет по часам, и «запоздниться» не хочет. А куда может опоздать? Постояльцу надо потрафить. Больше ей торопиться некуда.

«Она включала лампочку за кухонной перегородкой и тихо, вежливо, стараясь не шуметь, топила русскую печь, ходила доить козу, по воду ходила и варила в трех чугунах...»

Встать пораньше, печь истопить, воды наносить, козу подоить, налить парного молочка, завтрак приготовить, подать – все это тихо, вежливо с лучезарной улыбкой. О такой прислуге только мечтать можно.

Все надо было успеть к пробуждению барина, который, на счастье

«... спал долго, просыпался на позднем свету и потягивался...»

«И всегда одни и те же доброжелательные слова раздавались мне из-за перегородки... А завтрак вам приспел.»

Блюда хоть и готовились в одной печи, но для жильца в отдельной посуде и, разумеется, лучшего качества.

«Козе она выбирала из подполья самую мелкую картошку, себе – мелкую, а мне – с куриное яйцо»

То, что ему самое лучшее, и готовится отдельно, учитель принимает как должное.

В редких случаях, когда

«Матрена валилась и сутки-двое лежала пластом <...>. В такие дни Маша, близкая подруга Матрены с самых молодых годков, приходила обихаживать козу да топить печь»

Топить печь торфом настолько просто, что с этим может справиться дошкольник. Но вот взрослый мужчина, прошедший огни и воду, ждет старушку Машу, чтобы она протопила печь.

Матрена Васильевна постоянно ворует торф. «Да Матрена Васильевна, разве моего торфа не хватит? Машина целая» - наивно интересуется учитель. «-Фу-у! твоего торфу!, еще столько, да еще столько – тогда, бывает, хватит».

Что же он? Предлагает помощь, деньги? Ничуть не бывало – смотрит, как старушка выбивается из сил, обеспечивая его теплом.

Ни в какой хозяйственной мелочи нельзя рассчитывать на помощь постояльца.

«– Во как! – пеняла Матрена вслед. – И вилы свои бери! <...>. А я без мужика живу, кто мне насадит?..»

Если бы персонаж действительно прошел тот жизненный путь, о котором говорит, скорее всего, он отозвался бы на это восклицание словами – не беспокойтесь, Матрена Васильевна, я насажу. Но бывшему фронтовику такое и в голову не приходит. Не предлагает он своей помощи и тогда, когда видит мучительный труд старушек.

«Тальновские бабы установили доточно, что одной вскопать свой огород лопатой тяжелее и дольше, чем, взяв соху и вшестером впрягшись, вспахать на себе шесть огородов»

Главное – удобство его жизни.

«Здесь было мне тем хорошо, что по бедности Матрена не держала радио...»

Но барин меломан.

«Мой приемничек уже не был для меня бич, потому что я своей рукой мог его выключить в любую минуту...»

У Матрены Васильевны, разумеется, никто не интересуется – нравится ли ей радиопередача, или нет, и, тем более, своей рукой она не могла ни включить, ни выключить его приемничек.

Ее возможности получать информацию ограничены его желаниями, но и речью она должна была пользоваться в рамках его необходимости. Батрачка нужна была бессловесная.

«Здесь было мне тем хорошо, что <...> по одиночеству не с кем было ей разговаривать»

И она разговаривает только с постояльцем, а значит – говорит тогда, когда он этого желает.

Не Маша к ней приходит поболтать, а она уходит к Маше. В дом никто не приходит.

«К себе она гостей по вечерам не звала <...> Только на крещение, воротясь из школы, застал я в избе пляску и познакомлен был с тремя Матрениными сестрами <...> До этого дня мало было в нашей избе слышно о сестрах...»

Иногда, впрочем, эти строгие правила нарушаются, к неудовольствию арендатора, приходит вторая Матрена:

«...не любил я ее: всегда приходила она к моей Матрене жаловаться, что муж ее бьет, и скарעד муж, жилы из нее вытягивает, и плакала здесь подолгу, и голос-то всегда у нее был на слезе».

Такой человек, как минимум, требует сочувствия, помощи, а учитель никому сочувствовать и помогать не намерен.

Не только болтовней с подружками, но и молитвой, по мнению рассказчика, боялась Матрена Васильевна вызывать его неудовольствие:

«Может быт, она и молилась, но не показно, стесняясь меня или боясь меня притеснить».

Просьба – индикатор отношений.

Всего два раза обращается Матрена Васильевна к ба-

рину с просьбой. Одной и той же, и просит не за себя.

«...я вспомнил, что уж один раз и Матрена сама почему-то ходатайствовала за Антошку Григорьева...»

Но, конечно, он до просьбы ее не снисходит. Понял, что родственник «...но я не спросил, что за родственник он ей, и тоже тогда отказал».

Даже не узнав сути дела.

Отказал, не выслушав, и второй раз.

«Матрена и сейчас стала в дверях кухоньки бессловесной просительницей».

Обычно барин очень добрый – всего один раз отругал Матрену Васильевну. Да и то, за дело.

«Тут заметил я, что она в моей телогрейке<...> и с неудовольствием сказал ей об этом.

Так я в первый раз рассердился на Матрену Васильевну.

– Ой-ой-ойиньки, головушка бедная! – озадачилась она. - Ведь я ее бегма подхватила, да и забыла, что твоя. Прости, Игнатич»

В косвенной речи квартирант обычно опускает отчество своей хозяйки. Так же именуется и соседка – старушка Маша. Хорошо еще, что не по старинной традиции: Машка, Матрешка.

В целом, создается впечатление, что обращение «вы, Матрена Васильевна» - не вполне серьезно, что это тонкая насмешка, своеобразный юмор по отношению к прислуге, вообще-то беззлобный.

«– Ну, а к ужоткому что вам приготовить? <...> Что мог

я заказать к ужоткому? Все из того же, картовь или суп картонный»

Конечно, не попросить приготовить, а – заказать к ужину. Формулировка «сделать заказ, заказать к ужину», напоминает либо о ресторанной привычке, либо о домашней прислуге. А то, что, описывая Матрену Васильевну – «стоя в нечистом фартуке», рассказчик выбирает именно фартук (немецкое), а не передник или запонь, впечатление господской усадьбы усиливает.

Видно, что он действительно «дальний», однако, трудно представить, что места эти далекие – фронт, тюрьма или студенческое общежитие.

2.3. ЧТО ЗАКАЗАТЬ К УЖОТКОМУ?

Но что действительно можно приготовить на ужин в деревне летом?

В Торфопродукте «нельзя было купить» никакой другой крупы, кроме ячневой.

«да и ячневую-то с бою – как самой дешевой ею откармливали свиней и мешками брали <...> не было в Торфопродукте и масла, маргарин нарасхват, а свободно только жир комбинированный»

В другом месте, однако, говорится:

«когда подходила ее очередь кормить козых пастухов...Она шла в сельпо покупала рыбные консервы, расстарывалась и сахару и масла...»

При таких противоречиях установить, что же продавалось в сельпо – невозможно.

Матрена Васильевна интересуется, что именно желает постоялец съесть за ужином, и он, располагая деньга-

ми (учитель ежемесячно получает зарплату), может заказать многое.

Обратимся к тексту знатока русской кухни В. В. Похлебкина для справки о крестьянском столе: «Что же касается простого народа, преимущественно крестьянства, скажем, 100–150 лет тому назад, то питался он плохо, однообразно, скудно, несмотря на то, что располагал натуральными пищевыми продуктами. Именно эта близость к природе, использование первичного сельскохозяйственного сырья отчасти и «вывозила» крестьянскую кухню. Кроме того, весьма важным фактором были древние народные очаги: тандыр на Востоке и русская печь в России. Эти типы печей делали основную работу. Вкусно «готовили», собственно говоря, они, а люди лишь загружали ту или иную пищу. Но изобретение этих очагов, их зависимость от национального набора продуктов и национальных кулинарных традиций создавались веками... <...> Именно национальные кухни обобщали наиболее мудрый, наиболее положительный кулинарный опыт многих веков»¹⁴.

«Матрена вставала в четыре-пять утра...топила русскую печь, ходила доить козу...»

Это около трех литров молока в день. Матрена Васильевна молоком не торгует, где же оно? Козье, парное, целебное. Кроме самого молока, это еще и сливки, сметана, масло, творог, сыр. Не диковинка в деревне и коровье молоко.

Возможно, Матрена Васильевна не только не откармливала поросенка, но и пеструшек с петушком не держала. Для села очень странно, но, если так, можно приобрести яйца у соседок.

Матрена Васильевна встает на заре и работает не по-

кладая рук. В хозяйстве ее кроме картошки, должны быть и морковь, лук, свекла, огурцы, капуста.

Взглянуть на деревенский огород в зеркале советской литературы не сложно.

Предлагаемые цитаты немного длинны, но это слова трижды уникальных экспертов: писатели, практики и современники. Только с их помощью и можно слегка приблизить нас ко времени и обстоятельствам, описанным в рассказе.

Например, Виктор Астафьев живописует послевоенное время.

«Ровными рядами, вроде ступеней на городской пристани, катились овощные гряды до середины огорода. На одной из них, самой доступной, чтоб ногами попусту другую овощь не мяли, пышно зеленело ребячье лакомство – морковка. Две-три гряды острились стрелами репчатого лука. Следом, опустив серые ребристые стебли, вкрадчиво шелестел лютый фрукт – чеснок. В стороне от тенистых мест, чтобы солнце кругло ходило, и от огурцов подальше – огурец и помидор не сопутники в роду-племени огородном... <...>

«Под дубком, дубком свилась репа клубком», вечно у нее лист издырявлен... <...> Как-то отчужденно, напористо растет свекла, до поры до времени никем не замечаемая, багровеет, кровью полнится; пока еще шебаршит растрепанно, но тужится завязаться тугим узлом капусты.

«Не будь голенаста, будь пузаста!» – наказывала бабка, высаживая квелую, блеклую рассаду непременно в четверг, чтобы черви не съели. Широко развесила скрипучие, упругие листья брюква, уже колобочком из земли начиная выпирать. Обочь гряд светят накипью цветов бобы, и сбоку же, не обижаясь на пренебрежительное к себе отношение, крупно, нагло и совершенно беззабот-

но растут дородные редьки. <...> За баней, возле старой черемухи есть узенькая расчудесная грядка, засеянная всякой всячиной. То бабкин каприз – всякое оставшееся семя она вольным взмахом развеивала по «бросовой» грядке, громко возвещая: «Для просящих и ворующих!»

<...> У леса, спустившегося с гор и любопытно пляшущего через заднее прясло, темнела и кудрявилась плетями труженица картошка. <...> Люди ждут не чем она подивит, а чего она уродит. Так в жизни заведено – труженика не праздничного наряда и увеселений требуют, а дел и добра. Его не славословят, не возносят, но когда обрушивается беда – на него уповают, ему кланяются и молят о спасении. <...>

Не все огороды на селе строги, деловиты, незыблемы. Наезжий народ со всячинкой селился в этих местах, и всяк распоряжался землей как хотел и умел.

Если крестьянская изба напоминала ликом хозяина, то огород всегда по хозяйке, по характеру ее и сноровке. Вроде бы вот они рядом, огороды, земля одинаковая, солнце одно и то же греет, дожди одни и те же на гряды с неба брызжут, воду на поливку из той же реки на коромыслах носят – ан фасон и урожай огородов разный, значит, и ход жизни в двух семьях несхожий. <...>

Везде и во всем любовь нужна, раденье, в огородном же деле особенно»¹⁵.

Или можно еще послушать Василия Белова, другого деревенщика.

И Виктора Астафьева и Василия Белова многие литературоведы числят последователями Александра Солженицына.

«Первые стрелочки лука, зеленые, весенние, горькие, убивали во рту любую заразу. Они же неожиданно при-

ходили на выручку, когда летом в печи было пусто; нарвать пучок, нарезать ножом и столочь пестиком в деревянной чашке было минутным делом. <...> Так лук и вареный картофель в квасу да полкаравая ржаного хлеба заменяли в пост и мясные щи. Давленный картофель с редькой в квасу и сейчас любимая сенокосная еда в тех местах, где еще водится солодовый квас. <...>

Из репы варили рипню – густую похлебку. Пекли уже описанные сиченики, но, самое главное, ее парили в печках. Набив вымытыми репами большой горшок, его вверх дном, на лопате сажали на ночь в теплую печь. Поутру около чугуна начиналось настоящее пиршество. Пареницу ели дети и взрослые, наголо и с хлебом, с солью и без соли. Если ту же пареницу тонко изрезать и на противне посадить в печь еще на одну ночь, то получится уже вяленица – самое популярное детское лакомство. Еще более славилась вяленица из пареной моркови, ее иногда заваривали вместо чая.

В хозяйственных большесемейных домах в подвалах стояло не по одной кадучке такой вяленицы. Ее брали все, кому хочется, набивали ею карманы, жевали на беседках. На нее играли даже в азартные игры. <...>

Моркови, огурцам и свекле обязательно отводилось по небольшой грядочке. Свежие резаные огурцы, смешанные с вареным картофелем и политые сметаной, ели под осень вместо второго. Свекла же и большая часть моркови уходили почему-то скоту. Зато капуста была опять же в большой чести, щи заправляли только ею. Свежую капусту, как и репу, парили в печи. Солили ее двумя способами: плашками и шинкованной. Тот, кто едал соленоквашеную капусту, навсегда запомнит ее сочность и ни на что не похожий вкус. В посты резаную капусту смешивали с давленным вареным картофелем и поливали льняным маслом. Так же поступали и с тертою редькой.

Очищенная редька постоянно плавала в кадке с холодной водой, ее доставали по утрам и по вечерам. Тертая редька в квасу, смешанная с горячей, только что раздавленной картошкой, была бы украшением и любого нынешнего стола... Вкус горячего в холодном приобретает для многих людей особую прелесть...»¹⁶.

Разнообразить деревенский стол можно и дарами дикой природы. Об этом там же свидетельствует Василий Белов:

«Рыжик. Ни один гриб не мог соперничать с ним, поскольку рыжик, как и рыбу, можно варить, солить, запекать в пироге и даже, сперва слегка подсолив, есть в свежем виде. В грибной год народ солил рыжики кадушками, их ели с картофелем и с блинами, варили до самого сенокоса. Но все-таки похлебка из соленых рыжиков или же из сушеных маслят – губница – была на самом последнем месте в ряду мясных, рыбных и прочих похлебок. Почему? Непонятно. Может быть, из-за дешевизны, доступной любому лежебоке, может, оттого, что быстро приедалась.

Если на рыжики случался неурожай, то нарастали грузди, или полугрузди, или кубари, если же не было и этих, то уж волнухи-то обязательно осенью появлялись. На худой конец, можно было насолить белянок и солодьяг, которые по сравнению с рыжиками считались чуть ли не поганками.

На сушку в достатке заготавливали маслят (белые росли не везде). Их же в разгар лета собирали на жаренину. <...> Сушили их в нежаркой печи, затем нанизывали на суровую нить и подвешивали под матицу или ссыпали в деревянную дупельку. Аромат от этих грибов признавал и любил не каждый, как не каждый мог свободно, в любое время ступать в поскотину с грибной корзиной. Со-

бирали грибы дети, старики и убогие, остальные делали это только попутно, урывками, а иной раз тайком. То же можно сказать о сборе ягод, лесного дягиля, щавеля, кислицы, о гонке березового сока. Все зависело от того, в какую пору созревала ягода и убран ли под крышу хлеб, лен, сметаны ли стога. Даже глубокой осенью женщина с трудом выкраивала время сходить, например, по клюкву. <...> На зиму ее замораживали. Принесенные с мороза ягоды стучали словно камушки. Из них варили кисель и напиток, давили для еды с блинами. Осенью добавляли в шинкованную капусту, в горячий чай, ели, конечно, и просто так.

С клюквой по изобилию иной год успешно состязалась брусника. ...Ее мочили (как мочат яблоки), но больше парили. Пареную бруснику многие заливали суслом, так она дольше хранилась. Ели бруснику с блинами, с толокном, с кашей-заварой, в молоке, заправляли ягодой чай, готовили из нее напиток и просто лакомились «наверхосытку» после еды. <...>

Мороженую, собранную осенью рябину, гроздьями висевшую на чердаках, приносили в избу, и даже взрослым казалось необъяснимым ее неожиданное превращение из горькой в сладкую. <...>

Малину и черную смородину собирали для лакомства и для сушки в медицинских целях, как и черемуху¹⁶. А еще орехи.

В средней полосе у дома, хоть небольшой, да садик, то есть обязательно яблоки.

Все вышеперечисленное употребляют самые бесхозяйственные крестьяне, как в свежем, так и в сушеном виде. Варят и варенье, особенно тогда, когда, как Матрена Васильевна, сахар не едят.

Соленые грибы, огурцы, квашеную капусту и моченые яблоки, человек, получающий зарплату, да еще та-

кой уважаемой профессии как учитель, приобретает в деревне с легкостью.

Мед к Медовому Спасу опять же можно купить не дорого. Пасеки никогда не облагались налогом.

Все это натуральные, экологически чистые, полезные и свежие продукты.

В деревне река, рядом цепь озер, значит круглый год – свежая (и не только) рыба. Ученики 8 класса с удовольствием угостят математика только что пойманной рыбкой.

Василий Белов вспоминает деревенское детство (40-е годы):

«Рыбу варили, жарили, пекли, сушили, солили и вялили. Настоящий, знающий рыбак сам варил двойную уху: когда в бульон, сваренный из рыбной мелочи (ерши, окуньки, сорога), заваливали уже добрую рыбу (щука, судак, налим, лещ) и кипятили вновь. <...> Сушеную рыбу, называемую сущем (снеток, ряпус, окунь, сорога), варили в посты, в дороге и на сенокосе, предварительно искрошив и мелко растерев в ладонях. <...> Очень вкусна была соленая икра, например, щучья, налимя, сорожья. В свежем виде ее вместе с молоками разводили на молоке и ставили в горячую печь. Пирог также нередко пеклись с молоками и свежей икрой, годилась для этого и налимя печенка»¹⁸.

Все это богатство без сельпо и гастрономов.

Было что заказать к ужину.

Постоялец либо от невероятной скаредности месяцами до изжоги давился картошкой да ячневой кашей без масла, либо надо искать особое объяснение этому феномену отвержения качественной еды.

«Что же такое пища, какие смыслы раскрываются в ней

за рамками обыденного взгляда, если рассматривать ее как своеобразный код жизни, культуры и социума? Прежде всего, пища – это первичная, базовая повседневная практика, с огромным информационно-коммуникативным потенциалом, формирующим человека и настраивающим его на определенный ракурс взаимодействия с миром»¹⁹.

2.4. Учить или...

«А меня тянуло – учительствовать»

Учительствовать можно было и в «горячей пустыне», но хотелось именно «...по сю сторону Уральского хребта».

Учить – это просто учить и все. А учительствовать – это плюс три суффикса – три превращения. Учительствовать – это и главенствовать, и властвовать.

После долгих лет подчинения и унижений жажда социального реванша и мести вполне естественны для человека, полного сил и планов.

В деревне, где учителю платят деньги, а колхозникам выставляют «палочки»; в школе, где учитель, взрослый мужчина доминирует и физически, и социально, и интеллектуально, застарелую психологическую травму компенсировать легче, чем где бы то ни было.

Тяга к работе в школе понятна.

«...я подошел к окошечку робко, поклонился и попросил: – Скажите, не нужны ли вам математики...»

Математики, судя по всему, нужны были позарез.

Нигде не сказано, был ли у рассказчика опыт работы

педагогом, зато точно известно, что уголовный опыт богатый, однако место учителя находится сразу.

По отношению к бывшему заключенному гуманно, но вот по отношению к детям настораживает. Дорога из тюрьмы в учительскую, безусловно, должна быть длиннее.

Устроился учитель неплохо.

«Я спал долго, просыпался на позднем свету и потягивался...».

Поздний зимний свет – часов 9–10.

Недавний робкий проситель расправил крылья, начал учительствовать.

Один из его учеников «...не владел дробями...». В этом нет ничего удивительного, ведь в школе видимо давно не было учителя математики. Возможно, не владели дробями и другие ученики. О своей методике преподавания Игнатич говорит так:

«По первым четвертям он был в цепкой хватке моих двоек – и то же ожидало его в третьей четверти...».

Приходит «полуслепой старик», отец неуспевающего учащегося, поговорить с учителем. Математику почему-то мнится, что пришел он

«... на униженный поклон». «...я терпеливо (!) объяснял ему, что запущено у сына очень, и он в школе и дома лжет(?), надо...круто браться с двух сторон. – Да уж куда крутей, батюшка, - заверил меня гость. – Бью его теперь, что неделя. А рука тяжелая у меня».

Как-то не приходит в голову человеку, которого тянуло учительствовать, посоветовать темному родителю прекратить рукоприкладство, уж видно очень раздражал его румяный мальчик.

Битый жестоко каждую неделю, он не плакал, не жаловался, не просил униженно и робко у учителя тройку.

«Антошка был круглый румяный малец из 8 «Г», выглядевший, как кот после блинов [после побоев]. В школу он приходил как бы отдохнуть, за партой сидел и улыбался лениво»

Физическое насилие вообще оставляет учителя равнодушным. Жалобы только раздражают. Мать Антошки, приходящая к Матрене Васильевне за поддержкой и утешением, не нравится рассказчику. Слишком много плачет.

Зато пьяные хулиганы будят теплые чувства в душе педагога.

«Без ошибки я мог предположить, что вечером над дверьми клуба будет надрываться радиола, а по улице пображивать пьяные – не без того, да подпыривать друг друга ножами»

Чувствуется какая-то нежность, добродушная доверительность: пображивать, подпыривать... Приставки умаляют серьезность происходящего. Ничего особенного для культурного человека – поножовщина.

О самом учебном процессе не сообщается ничего, но проработав в деревенской школе несколько месяцев, математик легко делает выводы о системе среднего образования во всем государстве.

Выводы самые неблагоприятные.

«...главное, борясь за тот высокий процент успеваемости, которым славились школы нашего района, нашей области и соседних областей – из году в год его переводили<...> год за годом школа его [отца] обманывала...»

Обманывают все. Но вот из тюрьмы прибывает редкий специалист, дорожащий своей репутацией, как никто:

«...дальше же обманывать я не могу, иначе развалю весь класс, и превращусь в балаболку, и наплевать должен буду на весь свой труд и звание свое».

Неловко и говорить, что звание учителя само по себе еще ничего не значит, можно быть учителем Макаренко, а можно и учителем Гнусом.

(А. С. Макаренко «Педагогическая поэма», Генрих Манн «Учитель Гнус»).

2.5. НИ УХА, НИ РЫЛА

Ничего нет общего у жителей деревни с человеком, поселившимся в избе у Матрены Васильевны. Чужой во всем, ничего не понимая в жизни этих людей, он, однако, безапелляционно выносит оценки и смотрит на все свысока.

10 лет в тюрьме, четыре года на войне, пять лет в институте – итого 19 лет.

Если и бывал этот человек в деревне, то очень давно, скорее всего, только в сказках слышал да в кино видел – так далек он от понимания деревенского быта, да и не только деревенского.

Воспитанница Кира.

«...и присватался ко мне Ефим»

Матрене Васильевне было 22 года, дома еще три младших сестры, весьма велика вероятность остаться в вековухах. И пришлось ей принять за объяснение в любви слова:

«...в нашу избу ты идти хотела, в нашу и иди»

Непонятно, зачем Ефим захотел жениться на братовой невесте, если не любил ее, да еще и на перестарке.

Непонятно, если не учитывать давнюю традицию: в случае смерти старшего брата, младший женится на его вдове, особенно в тех случаях, когда сиротами остаются дети. Конечно, Матрена Васильевна только невеста, а не жена, однако практику такую учитывать надо.

Брак с Ефимом был бездетным.

«И попросила она у той второй забитой Матрены – чрева ее урывочек (или кровиночку Фаддея?) – младшую их девочку Киру»

История этого удочерения вызывает много вопросов. Не вернулся с войны муж Матрены Васильевны.

Десять лет она воспитывала ее здесь как родную, вместо своих невыстоявших»

1956–10=1946 год. После страшной войны в стране огромное количество детей, потерявших родителей. Часто их берут на воспитание родственники, соседи, знакомые. Усыновляют и совсем чужих воспитанников детских домов.

Здесь же, по прихоти пожилой женщины, ребенка забирают из полной семьи, из крепкого хозяйства [Фаддей не воевал], по оценке автора, «к нищей старухе», которая многие годы не зарабатывает ниоткуда ни рубля, живет «в запущи», готовить не умеет, в доме грязь, мыши, тараканы, холод (окна на зиму не утепляет).

В родной семье еще четырехлетний ребенок, за которым надо присматривать, как раз работа для девочки-подростка.

Желание воспитывать «кровиночку» бывшего возлю-

бленного, хоть и весьма романтичное, как-то объяснимо, но вот заполучить в дом «урывочек чрева» посторонней женщины – аргумент слабый. Зато звучный. Он больше говорит о стилистических пристрастиях рассказчика, чем о мотивах удочерения.

А между тем, Фаддей – старший брат.

Глава рода. Семья младшего брата входит в «зону его ответственности», брат погиб, осталась бездетная вдова. Кто как не Фаддей должен оказывать ей покровительство и помощь?

Кире не меньше 18 лет. Скорее всего, больше. В 1946 послевоенном году, ей 8–11 лет. Возраст, когда деревенские девочки уже помощницы и работницы (в Тарусском музее среди экспонатов есть искусные кружева, которые плели девочки до семилетнего возраста, дольше выполнять эту работу они не могли – пальцы становились слишком толстыми), няньки, воспитательницы, а не воспитанницы.

Киру отдают не столько на воспитание, сколько в работницы, в помощь тетке Матрене.

Кира продолжает помогать родственнице и выйдя замуж.

«И незадолго до меня выдала [Киру] за молодого машиниста в Черусти. Только оттуда ей теперь и помощь сочилась: иногда сахарку, когда поросенка зарежут – салыца».

Сочиться – течь по капле из чего-нибудь. По капле – это мало, по мнению рассказчика, надо бы, видимо, больше.

Только-только выйдя замуж («незадолго до меня!»), Кира уже и поросенка откормила и Матрене Васильевне присылает продукты, подтверждая тем самым, что и сама себя она рассматривает именно как помощницу, опору.

«Страдая от недугов и чая недалекую смерть, тогда же объявила Матрена свою волю: отдельный сруб горницы, расположенный под общей связью с избой, после смерти ее отдать в наследство Кире. О самой избе она ничего не сказала»

В таком случае, ясно, что изба не Кире.

Кирино наследство определено четко. Каких-то родственников, скорее всего, родных сестер, Матрена Васильевна рассматривает как более близких.

Изба дороже горницы.

Будь Кира родной (как родной) дочерью, Матрена Васильевна сама бы предложила молодым пустую, «стоящую без дела» горницу, а «чая недалекую смерть» все завещала бы своему ребенку.

Кира такая же подставная дочь, как ее мать «подставная» жена. В завещании она получает долю за работу, что, разумеется, не исключает взаимной симпатии тети и племянницы.

Помочь.

«Но не колхоз только, а любая родственница дальняя или просто соседка приходила тоже к Матрене с вечера и говорила: – Завтра, Матрена, придешь мне пособить. Картошку будем докапывать. И Матрена не могла отказать. Она покидала свой черед дел, шла помогать соседке...»

Без помощи друг другу никогда в деревне не жили, пришельцу это кажется чем-то невероятным, именно потому, что он смотрит на все происходящее со стороны, наблюдая жизнь аборигенов.

А вот как об этой социальной практике пишет Василий Белов:

«Помочи – одна из древнейших принадлежностей русского быта. Красота этого обычая совсем лишена внешней нарядности и броской, например свадебной, декоративности, она вся какая-то нравственная, духовно-внутренняя. Пословица «дружно не грузно, а врозь хоть брось» отражает экономическое, хозяйственное значение обычая. <...> Обычай предоставлял превосходную возможность показать трудовое и профессиональное мастерство, блеснуть собственной силой, красотой и необычностью инструментов, проявить скрытое внутренне остроумие, познакомиться ближе, наконец, просто побывать на людях. Работа на таких помочях никому не была в тягость, зато польза хозяевам оказывалась несравнимой. Так, всего за один день ставили сруб небольшого дома или гумна»²⁰.

В голове у повествователя не укладывается, как это можно помогать соседям бесплатно. О деньгах он не забывает никогда.

«Что ж платили вы ей?» - допытывается он у подруг Матрены Васильевны.

«Да не берет она денег. Уж поневоле ей вопрятаешь».

Вопрятаешь – делаешь вопреки, насильно. То есть, получается, все-таки, платили.

«Тальновские бабы установили доточно, что одной вскопать свой огород [15–25 соток] лопатой тяжелее и дольше, чем, взяв соху и вшестером впрягшись, вспахать на себе шесть огородов».

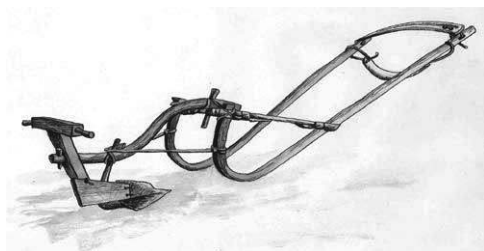

Иллюстрация 5. Соха.

<http://www.korobushka.ru/index.php?productID=419>

Отчего-то не интересуется любознательный жилец, платила ли сама

Матрена Васильевна товаркам за пахоту своего огорода, когда подходила ее очередь.

Не огорчает учителя и отсутствие техники на селе.

Светлая картина в рассказе – одна, из досоветского прошлого.

«...вспыхнул передо мной голубой, белый и желтый июль четырнадцатого года: еще мирное небо, плывущие облака и народ, кипящий со спелым жнивом. Я представил их рядом: смоляного богатыря с косой через спину; ее, румяную, обнявшую сноп. И – песню под небом, какие давно уже отстала деревня петь, да и не споешь при механизмах»

Такой вот пейзажный пейзаж. От зари до зари с серпом, в обнимку со снопом. С песнями и без машин.

Кстати, жниво, с которым кипит народ, это стерня, нижняя часть стеблей зерновых культур, оставшаяся на корню после уборки урожая.

То, что Матрена Васильевна с подозрением относится к технике, можно объяснить недостатком ее образования:

«Услышав, что машины изобретены новые, ворчала Матрена из кухни: – Все новые, новые, на старых работать не хотят, куды старые складывать будем? <...> Еще в

тот год обещали искусственные спутники Земли. Матрена качала головой с печи: – Ой-ой-ойиньки, чего-нибудь изменят, зиму или лето».

Но примечательно, что и учитель сожалеет об уменьшении использования ручного труда.

Правда, когда дело касается самого рассказчика – он от прогресса не отказывается. Среди его небольшого скарба: настольная лампа, приемник, фотоаппарат, электрический фонарик.

Русская печь.

«Да и русская печь, как я пригляделся, неудобна длястряпни: варка идет скрыто отстряпухи, жар к чугунку подступает неравномерно. Но потому, должно быть, пришла она к нашим предкам из самого каменного века, что, протопленная раз на досветьи, весь день хранит в себе теплыми корм и поило для скота, пищу и воду для человека»

Пригляделся – видимо впервые увидел? Однако скор на вынесение приговора. И приговор суров. Замечание, которое позволяет себе постоялец, лучше всего показывает дистанцию между пришельцем и русским миром.

Вот как пишет о русской печке Василий Иванович Белов в книге о деревенском быте «Лад»: «И если в духовном смысле главным местом в хоромах был красный угол главной избы, то средоточием, материально-нравственным центром, разумеется, была русская печь, никогда не остывающий семейный очаг.

Печь кормила, поила, лечила и утешала. На ней подчас рожали младенцев, она же, когда человек дряхлел, помо-

гала достойно выдержать краткую смертную муку и навек успокоиться.

Печь нужна была в любом возрасте, в любом состоянии и положении. Она остывала только вместе с гибелью всей семьи или дома. <...> Какой же должна быть печь? <...>

В-пятых – чтобы была красива. Миловидна. Чтобы гляделась в избе, как невеста...»²².

Но, конечно, это слова скорее поэта, чем повара, а вот что пишет о русской печи знаменитый кулинар, Вильям Васильевич Похлебкин, награжденный международной премией Ланге Черетто за выдающиеся книги в области кулинарии, присуждаемой на основе рекомендаций международного жюри кулинаров Англии, Франции, Германии и Италии.

«В русской кухне издавна технологический процесс сводился к варке или к выпеканию продуктов в русской печи, причем обе эти операции велись обязательно раздельно. То, что было предназначено для варки, отваривалось с начала и до конца; то, что было предназначено для печения, только пеклось... Вся тепловая обработка сводилась к нагреву блюда теплом русской печи, и это тепло могло быть трех степеней – «до хлебов», «после хлебов», «на вольном духу», – но всегда без непосредственного контакта посуды с огнем, только через посредство толстого слоя раскаленных кирпичей. Температура при этом могла быть все время постоянной, на одном уровне, либо падающей, убывающей, если печь постепенно остывала, но никогда не бывала возрастающей, что мы имеем при наплитном приготовлении. Оттого и кушанья старой русской кухни получались скорее томлеными или полутомлеными, полутушеными и приобретали совершенно особый вкус. <...>

Поэтому русская печь (а точнее, создаваемые ею тем-

пературные условия) придавала народным блюдам своеобразие, без которого они многое теряют. <...>

Утрата русской печи привела к ухудшению вкуса блюд народной кухни и даже к исчезновению целого ряда кушаний из обихода... Это обстоятельство надо иметь в виду, ибо, несмотря на все поварское искусство и самое scrupulous следование классическим рецептам, невозможно преодолеть различие во вкусе между русскими блюдами XIX века и современными русскими блюдами, приготовленными на плите»²⁴.

Иллюстрация 6. Русская печь.

Иллюстрация 7.

<http://alces-stories.narod.ru/Dream-home/heating.html>

Нельзя, разумеется, забывать и то, что русская печь это открытый огонь в доме.

«Место приготовления пищи, где поддерживается огонь – очаг; во всех архаичных культурах является сакральным. Очаг находился в центре дома и служил как

для приготовления пищи, так и для жертвоприношений – религиозное и обыденное назначение пищи тогда еще не были разведены...»²⁵.

Все в доме глубоко безразлично, непонятно, чуждо рассказчику, однако он наблюдает и делает, как ему кажется, справедливые и ценные замечания.

«Одного мешка такого, принесенного иногда километра за три (и весил он пуда два), хватало на одну протопку».

30 кг сухого торфа соответствуют по теплоотдаче 60 кг сухих дров.

Такое количество может понадобиться только в том случае, если печь стоит в чистом поле.

Обои.

«...кто-то когда-то, еще по хорошей жизни, оклеил Матренину избу рифлеными зеленоватыми обоями, да не просто в слой, а в пять слоев»

Как бы ни был расточителен крестьянин (а такое редкость), оклеивать избу обоями в пять слоев в здравом уме никто не станет.

Просто учитель с такими заботами, видимо, никогда не сталкивался. Пять слоев – это пять косметических ремонтов, и, если они проводились не реже одного раза в пять лет (не каждый же год), значит, не оклеил, а оклеивал, и хорошей жизни набирается лет 25.

Послевоенные годы, когда похоронены уже шестеро детей и муж пропал без вести, не то время, чтобы наво-

дить в доме блеск, и войну хорошей жизнью не назовешь – вот и получается (41–25=19), где-то с 1919 года по 1941.

Поросенок.

«Что может быть легче – выкармливать жадного поросенка, ничего в мире не признающего кроме еды! Трижды в день варить ему...»

Разумеется, никто трижды в день корм скотине не варит.

Встречаются и такие люди, которым всегда кажется легкой работа, если делает ее кто-то другой.

А порицание поросенка за аппетит, характеризует скорее рассказчика, чем животное.

Коза.

«Так, одной утальной [маленькой] козе собрать было сена для Матрены – труд великий. Брала она с утра мешок и серп и уходила в места, которые помнила, где трава росла по обмежкам, по задороге, по островкам среди болота. Набив мешок свежей тяжелой травой, она тащила ее домой и во дворике у себя раскладывала пластом. С мешка травы получалось подсохшего сена – навильник».

Видя, каким тяжелым трудом достается сено, постоялец, словно в насмешку, спрашивает:

«А почему вы коровы не держите, Матрена Васильевна?».

А если не в насмешку, зачем?

Сарай

«...сарай, где жила коза»

Сарай, в котором зимует скотина, называется - скотный двор или хлев, и должен он быть бревенчатым, рубленным, теплым, иначе коза скопытилась бы.

Водосвятие.

«Одно только событие или предзнаменование омрачило Матрене этот праздник [Крещение]: ходила она за пять верст в церковь на водосвятие, поставила свой котелок меж других, а когда водосвятие кончилось и бросились бабы, толкаясь, разбирать – Матрена не поспела среди первых, а в конце – не оказалось ее котелка. И взамен котелка никакой другой посуды тоже оставлено не было. Исчез котелок, как дух нечистый его унес. – Бабоньки! – ходила Матрена среди молящихся. – Не прихватил ли кто неуладкой чужую воду освяченую? В котелке?»

Повествователь понятия не имеет о сути происходящего, которое относится к азбуке веры. Процедура обряда исключает описанную ситуацию. Верующие сами держат в руках принесенные емкости.

«Водоосвящение или водосвятие – церковное чинопоследование, на котором при трехкратном погружении креста, с соответствующими молитвами и песнопениями, Божественным наитием совершается освящение воды.

Водосвятие бывает великое и малое. Великое водосвятие совершается дважды в году: накануне праздника Богоявления (Крещения) – после литургии или вечерни, и в самый день праздника – после литургии.

Вода, освященная в эти дни, называется великой агиасмой

(греч. «святыня»). Освящается она или в специальных наполненных емкостях, или же в реке, источнике, озере, колодце, куда совершается торжественный крестный ход, называемый ходом на Иордань...»

Азбука веры

Православная энциклопедия

<http://azbyka.ru/dictionary/03/vodoosvyachenie.shtml>

Игнатич, скорее всего, путает христианские праздники. Во время ритуала освящения куличей и яиц в Великую Субботу перед Пасхой, теоретически могла случиться подобная путаница, но практически, разумеется, никогда.

Иллюстрация 8.

Великое водосвятие на Соловках. Богоявление.

www.photo-wave.ru

Иллюстрация 9.

Крещенская водичка

www.photo-wave.ru

Иллюстрация 10.
Пасха православная
www.gov.cap.ru

Курьезно и предположение, что святую воду унес нечистый дух. Миряне освящают вещи, троекратно окропляя их именно святой водой с произнесением молитвы.

II. ПРЕДМЕТ И МЕТОД

1. Дьявол в деталях

1.1. ДЕГЕНЕРАТЫ

При первом обсуждении текста «Матренин двор» в редакции журнала «Новый мир», Александр Твардовский сказал о персонажах: «Все вокруг – дегенераты, вурдалаки...»²⁶. Несмотря на то, что определение это было образное, художественное, а не квалификационное, поэт не ошибся.

1.1.1. Мужчины

Галерею мужских эпизодических образов открывает председатель соседнего колхоза. Эпизод возникает для читателя, можно сказать, с бухты-барахты, но для автора, видимо, имеет ценность непреходящую.

В Кратких пояснениях к произведению, написанных в 1998 году [спустя 39 лет! после написания текста] Александр Солженицын возвращается к злосчастному председателю, давая ему уже прямые оценки: «...он и упоминается в рассказе как уничтожитель леса и спекулянт»²⁷.

Однако и лес не был уничтожен и сам факт спекуляции отсутствовал.

«А и на этом месте стояли прежде и перестояли революцию дремучие, непрохожие леса. Потом их вырубил – торфоразработчики и соседний колхоз. Председатель его, Горшков, свел под корень изрядно гектаров леса и выгодно сбыв в Одесскую область, на том свой колхоз возвысив, а себе получив Героя Социалистического Труда»

Рассказчик только что сошел с поезда на незнакомой станции, осматривается, читает нацарапанные гвоздем и вырезанные ножом на стенах барака надписи, и вдруг возникает ничем не мотивированная, весьма темпераментная тирада.

И кто, и что, и почему, и зачем.

Что это, если не вставная новелла, слабо связанная с общим текстом?

Смысл второго сочинительного союза возможно прояснить лишь сопоставив первое предложение со словами текста, отстоящими на пять абзацев, в которых происходит смена и временного и пространственного планов.

«На взгорке между ложков, а потом других взгорков, цельно-обомкнутое лесом, с прудом и плотинкой, Высокое Поле было тем самым местом, где не обидно бы и жить и умереть»

Источник столь разнообразных знаний местных реалий не указывается. Если к этому тексту отнестись внимательно, можно обнаружить ряд противоречий.

«...стояли прежде и перестояли революцию дремучие, непрохожие леса».

Упоминание революции в данном контексте абсолютно конъюнктурно.

Выражение лес рубят – щепки летят, может быть отнесено к революционным событиям, но и лес и щепки, в таком случае, метафорические.

Такие временные указатели как прежде и потом весьма условны, но вместе с тем фраза: «Потом их вырубил – торфоразработчики и соседний колхоз» создает впечатление одномоментности действия.

Торф, как вид топлива, был известен еще при Петре Великом, его добыча связана с вырубкой леса. Промышленная добыча торфа началась в конце XVIII столетия. В 1851 году правительством был учрежден особый Комитет для наблюдения за правильной разработкой торфяников.

Например, Богородско-Глуховская мануфактура с 1880 года была одним из крупнейших разработчиков торфяных болот. В 1914 году она начала разработки Рюминского торфяного болота, расположенного на границе Богородского уезда с Владимирской губернией, в районе водораздела рек Шерны, Дубны и Россои, впадающих в реку Клязьму. Для сообщения с болотами была выстроена узкоколейная железная дорога, сохранявшаяся и в 1956 году.

Решение о коллективизации сельского хозяйства было принято в 1927 году XV съездом ВКП(б).

Одесская область в составе Украинской ССР была образована 27 февраля 1932 года.

Звание Героя Социалистического Труда и Положение о звании учреждены Указом Президиума Верховного Совета СССР от 27 декабря 1938 года. 22 мая 1940 года Указом Верховного Совета СССР «О дополнительных знаках отличия для Героев Социалистического Труда» был уста-

новлен особый знак отличия – золотая медаль «Серп и Молот».

Иллюстрация 10.

Золотая медаль «Серп и Молот» – атрибут Героя Социалистического труда.

Судя по вышеизложенному, продажа леса председателем Горшковым в Одесскую область, произошла уже после окончания Великой Отечественной войны, когда для восстановления разрушенного хозяйства особенно остро требовались строительные материалы, а колхозу – деньги.

Текст Положения о звании гласил, что «звание Героя Социалистического Труда присваивается лицам, которые своей особо выдающейся новаторской деятельностью в области промышленности, сельского хозяйства, транспорта, торговли, научных открытий и технических изобретений проявили исключительные заслуги перед Советским государством, содействовали подъёму народного хозяйства, науки, культуры, росту могущества и славы СССР».

Председатель Горшков отмечен был не зря: Одесская область получила дефицитный лес, колхозники – славу и реальные деньги на трудодни, глава колхоза – правительственную награду. Все остальные – пример творческого подхода к работе.

Отчего же эта вставная новелла по форме напоминает классический донос?

Поступок председателя приезжий учитель не одобря-

ет, но делает это не явно, а создавая отрицательно оцениваемый контекст.

«А и на этом месте стояли прежде и перестояли революцию дремучие, непрохожие леса»

Прошедшее время глаголов не оставляет сомнений в том, что действие уже закончено – сейчас лесов нет. Дальнейший текст такое восприятие опровергает:

«Да, это было так. Уже закруживалось пугающее дыхание зимы – и щемило сердце. Стояли вокруг леса...»

Но рассказчик и не утверждал, что вообще лесов не осталось, а только, что «...Горшков, свел под корень изрядно гектаров леса...».

Понятие изрядно не имеет количественного выражения, а повествующий, вероятно, не имеет данных о количестве проданной древесины. Устойчивое словосочетание извести под корень, то есть бесповоротно уничтожить, сохраняя весь свой комплекс отрицательных ассоциаций и семантику, получает мягкую коррекцию.

«...Горшков, свел под корень изрядно гектаров леса и выгодно сбыл...»

Горшков лес не продал, а сбыл. В чем различие этих синонимов? Кроме разговорного оттенка слово сбыть имеет и отрицательную коннотацию недобросовестности, недоброкачественности. Сбыть залежалый товар, сбыть с рук. Выражение выгодно сбыл – воспринимается носителем языка, как акт трудно доказуемого правонарушения, совершенного с корыстной целью, и вместе с тем, освобождает говорящего от обвинений в прямом оговоре.

«...Горшков, свел под корень изрядно гектаров леса и выгодно сбыв в Одесскую область, на том свой колхоз возвысив...»

Таким образом, получается, что колхоз возвышен не столько по трудовым заслугам работников, сколько вследствие сомнительной деятельности руководителя.

Труднообъяснимая горячность, с которой приезжий воспринимает жизнь соседнего колхоза, приводит его к прямому нарушению грамматики.

«Председатель его, Горшков, свел под корень изрядно гектаров леса и выгодно сбыв в Одесскую область, на том свой колхоз возвысив, а себе получив Героя Социалистического Труда».

«Без ошибки я мог предположить, что вечером над дверьми клуба будет надрывать радиола, а по улице пображивать пьяные да подпыривать друг друга ножами...»

Половая принадлежность пьяных не уточнена, однако перед нами собирательное существительное, что может подразумевать лиц обоего пола.

Предположение – это отсутствие уверенности, допущение того, что в высказывании может содержаться ошибка. Подкрепленная глаголом будет, инверсия, в результате которой выражение «без ошибки», получает содержание, игнорирующее условность ситуации, превращает предположение в утверждение.

Экзотические формы глаголов пображивать и подпыривать, останавливая внимание, вместе с тем, отвлекают

его от подмены предполагаемого будущего времени на безальтернативное будущее время, в котором пьяные обязательно будут пображивать и подпыривать друг друга бесконечно долго, т.е. всегда.

В выборе приставки чувствуется снисходительность, если не нежность, добродушная доверительность – пображивают, подпыривают. Исключительность ситуации превращается в обыденность: бродят по поселку вечерами пьяные с холодным оружием, применяя его направо и налево под веселую музыку, ничего особенного.

Но все это видения.

Ни Матрена Васильевна, ни сам учитель не приведут в дальнейшем ни одного случая подобного хулиганства.

«Электричество же в деревне было – его еще в двадцатые годы подтянули от Шатуры. В газетах писали тогда – «лампочка Ильича», а мужики, глаза тараща, говорили: «Царь Огонь!»

В 1956 году было еще множество деревень, не имевших электричества, но в Тальнове лампочки горели с довоенных времен. Кто сообщил учителю об изумлении, промонархически настроенных аграриев в тексте не говорится.

«...подходила ее очередь кормить козых пастухов: одного – здоровенного, немоглу'хого...»

Здоровенный, но не здоровый, фактически являющийся инвалидом.

Несоответствие видимости содержанию выражено весьма изысканно. А. В. Урманов выдвигает следующую версию такого внимания к этому определению. «Выделенное курсивом слово интересно тем, что демонстри-

рует удивительную способность А.Солженицына извлекать дополнительные семантические и экспрессивные возможности с помощью внутренней «перестройки» слова, перестановки его составных частей, за счет смены ударения и т.п. «Переназывая» привычные для воспринимающего сознания предметы и явления и выводя таким образом слово из состояния морфологического, фонетического, интонационного и, наконец, образно-семантического «равновесия», писатель не только обновляет словоупотребление, но и значительно обогащает внутреннее содержание слова, помогает более остро и свежо (как бы заново, впервые) почувствовать его внутреннюю энергию и его внутреннюю форму, создает у читателя эффект присутствия если и не при рождении, то, по крайней мере, при качественном обновлении слова. Слово немоглухой, <...> типичный для прозы Солженицына случай преодоления так называемой «инерционной семантики». В такой непривычной для воспринимающего сознания версии оно существенно меняет свои интонационные и смысловые акценты. В двусоставном слове эти акценты обычно смещены на вторую корневую основу, поэтому доминирующим значением является то, которое «извлекается» из второй части. Таким образом, цель «перестройки» слова глухонемой на немоглухой становится вполне понятной – все дело в смещении смыслового акцента с немоты на глухоту (ненормативный перенос ударения с о на у лишь усиливает этот эффект)»²⁸.

Дальше профессор делает курьезный, непонятно на чем основанный вывод: «...ибо глухота, по представлениям Матрены, причиняет человеку (и тем, кто с ним общается) гораздо больше неудобств, чем невозможность высказываться»²⁹.

В тексте, правда, отсутствуют сведения о предпочтениях Матрены Васильевны.

Но в чем же значение переноса смыслового акцента с немоты на глухоту?

Страдать немотой может только человек, так как только он обладает даром речи, глухота же может поразить и животное.

Можно предположить, что целью всей комбинации является умаление человеческого в человеке. Проводящий большую часть времени в лесу, среди животных, здоровенный инвалид, глухой, не владеющий речью – вот еще один образ мужчины, мелькнувший в произведении.

«Бойся портного да пастуха, – объясняла она мне. – По всей деревне тебя ославят, если что им не так»

Глухонемой пастух ославить не может, но иерархия отношений в социуме четкая – испортить репутацию может любой.

«Деревенский портной-горбун подложил под сукно ваты...»

Искривление позвоночника, эта бросающаяся в глаза отличительная особенность, разумеется, не пропущена в тексте – ее зримость, наглядность вносит свою лепту в общую характеристику жителей деревни.

«Меня сам ни разу не бил, - рассказывала она о Ефиме. – По улице на мужиков с кулаками бегал, а меня – ни

разику не бил. То есть был-таки раз – я с золовкой поссо-
рилась, он ложку мне об лоб расшибил».

В отличие от домашнего насилия, социальное наси-
лие вообще не имеет никаких мотивов.

«А пока мужчины ломали...»

В тексте сказано:

«Переметив номерами венцы сруба и доски потолоч-
ного настила, горницу с подклетью разобрали...»

Такая тщательность была необходима, так как горни-
ца нужна целой. Ее переносят на другое место. Значение
слова ломать легко уточняется через синонимический
ряд – крушить, рушить, разрушать, сокрушать, развали-
вать, уничтожать и т.д.

Все это действия, которых мужчины, ни в коем случае,
не должны были допускать. Они и не допускали.

Но учителю нужен сильный глагол истребления, пусть
и не соответствующий действительно происходящему.

«Все работали, как безумные, в том ожесточении, ка-
кое бывает у людей, когда пахнет большими деньгами
или ждут большого угощения»

Вряд ли пахло большими деньгами – сэкономили на
всем (второго трактора не нанимали, готовили самогон).

«...водка обошлась бы чересчур дорого»

Может быть, угощение было необыкновенно большим?

«Кира привезла из Московской области пуд сахара, Матрена Васильевна под покровом ночи носила тот сахар и бутылки самогонщику»

Кира привезла 16 килограммов сахара. Из одного килограмма сахара получается примерно 300 миллилитров самогонки. Значит всего около 5 литров.

«...все, кто работал, человек до десяти мужчин, прогрели мимо моего стола и нырнули под занавеску в кухню. Оттуда глуховато застучали стаканы...»

Приблизительно, грамм 400 на человека, учитывая, что выпили не все:

«...пустых лежачих бутылок и одной неоконченной...»

Не такое уж грандиозное угощение.

Может быть, закуска была особенно обильна или изысканна?

Тоже нет. Рассказчик видит остатки трапезы:

«...недоеденной селедки, лука и раскромсанного сала»

Всего-то: селедка, лук и сало. Самогонку не допили, селедку не доели.

Скорее всего, «безумный ритм работы» плод воображения учителя, свободным физическим трудом не занимавшегося никогда.

«Тракторист же, самоуверенный толстомордый здоровяга, хрипел, что ему видней, что он водитель и повезет сани вместе. Расчет его был ясен: по уговору машинист платил ему за перевоз горницы, а не за рейсы. Двух рейсов за ночь – по двадцать пять километров да один раз назад – он никак бы не сделал. А к утру ему надо было быть с трактором уже в гараже, откуда он увел его тайком для левой»

Исчерпывающая характеристика внешнего облика и легкий намек на моральные качества.

«Особенно хвастался тракторист. <...> Самодовольный, с жестоким лицом вышел тракторист».

Для непонятливых слова самодовольство и жестокость повторяются, если с таким человеком и произойдет несчастный случай, особенно жалеть его не стоит, не велика потеря.

«Погрузка кончилась, и все, кто работал, человек до десяти мужчин, прогремели мимо моего стола и нырнули под занавеску в кухоньку. Оттуда глуховато застучали стаканы, иногда звякала бутылка, голоса становились все громче, похвальба – задорнее»

Кто бы ни были эти мужчины, действуют они слаженно, а оставляют после себя выморочное пространство.

«Самогонный смрад ударил в меня. Это было застывшее побоище – сгруженных табуреток и скамьи, пустых лежачих бутылок и одной неоконченной, стаканов, недоеденной селедки, лука и раскромсанного сала. Все

было мертво. И только тараканы спокойно ползали по полю битвы».

Получается, была и битва.

«Сопровождают сани до Черустей шли зять-машинист, хромой сын Фаддея и еще племянник один»

Конечно, хромой, убогий.

«Хромой сын задержался у моего стола закурить и вдруг заговорил, как любит он тетку Матрену, и что женился недавно, и вот сын у него родился только что».

Для тех, кто не запомнил, «хромой» повторяется. Перед тем как погибнуть под колесами поезда, хромой молодой человек подходит ни с того ни с сего к учителю и докладывает о недавней женитьбе и рождении сына.

Бывают такие твердокаменные читатели, из которых слезу надо выдавливать самыми примитивными способами.

«Старший, толстый, с таким же лицом, как у того тракториста, спросил...».

Такое же лицо, это – жестокое лицо.

«Опять пили. И говорили еще громче, совсем уже не о Матрене»

«Опять все поднялись. Спели «Достойно есть». И опять, с тройным повторением: вечная память! вечная память! вечная память! Но голоса были хриплы, розны, лица пьяны, и никто в эту вечную память уже не вкладывал чувства».

«Потом основные гости разошлись, остались самые близкие, вытянули папиросы, закурили, раздались шутки, смех».

«...золовкин муж, бья себя в грудь, доказывал мне и сапожнику, мужу одной из матрениных сестер: – Умер, Ефим, умер! Да если б я знал, что меня на родине даже повесят, – все равно б я вернулся!»

Такая святая простота, переходящая в придурковатость.

«Сапожник согласно кивал ему. Он был дезертир и во все не расставался с родиной: всю войну перепрыгался у матери в подполье»

«Но в ближайшие дни он два раза враждебно приходил в эту избу на переговоры с Матрениными сестрами и с сапожником-дезертиром»

Повтор для особо непонятливых.

Ущербность, местами патологическая, является отличительной чертой мужской части местного населения.

1.1.2. ЖЕНЩИНЫ

Воровки все

Воровки, потому что воруют исключительно бабы.

А все, потому что воруют все.

«За лето накопано было торфу повсюду и сложено штабелями для просушки. Этим и хорош торф, что, до-

быв, его не могут увезти сразу. Он сохнет до осени <...>. Это-то время бабы его и брали»

«Бабы собирались по пять, по десять, чтобы смелей. Ходили днем»

«Ходили бабы в день – не по разу»

«Уж одну бабу нашу по судам тягают»

Все Уголовные кодексы мира имеют статьи, по которым карается воровство.

А эпос народов мира воровство не осуждает, скорее наоборот.

В архаичных мифологиях первопредки – демиурги – культурные герои, практически, всегда совершают кражу.

Иногда претерпевая за это жестокие наказания. Таковы муки Прометея, воровство которого одновременно и более значительное преступление – богоборчество.

Мифологическая кража – действие в интересах общества, акт «социальной» справедливости, не имеющий корыстных мотивов.

Отголоски этих представлений реализуются в образах благородных разбойников, народных заступников, возмещающих урон, нанесенный властью простому человеку.

Изначально в русском языке «воровство» означало противление государственным интересам, преступление против власти. Например, «Пугачев – вор и самозванец», «Тушинский вор».

В Энциклопедии Брокгауза и Эфрона (1892 год) сказано: «Воровство в старину означало всякое преступное действие: поджог, притоносодержательство, подлог, пре-

ступления государственные и проч.»^{28a}.

Кража, разумеется, всегда рассматривалась законом как преступление.

«Русская Правда» («Правда роусьская» здесь «правда» в значении лат. *iustitia* – правовой кодекс Руси. Правда Ярослава основана на устном законе Руси) содержит в себе нормы уголовного, наследственного, торгового и процессуального законодательства; является главным источником правовых, социальных и экономических отношений восточных славян.

Древнерусский правовой сборник сохранился только в списках (копиях) XIII–XV веков и более позднего времени. Вопрос о времени происхождения ее древнейшей части в науке спорен. Некоторые историки относят его даже к VII в. Однако большинство современных исследователей связывают Древнейшую Правду с именем киевского князя Ярослава Мудрого. Примерный период ее создания 1019–1054 гг. Нормы Русской Правды были постепенно кодифицированы киевскими князьями на основе устного племенного права, с включением элементов скандинавского и византийского права.

Влияние кодекса прослеживается в последующих памятниках права: Новгородская судная грамота, Псковская судная грамота 1467 года, московский Судебник 1497 года, литовский Устав Казимира IV – 1468 года, Литовский статут 1588 года.

«Русская Правда» пользуется понятием – татьба.

«Татьба – в древнем русском праве преступное похищение чего-либо или насильственное отнятие, не переходящее в разбой.

Главным образом выражение употреблялось тогда, когда речь шла о корыстном похищении имущества (тать = вор), однако существенным признаком татьбы

было не нарушение имущественных прав, а корыстный мотив, руководивший делателем.

Само по себе слово татьба не означало еще сознательного образа действий: название «тать» могло относиться и к неодушевленным предметам (например, пуд – тать, то есть неверный разновес), но когда речь шла о татьбе как о преступлении, то заведомость и умышленность предполагались необходимыми. До уложения царя Алексея Михайловича татьба была единственным термином для обозначения тайного похищения движимости и насильственного ее отнятия. Соборное Уложение 1649 года вводит новые выражения «украдет», «крадет», но они используются только как описательные, как определения.

Воинские артикулы заменили слово «татьба» словом «воровство», описывая означенное им действие словами «украдет», «покрадет», но практика общих судов следовала терминологии уложения и для обозначения кражи употребляла выражения татьба: выражение «кража» скорее относилось к способу действия (украдкой), чем к особому виду преступления.

Лишь указом 1781 года выражение татьба как техническое окончательно вытеснено и заменено выражением воровство – кража.

О сути действия дает понятие слово «похищать», этимология которого в Словаре Фасмера поясняется так:

хищать

Похищать, восхищать(ся). Заимств. из цслав. хыщати «хватать, похищать», связанного с хитить (см.).

И Этимологический словарь Крылова подтверждает: хищный

Образовано в старославянском от основы, восходящей к глаголу хытити – «хватать».

«Русская Правда» тщательно различает участников процесса по их социальному и имущественному положению.

«25. А за княжеского коня, если тот с пятном, 3 гривны, а за коня смерда 2 гривны»

Однако если дело касается жизненно важных энерго-ресурсов, торжествует демократия и гуманность.

«39. Если украдут сено, то платить 9 кун, а за дрова 9 кун»

За кражу дров и сена предусматривается наказание лишь в виде фиксированного штрафа, тогда как за разбой, поджог и конокрадство преступник подвергался не определенной денежной пене в пользу князя, а потере всего имущества с лишением свободы.

Мифологический смысл хищения – поступка в целях установления социальной справедливости – в законе (да и в реальной жизни) исчезает, его сменяет мотив личной корысти. Однако герой-похититель часто имеет привлекательные черты, вызывает сочувствие, достоинством общественности становятся смягчающие его вину обстоятельства. Можно увидеть это как в художественной литературе, так и в мировоззрении значительной части социума.

Вот А. М. Панченко описывает государственную систему: «... я готов принять в качестве исходного пункта, что маразм системы, ее надлом, ее гниение, надрыв и т.п. проявились именно при Николае I. Выражаясь по-старинному, тогда в русском обществе обозначилась «потерька чести».

После петровских реформ оно жило не верой, а культурой. Пошатнулась старая мораль, основанная на Десятисловии и Нагорной проповеди. Не случайно «птенцы гнезда Петрова», да и сам император, при всем их блеске, талантах, энергии, - люди далеко не безупречные – по просту говоря, воры и разбойники»^{29а}.

И. С. Тургенев в рассказе «Бирюк» описывает сцену воровства леса у барина:

«Куда? Стой!» - загредел вдруг железный голос Бирюка. Другой голос закричал жалобно, по-заячьи <...> Началась борьба <...> я бросился в направлении шума и прибежал, спотыкаясь на каждом шагу, на место битвы. У срубленного дерева, на земле, копошился лесник; он держал под собою вора и закручивал ему кушаком руки на спину. <...> Я увидал мужика, мокрого, в лохмотьях, с длинной растрепанной бородой...

– Фома Кузьмич, – заговорил вдруг мужик голосом глухим и разбитым, – а, Фома Кузьмич.

– Чего тебе?

– Отпусти.

Бирюк не отвечал.

– Отпусти... с голодухи... отпусти.

– Отпусти, – твердил мужик, – прикащик...разорены, во как... отпусти!

– Разорены!... Воровать никому не след.

– Отпусти, Фома Кузьмич... не погуби. Ваш-то, сам знаешь, заест во как.

Бирюк отвернулся. Мужика подергивало, словно лихорадка его колотила. Он встряхивал головой и дышал неровно.

– Отпусти, –повторял он с унылым отчаяньем, – отпусти, ей-богу, отпусти! Я заплачу, во как, ей-богу. Ей-богу, с

голодухи... детки пищат, сам знаешь. Круто, во как, приходится»³⁰.

Этот несомненный факт воровства не осуждается не только автором, но и помещиком-свидетелем:

«Я внутренне дал себе слово во что бы то ни стало освободить бедняка»³¹.

Да и сам лесник, ревностно исполняющий свою должность, – мужика отпускает.

Неизвестны случаи и читательских выступлений в защиту частной собственности, по прочтении этого рассказа.

А вот пример из XX века.

Доктор филологических наук, известный литературовед Лидия Гинзбург пишет в дневниковых записях 1928 года, а публикует их в 1999 году: «Чуковский говорил <...> о Мандельштаме: «Подумайте, этот карманный вор – всю свою жизнь безукоризненно чист в литературном деле.

Быть может, Чуковский говорил это с завистью, потому что сам он принадлежит к противоположному типу деятеля (т.е. литературную невинность потерял, но в карман к вам, разумеется, не залезет) и, как человек со вкусом, не может не понимать, что мандельштамовский тип этически выше.

Впрочем, моему моральному чувству совершенно не свойственно отвращение к воровству и в высшей степени свойственна неприязнь к профессиональным преступлениям и даже слабостям. И то тогда только, когда профессия является творчеством, задушевным делом»³².

Во вступлении к книге написано, что герои этой книги – интеллигенты, выживали в советское время «не потеряв образа человеческого».

Народная этика относит воровское занятие к проклятым и видит наказание в самой деятельности, мистическое наказание.

Воровство – последнее ремесло.
Вор ворует не для прибыли, а для гибели.
И воровство ремесло (прибавка: да не хлебное).
Вор не бывает богат, а бывает горбат.
Воровством села не наполнишь.
И вор богу молится (прибавка: да черт молитву перехватывает).³⁷

У Матрены Васильевны, безусловно, есть обстоятельства, вынуждающие ее идти на кражу, не оставляющие выбора.

«Бабы на время бросали носить, но зима надвигалась и снова гнала их - с санками по ночам»

Из повествования уже известно, что бабы ходили за торфом в лес днем, что совершенно естественно, вряд ли можно ночью в осеннем лесу отыскать и набрать необходимое количество топлива.

Сказано, что зима еще не наступила, только «надвигалась», в таком случае, санки могут только помешать, если же снегу уже достаточно для использования санок, тогда невозможно найти и откопать торф. Одно положение исключает другое.

«Да, это было так. Уже закруживалось пугающее дыхание зимы – и щемило сердце. Стояли вокруг леса, а топки взять было негде. Рычали кругом экскаваторы на болотах, но не продавалось торфу жителям...»

Лес и торф объединяются понятием – топка. Причем, про лес сказано, что его много, а про торф, что его не продавали. Топить торфом во много раз легче, чем дровами. Дрова, судя по умолчанию, все-таки можно было покупать в лесничестве, возможно, слишком дорого. Упоминание о лесах в содержательном плане не имеет смысла, все равно дровами никто не топил, но для создания отрицательно оцениваемого контекста вместе со «щемящим сердцем» и «пугающим дыханием», полезно.

Сочувствие и оправдание рассказчиком тальновских крестьянок преломляется в выводе в уничижительную характеристику народного характера в целом, его хроническую порочность.

«Что ж, воровали раньше лес у барина, теперь тянули торф у треста»

Раньше у барина» и «теперь у треста» означает – всегда. Вводное «что ж» - констатация безысходности. А все вместе лепта в черный миф о русском воровстве, подробно рассмотренный В.Мединским в книге «О русском воровстве, особом пути и долготерпении».

Не корысть является мотивом поведения Матрены Васильевны, а необходимость выживания.

Но считает ли Матрена Васильевна себя воровкой?

Разумеется, нет. Она живет в ладу со своей совестью.

«У тех людей всегда лица хороши, кто в ладах с совестью своей»

И односельчане ее честные люди. Иначе на входе был бы полноценный замок, а не его имитация.

«Калитка была на запоре, но проводница моя не стала стучать, а просунула руку под низом и отвернула завертку – нехитрую затею против скота и чужого человека»

Широко известный обычай русской деревни. Если хозяев дома нет – к двери приставлен батожок. Двери не заперты.

Такая открытость миру предполагает высокое самоуважение и нравственную чистоту, а не криминальные наклонности.

И все-таки имеет ли здесь место элементарное расхищение государственной собственности или мы сталкиваемся с чем-то иным, более сложным?

Короче говоря, воруют или не воруют?

«За лето накопано было торфу повсюду и сложено штабелями для просушки. Этим и хорош торф, что, добыв, его не могут увезти сразу. Он сохнет до осени <...>. Это-то время бабы его и брали»

«Бабы собирались по пять, по десять, чтобы смелей. Ходили днем»

«Ходили бабы в день – не по разу»

«Зараз уносили в мешке торфин шесть, если были сыроваты, торфин десять, если сухие»

«В хорошие дни Матрена приносила по шесть мешков»

Да, воруют.

«Летось [прошлый год] мы торфа натаскали сколища!»

Сколища это сколько?

«Разве моего торфа не хватит? Машина целая. – Фу-у! Твоего торфу! Еще столько, да еще столько – тогда, бывает, хватит»

«Я ли бы и теперь три машины не натаскала?»

Значит, надо три машины.

«Очередь эта [кормить козых пастухов] была в полтора месяца раз...», значит в деревне дворов пятьдесят. Тальновка не одна деревня «... дальше целый край идет деревень: Часлицы, Овинцы, Спудни, Шевертни, Шести-мирово...».

Получается примерно 150 машин торфа в год на одну деревню.

Учителя, врачи и рабочие завода должны были, чтобы не замерзнуть зимой, подворовывать себе машины по две торфа. Так как получали лишь «...да по машине – учителям, врачам, рабочим завода».

Во всех домах печное отопление.

Воруют тоннами, в промышленных масштабах.

А как ловят?

Так вот ловят»

«Иногда, порывами, собирали патруль и ловили баб у входа в деревню. Бабы бросали мешки и разбегались»

«Иногда, по доносу, ходили по домам с обыском, составляли протокол на незаконный торф...»

Во-первых, иногда. Во-вторых, по бессмысленным доносам, – ведь ходят днем, открыто. Ходят все, раз топку взять негде.

Но вот бабы – бежать, патруль – по домам.

А какова система наказания?

«Иногда, по доносу, ходили по домам с обыском, составляли протокол на незаконный торф и грозились передать в суд»

Только иногда грозились. Но вот и более серьезная кара.

«Уж одну бабу нашу по судам тягают»

Не судят, не осудили, не приговорили к наказанию, а тягают.

Толковый словарь Ожегова поясняет: «Тягать 2. кого (что). Привлекать к ответу спрашивать (в 5 знач.) за что-н. И начальство за каждую мелочь тягает, и дома покоя нет». «Спросить с кого. Призвать к ответу, потребовать отчета».

Привлекают к ответу, требуют отчета лишь у одной женщины.

И. С. Тургенев, о котором в начале рассказа вспоминает повествователь, хорошо знал, как воровали у барина.

Дело происходит ночью, после сильной грозы «Сквозь постоянный шум ветра чудились мне невдалеке слабые звуки: топор осторожно стучал по сучьям, колеса скрипели, лошадь фыркала... <...>

«Куда? Стой!» - загремел вдруг железный голос Бирюка.

Другой голос закричал жалобно, по-заячьи... Началась борьба... я бросился в направлении шума и прибежал, спотыкаясь на каждом шаг, на место битвы. У срубленного дерева, на земле, копошился лесник; он держал под собою вора и закручивал ему кушаком руки на спину... Я увидел мужика, мокрого, в лохмотьях, с длинной растрепанной бородой...³⁵

Глухой грозовой ночью срубил мужик одно дерево и тут же был пойман на месте преступления.

А тут среди белого дня воруют государственную собственность машинами, а тягают по судам одну бабу.

То, что «суды» употреблены во множественном числе, говорит, скорее всего, что мы столкнулись со скрытой отсылкой к фразеологизму – «затаскать по судам», смысл которого – много времени будет потрачено на утомительные разговоры в органах правопорядка. В тексте есть еще один вариант такой отсылки: «А то ведь затягают свидетелем!», что подтверждает устойчивость воспроизводимого утверждения, его метафоричность, а не фактическую точность.

Большие трудности у Матрены Васильевны не только с дровами, но и с сеном.

«У полотна не скоси – там свои хозява, и в лесу косить нету – лесничество хозяин, и в колхозе мне не велят – не колхозница, мол, теперь»

И Матрена Васильевна, сено, где нельзя, не косит. Значит действительно нельзя.

А торф таскать значит все-таки можно.

Человек в обычной жизни ориентируется на чувство справедливости больше, чем на букву закона.

Конституция СССР 1936 года (неофициальные названия: «Сталинская конституция», - основной закон СССР), принятая VIII чрезвычайным съездом Советов 5 декабря 1936 года и действовавшая до 1977 года провозгласила, что социализм в СССР победил и в основном построен.

Это означало, что уничтожена частная собственность на средства производства. Земля, ее недра, воды, леса, заводы, фабрики, шахты, рудники, железнодорожный, водный и воздушный транспорт, банки, средства связи объявлялись всенародным достоянием: земля, занимаемая колхозами, передавалась им в вечное пользование.

Матрена Васильевна, конечно, не хищник, против совести она не пойдет. Она следует основному закону СССР – Конституции.

Закон как культурная ценность является исторически обусловленным. Он всегда относителен и признается в данной культуре.

Каждая новая элита формирует представление о ценностях, в том числе, о ценностях правовых.

Если хищения действительно имело такие масштабы, как излагает рассказчик, значит, брать торф, разрешалось, а запрет являлся формальным.

Действовал своеобразный общественный договор.

А раз есть договор – нет состава преступления, т.е. воровства.

«По рани единственная женщина стояла там, торгуя молоком. <...> Меня поразила ее речь. Она не говорила, а напевала умильно, и слова ее были те самые, за которыми потянула меня тоска из Азии»

Умильно – это хорошо или плохо? Дело вкуса.

УМИЛЯТЬ – состоянье умиленного; чувство покойной, сладостной жалости, смиренья, сокрушенья, душевного, радушного участия, доброжелательства. Молиться в умилении.<...>

УМИЛЯТЬ – [шуточно, шутливо] сладкое, угодливое. Умильно лисанька глядит на кур!

Толковый словарь живого великорусского языка

В.И. Даль

УМИЛЬНЫЙ

1. Нежный, приятный, располагающий.

2. перен. разг. Льстивый, угодливый.

Словарь Ефремовой

Бесспорно, после десяти лет заключения особенно от-
радно, если обращаются к тебе со словами елейными,
приторно-ласково, стараются угодить, доставить удо-
вольствие.

Хочется найти благородные объяснения техникам
торгового красноречия.

«Вызвать на дом врача из поселкового медпункта было
в Тальнове вдиво, как-то неприлично перед соседями –
мол, барыня. Вызывали однажды, та приехала злая очень,
велела Матрене, как отлежится, приходите на медпункт
самой».

Инверсия никому не позволит пропустить важный
эпитет.

«Когда рук не хватало <...> жена председателя при-
ходила к Матрене. Она была тоже женщина городская,

решительная, коротким серым полупальто и грозным взглядом как бы военная. Она входила в избу и, не здороваясь, строго смотрела на Матрену..Та-ак, - раздельно говорила жена председателя. – Товарищ Григорьева? Надо будет помочь колхозу! Надо будет завтра ехать навоз вывозить! Лицо Матрены складывалось в извиняющую полуулыбку – как будто ей было совестно за жену председателя, что та не могла ей заплатить за работу... – И вилы свои бери! – наставляла председательша и уходила, шурша твердой юбкой».

Прием концентрированного повторения информации довольно эффективен, особенно если рациональных аргументов мало. Возможно ли остаться приличным человеком, если ты при этом – жена председателя, жена председателя, жена председателя, и наконец, председательша?

Такой должности как «жена председателя» не существует, следовательно, она, скорее всего, не является членом сельскохозяйственной артели. Совершает она свою работу, а эта работа называется подворовой обход, совершенно бесплатно, не только «та», не может заплатить за работу кому бы то ни было, но и ей самой не платили. Другого способа собрать зимой колхозников для работы не было, а если учесть, что жили колхозники в разных деревнях и расстояния не маленькие - «поселковый совет – к северу, час ходьбы, сельский совет – в десяти километрах к западу», где расположена центральная колхозная усадьба неизвестно, но, так или иначе, походить ей приходилось немало.

Встречали, видимо, женщину неласково, если даже учитель, культурный человек, которого к колхозной работе не привлекают, называет ее пренебрежительно – председательшей. Присесть, погреться в тепле никто не предлагает.

И эта городская женщина, в силу каких-то несчастных обстоятельств, вместо городской квартиры, оказалась в «нутряной» деревне, где и ходит из избы в избы. Она одета плохо, бедно и не по погоде. Зимой в деревне полупальто и черт знает из чего сшитая юбка (твердая) – не одежда. Военный вид – юбка и полупальто, скорее всего, придают человеку тогда, когда какие-то предметы туалета связаны с военной формой, например, полупальто перешиито из военной шинели. А вот, если на ногах валенки, то юбка и полупальто по-военному никак не смотрятся. Значит, у несчастной женщины валенок нет, ноги мерзнут в городской обуви.

Но как жена председателя (здесь читай – член семьи врага народа) сочувствия, сострадания не заслуживает.

«Возили меня к монашенке бывшей лечиться, она меня на кашель наводила – ждала, что порция из меня лягушкой выбросится»

Персонажи затейливо разнообразны: торговка, жена председателя колхоза, монахиня-расстрига, промышленяющая колдовством в среде самой косной.

«Не любил я ее: всегда приходила она к моей Матрене жаловаться, что муж ее бьет, и скаред муж, жилы из нее вытягивает, и плакала здесь подолгу, и голос-то всегда у нее был на слезе».

«Но широколицая грубая «вторая» Матрена – та подставная Матрена, которую взял когда-то Фаддей по одному лишь имечку, – сбивалась с этой политики и простовато вопила, надрываясь над гробом...».

Эта малосимпатичная женщина считает себя «сестричечкой» главной героини.

«Фу-у! Теперь Матрене и умирать не надо! – уже начали завидовать некоторые из соседок...».

Учитывая, что, по словам рассказчика, колхозники много лет ниоткуда не получали ни рубля, государственной пенсии им не полагалось, а материальное положение Матрены Васильевны изменилось как по волшебству – было чему позавидовать.

Зависть, несомненно чувство низменное...

«А пока мужчины ломали, женщины готовили ко дню погрузки самогон: водка обошлась бы чересчур дорого».

Вновь деяние противоправное.

«...когда водосвятие кончилось и бросились бабы, толкаясь, разбирать – Матрена не поспела среди первых, а в конце – не оказалось ее котелка».

Бабы все время ведут себя так, чтобы вызвать у учителя неприязнь и презрение.

«До этого дня мало было в нашей избе слышно о страхах – то ли опасались они, что Матрена будет просить у них помощи?»

Это предположение полностью на совести учителя математики.

«Оттого особенно ей было тяжело, что пришли три сестры ее, все дружно обругали ее душой за то, что горницу отдала, сказали, что видеть ее больше не хотят, - и ушли».

«Еще три сестры ее метили получить эту избу».

«Слетелись три сестры Матрены, захватили избу, козу и печь, заперли сундук ее на замок, из подкладки пальто выпотрошили двести похоронных рублей...».

Три сестры малопривлекательны, как и все бабы.

Дурно, конечно, но если есть родственники, по закону, имущество умершего, не является выморочным.

Не могут простые женщины слететься, захватить, выпотрошить. Похоже, что здесь мы встречаемся с какими-то фуриями.

Как известно, использование эмоционально-экспрессивных языковых средств является способом речевого воздействия. В различных контекстах одна и та же метафора имеет различные следствия. Сказать слетелись о способе прибытия людей в какое-либо место, еще не значит охарактеризовать их с отрицательной стороны, лишь подчеркнуть чрезмерную скорость передвижения. Однако мы видим ряд действий, в данном контексте, являющийся синонимическим рядом. В этом случае, второй глагол – захватили (то есть овладели силой) наделяет первый – слетелись – неодобрительным оттенком, а завершает скверную характеристику трех сестер низкий образ потрошителей.

Есть ли основания для таких порочащих аттестаций?

Применять насилие для овладения козой, печью и избой, сестрам пришлось бы только в том случае, если бы сопротивление им оказал проживающий в доме учитель – о таком повороте событий в тексте не говорится.

Что же касается 200 рублей, то «...в середине зимы за-

шила Матрена в подкладку этого пальто двести рублей себе на похороны». В полном соответствии с волей покойной, эти деньги и были израсходованы на проведение обряда похорон. Использовать их, не извлекая из подкладки пальто, было абсолютно невозможно.

Кстати, захват избы означает, в том числе, и присвоение печки как недвижимого имущества.

Три этих сестры не имеют ни имен, ни внешности, всегда выступая в триединстве низких моральных качеств, граничащих с преступной деятельностью. Такое впечатление создается отрицательно выстроенным контекстом гораздо в большей степени, нежели приведенными фактами.

«И если начинался плач, все женщины, хотя бы зашли они в избу из пустого любопытства, - все обязательно подплакивали от двери и от стен, как бы аккомпанировали хором».

Лицемерны все женщины, все как одна.

«Тетя Маша еще посидела, поплакала. <...> Ты помнишь... вязаночка серая была у Матрены... Она ведь ее после смерти прочила Таньке моей, верно? И с надеждой смотрела на меня в полутьме – неужели я забыл? Но я помнил: - Прочила, верно. – Так слушай, может, разреши, я ее заберу сейчас? Утром тут родня налетит, мне уж потом не получить. И опять с мольбой и надеждой смотрела на меня – ее полувекковая подруга, единственная, кто искренне любил Матрену в этой деревне».

«Она открыла сундучок, достала вязанку, сунула под полу и ушла...».

Матрена Васильевна хотела, чтобы ее серая вязаночка досталась дочери ее полувековой подруги. Так и получилось. Искренним чувствам любви и скорби, получение завещанного наследства никак не противоречит. Бессердечием будет как раз отказ от вещей, представлявших ценность для покойной, признание их ничтожными, оставление последней воли без внимания.

«...была какая-то воспитанница Кира»

«И совсем уже не обрядно – простым рыданием нашего века, не бедного ими, рыдала злосчастная Матренина приемная дочь...»

«Ее завитые локончики жалко растрепались»

«Красны, как кровью залиты, были глаза»

«Она невменяемая ходила от гроба приемной матери в одном доме к гробу брата в другом, - и еще опасались за разум ее, потому что должны были мужа судить»

«И только несчастная приемная дочь, выросшая в этих стенах, ушла за перегородку и там плакала».

Вины за Кирой как будто бы никакой нет, разве только то, что она приемная дочь.

«...не стихала бабья суетня в нашей избе...»

«...старушка у гроба мурлыкала псалтырь...»

Трудно увидеть что-то женское, не говоря уже о женственном в этих бедных и неприятных бабах.

Условно мужчины и условно женщины совершенно безлики, не в переносном смысле, а в прямом. Портреты, вряд ли случайно, практически полностью отсутствуют, иногда замещаемые указанием на физические аномалии.

Все и каждый, между тем, щедро наделяются нравственной ущербностью.

1.1.3. Дети

«Еще суета большая выпадала Матрене, когда подошла ее очередь кормить козких пастухов: одного – здорового, немоглУхого, и второго – мальчишку с постоянной слюнявой цигаркой в зубах»

Суффикс субъективной оценки со значением неодобрения не позволяет определить реальный возраст второго пастуха. Мальчишкой (= молокососом) может быть назван просто младший по возрасту, не обязательно ребенок.

Как бы то ни было этот мальчишка введен в сугубо отрицательно оцениваемый ассоциативный ряд.

«Одно только событие или предзнаменование омрачило Матрене этот праздник (Крещение): ходила она за пять верст в церковь на водосвятие, поставила свой котелок меж других, а когда водосвятие кончилось и бросились бабы, толкаясь, разбирать – Матрена не поспела среди первых, а в конце – не оказалось ее котелка. И взамен котелка никакой другой посуды тоже оставлено не было. Исчез котелок, как дух нечистый его унес. – Бабоньки! – ходила Матрена среди молящихся. – Не прихватил ли кто неуладкой чужую воду освяченную? В котелке?»

Не признался никто. Бывает, мальчишки созоровали, были там и мальчишки»

История эта, уже рассмотренная выше, полностью сочинена. Мальчишки, таким образом, так же придуманы. Примечательно, что выдуманы именно плохие мальчишки, подозрительные. Обвинить их в воровстве нельзя, можно лишь бросить тень, что и сделано.

Еще есть только одна кандидатура в преступники – нечистый дух. Так дети сближаются, объединяются в предполагаемой области, с нечистой силой.

Нарушение согласования времен делает озорство перманентным. Бывает – то есть может совершаться как в прошлом, так и в настоящем и, главное, будущем.

«...он никогда не готовил уроков дома»

«...он в школе и дома лжет»

«Григорьев Антошка был круглый румяный малец из 8-го «Г», выглядевший как кот после блинов. В школу он приходил как бы отдыхать, за партой сидел и улыбался лениво <...> Он просто смеялся над нами»

Битый жестоко каждую неделю, он не плакал, не жаловался – не унижался – «как кот после блинов», это после побоев.

Бешенство может охватить властолюбца, если он не видит покорности подданных. Ленивая улыбка вместо заискивающей – это удар по авторитету, если авторитет основывается на должности. Болезненной для самолюбия учителя оказывается улыбка и в данном случае – мальчик улыбался, смеялся – что может быть хуже?

В главе «Образ ребенка в художественном мире А. Солженицына» профессор А.В. Урманов пишет: «Одним из ведущих образов-лейтмотивов в русской классической литературе, наследником традиций которой справедливо называют А.Солженицына, является образ ребенка...»³⁹ и продолжает: «...в целом образы детей в художественном мире Солженицына занимают крайне незначительное место.

Причин здесь, видимо, несколько.

Во-первых, нельзя сбрасывать со счетов одну важную особенность авторского (имеется в виду автор биографический) отношение к детям, о которой неоднократно упоминает Н. А. Решетовская: «Совсем маленькие дети и беременные женщины всегда совершенно выпадали из круга его восприятия, – пишет она (сноска 235). <...>

Во-вторых, невнимание к образам детей можно объяснить проблематикой творчества Солженицына, специфическим местом действия большинства его произведений. <...> Но данное объяснение вряд ли можно считать исчерпывающим. <...> ... при чтении рассказа «Матренин двор», повествование в котором ведется от лица учителя Игнатича – вчерашнего узника ГУЛАГа с десятилетним стажем, для которого это учительство, по логике вещей, должно быть едва ли не главным содержанием его послелагерной жизни (тем более, что он утверждает: «А меня тянуло – учительствовать»), может показаться странным, что рассказчик избегает (не находит сюжетного повода?) разговора о своих учениках. Единственное исключение – упоминание о сыне старика Фаддея: «Григорьев Антошка был круглый румяный малец из 8-го «Г», выглядевший как кот после блинов».

В школу он приходил как бы отдохнуть, за партой сидел и улыбался лениво. <...> Он просто смеялся над нами».

Нельзя не обратить внимание, что Игнатич оценивает

Антошку Григорьева не как ребенка, а судит его по самой высшей («взрослой») шкале этических норм. Младший сын Фаддея изображается не столько ребенком, обладающим определенным набором возрастных особенностей, сколько уменьшенной копией своего отца. <...> Уменьшенной копией взрослых в рассказе «Матренин двор» является и один из козких пастухов – «мальчишка с постоянной слюнявой цыгаркой в зубах». ⁴¹

Абсолютно непонятно, на каком основании делается этот вывод ученый. И что именно подразумевает, говоря об уменьшенной копии?

«Когда я пришел, он плавно повернул ко мне величавую голову и назвал меня внезапно: – Батюшка!.. Вижу вас плохо. Сын мой учится у вас. Григорьев Антошка...

Дальше мог бы он и не говорить... При всем моем порыве помочь этому почтенному старику, заранее знал я и отвергал все то бесполезное, что скажет старик сейчас. <...>

Но этому полуслепому старику, годному Антошке не в отцы, а в деды, и пришедшему ко мне на униженный поклон,- как было сказать теперь...».

Здесь, скорее всего, надо говорить о противоположном характере, а не копии, да еще уменьшенной.

Внешнее сходство отца и сына в тексте так же не отмечается.

Дальнейшие рассуждения профессора А.В. Урманова чрезвычайно своеобразны. «В созданном Солженицыным художественном мире дети есть, но их облик и отношение к ним автора не укладываются в схемы, известные по классической литературе XIX столетия. <...>

Очень часто лагерные малолетки вызывают у повествователя чувство омерзения и желания ударить. Знала

ли что-нибудь подобное русская гуманистическая литература XIX века? <...>

Повествователь же «Архипелага» относится к двенадцатилетним (!) заключенным ГУЛАГа точно так же, как к взрослым уголовникам, он не видит в них детей. Вначале он пытается удержать свой мешочек с салом, сахаром и хлебом от цепких детских рук, а затем, лишившись его, раздражается по адресу малолеток инвективой, рассчитанной вызвать, по всей видимости, понимание и сочувствие читателя: «Почему же сейчас я не схвачу одну из этих человека-крыс и не терзану ее розовой мордой о черный асфальт? Он мал? – ну, не лезь на старших». Повествователь объясняет читателю, что удержало его от намерения «размазать» «крыс-малолеток» по асфальтовому полу камеры вовсе не христианское чувство, не осознание того, что перед ним все-таки дети, а элементарная растерянность перед натиском агрессивной наглости и трусость перед всемогущими «блатарями»... <...>

Некоторые критики считают, что «Солженицыну чужд, если не сказать враждебен гуманизм». Не будем вслед за ними спешить с обвинениями писателя в выпадении его творчества из рамок гуманистической парадигмы русской художественной культуры, а попытаемся разобраться в глубинных причинах столь необычного феномена. Выскажем предположение, что идейно - эстетический, этический, мировоззренческий «фундамент», на котором строит свой художественный мир современный автор, имеет корни не только в XIX столетии, но и в христианской культуре Средневековья.

Вспомним один общеизвестный факт: именно в средние века писатели и иконописцы исходили из того, что «человек не развивается, а переходит от одного возраста в другой». А. Гуревич ссылается на работы французского демографа и историка Филиппа Ариеса, изучавшего

проблему отношения к ребенку в Европе и пришедшего к выводу о незнании Средневековьем категории детства как особого качественного состояния человека. По мнению Ариеса, осознание категории детства началось только в XIII веке, но очевидность этого открытия наиболее полно проявилась лишь в XVII столетии»⁴¹.

Не углубляясь в детали истории культуры Средневековья, все-таки нельзя согласиться со столь однозначным истолкованием отношений между разновозрастными группами. Например, в широко известном памятнике русской литературы XII – XIII века «Молении» Даниила Заточника используется такое афористическое изречение: «Не зри на мя, аки волк на агнеца, но зри на мя, яко мати на младенца»⁴².

Для того чтобы народная мудрость получила лаконичную и яркую формулу выражения, требуется и долгое время и высокая частотность употребления, иными словами, подобное суждение должно разделять подавляющее большинство социума.

Взгляд на ребенка, отношение к нему, зависит в первую очередь от личных качеств актанта в любые времена.

В окончательном выводе Урманов-исследователь полностью капитулировал перед Урмановым-апологетом А.И.Солженицына:

«Так или иначе, но факт остается фактом: в христианской культурной традиции ребенок обычно несет ответственность перед небом напрямую, а не опосредованно – через родителей, взрослых. Перед Богом он абсолютно равен всем другим возрастным группам, поэтому скидок на малый возраст человека средневековое искусство, как правило, не делает.

Нечто подобное можно наблюдать и в художественном мире А. Солженицына. Оценки, которые даются изобра-

женным в его произведениях детям, могут быть предельно суровыми, даже беспощадными, но они не расходятся с христианской моралью. Все зависит от того, является ли ребенок, в представлении автора, «чертенком», «бесенком» с рожками, то есть орудием злых сил, или же он сумел сохранить свое сердце во власти добра»⁴³.

Рассматривать ответственность перед учителем математики Игнатичем в сравнении с ответственностью перед небом и перед Богом, не столько забавно, сколько кощунственно.

Следует только еще заметить, что дети – это только мальчики, девочек в этом художественном мире не существует вообще.

Все эти мужчины, женщины и дети в чем-то недостаточны, дефектны, некачественны, а так как население этнически однородно, справедливо будет говорить о русофобии, разумеется, лишь как об одной из составляющих гамму чувств повествователя, весьма незначительную.

1.2. И ИХ ГОС-ВО

«К «малому эпосу» следует отнести и знаменитый солженицыновский «Матренин двор», несмотря на привычно даваемое ему жанровое определение рассказа»⁴⁴.

Для такого вывода, сделанного Яниной Солдаткиной, несомненно, есть основания.

30 сентября 1953 года был реорганизован аппарат Совета Министров РСФСР. В результате этого преобразования, создается 17 производственно-отраслевых отделов:

- советских органов
- местной и кооперативной промышленности
- лёгкой и пищевой промышленности
- строительных материалов и леса
- сельского хозяйства и заготовок
- коммунального хозяйства
- просвещения, культуры
- здравоохранения
- социального обеспечения и персональных пенсий
- жилищно-гражданского строительства
- по проектам, сметам, планировке и застройке городов

- планов и статистики, финансов
- штатов, труда и заработной платы
- правовой
- кадровый

и четыре группы:

- дорожного и транспортного хозяйства
- торговли
- по организованному набору рабочих
- контрольная

11 направлений государственной и хозяйственной деятельности освещены в произведении, не в том смысле, что на них направлен свет, точнее будет сказать – брошена тень.

СОВЕТСКИЕ ОРГАНЫ

«Государство – оно минутное. Сегодня, вишь, дало, а завтра отымет»

Ненавязчиво назначается срок государству.

«...год за годом, многие годы, ниоткуда не зарабатывала Матрена Васильевна ни рубля. Потому что пенсии ей не платили»

Неопределенно-личное предложение.
От «них» и ждать нельзя ничего хорошего.

«Из канцелярии в канцелярию гоняли ее два месяца...»

Неопределенно-личное предложение.
Гонители, лишённые ясного образа, приобретают черты непознаваемости, и вместе с тем, агрессивности.

«Сходит в сельсовет, а секретаря сегодня нет»

Первое предложение неопределенно-личное. Второе – вовсе безличное, и человек отсутствует.

«...секретарь есть, да печати у него нет»

Во втором безличном предложении рисуется фантастическая картина: по непонятной причине отсутствует атрибут власти, без которого не осуществить властные полномочия.

«...сослепу они не на той бумажке расписались...»

«Они», в данном случае, никого конкретно не определяет. Между тем, категория множественного числа расширяет границы – превращая частный случай в характерное явление, и, разумеется, дефектность.

«И не столам конторским кланяясь, а лесным кустам,

да наломавши спину ношей [мешок под торф, плетеный кузов под ягоды...»

Метонимический перенос – секретари уподобились конторским столам, отчетлив, внятен. Но почему надо кланяться лесным кустам? Нет ли здесь поэтической вольности, погони, если не за рифмой, так за аллитерацией – столам конторским противостоят кусты лесные. Удержаться трудно.

Есть присловье: каждой ягодке поклонись, или каждому грибочку поклонись. Лесным же кустам нет необходимости кланяться – ни в прямом, ни в переносном смысле.

«Стояли вокруг леса, а топки взять было негде. Рычали кругом экскаваторы на болотах, но не продавалось торфу жителям, а только везли начальству, да кто при начальстве...»

А кто это «при начальстве»?

Начальство и приближенные вычлениются из понятия жители, а лес и торф объединяются – причем, про лес сказано, что его много, а про торф, что его не продавали.

Топить торфом во много раз легче, чем дровами. Ни пилить, ни рубить не надо.

«Везли» неизвестно кто, «не продавалось, накопано и сложено» было также неизвестно кем. Облик неизвестных скрыт, имя, до поры, до времени, не названо.

Экскаваторы, разумеется, рычаг, представляя в своем лице живой мир и противостоя невидимому и неведомому бесчеловечному миру.

«Мой торф она сложила открыто, свой спрятала под

мостами, и каждый вечер забивала лаз доской. – Разве уж догадаются, враги, – улыбалась она, вытирая пот со лба, – а то ни в жисть не найдут»

В этом месте неопределенно-личные «они» обретают наконец конкретное имя, предельно, в то же время обобщенное – враги.

Все безличные конструкции наполняются сущностным содержанием.

Враги метафизические определены.

«Семантика безличной (и тесно связанной с ней категории неопределенности) конструкции помогает говорящему передать особую ситуацию таинственности, неизвестности, нереальности – возникает образ некоего фантастического существа, совершающего те или иные действия посредством сил природы

Ситуация при этом представляется говорящему как неосознанная, неизвестная, нереальная, так же, как в неопределенно-личных предложениях, поскольку неосознанными, неизвестными, нереальными мыслятся каузаторы действия или состояния»⁴⁵.

МЕСТНАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ

«Над поселком дымила фабричная труба. Туда и сюда сквозь поселок проложена была узкоколейка, и паровозики, тоже густо-дымящие, пронзительно свистя, таскали по ней поезда с бурым торфом, торфяными плитами и брикетами»

Глагол «таскали» не только имеет разговорную стилистическую окраску, он и употребляется обычно приме-

нительно к человеку, либо группе людей, как в прямом, так и в переносном смысле. Использование в том же предложении уменьшительно-ласкательной форма «паровозики» и оценочного первого корня в слове «узкоколейка» способствует созданию ощущения маломощности техники, несерьезности занятий.

«За лето накопано было торфу повсюду и сложено штабелями для просушки. Этим и хорош торф, что, добыв, его не могут увезти сразу. Он сохнет до осени, а то и до снега, если дорога не станет или трест затомошился. Это-то время бабы его и брали»

«Что было делать тресту? Ему не отпускалось (кем?) штатов, чтобы расставлять караульчиков по всем болотам. Приходилось (кому?), наверно, показав обильную добычу в сводках, затем списывать...»

Личность, в соответствии с замыслом, не определяется. Предложения неопределенно-личные.

Матрена Васильевна определяет невидимок: «враги».

Просто неизвестно кем, ими, врагами – не отпускалось. Представить сюрреалистическую картину, что штаты укомплектованы и караульчики заполнили окрестные болота, проводя время в круглосуточных дежурствах («Ходили днем», «...но зима надвигалась и снова гнала их – с санками по ночам») – траги-комично.

Трест, между тем, уличен в фальсификации документов. В сводках сообщались заведомо ложные сведения. На всякий случай, учитель все-таки ставит: наверно. Если в тресте сводки не искажались, в клевете учителя не обвинишь, тем не менее, меры принять, кому следует, теперь, после сигнала, необходимо. Еще один донос между прочим.

«Электричество же в деревне было – его еще в двадцатые годы подтянули от Шатуры»

о, что в 20-е годы в деревне уже было электричество, выгодно отличает эту «нутряную» местность. В послевоенные годы далеко ещё не все деревни Центральной России были электрифицированы.

И следом, снимая безусловную положительную информацию. «В газетах писали тогда – «лампочка Ильича», а мужики, глаза тараща, говорили: «Царь Огонь!». Этих диких монархистов рассказчик лично ни видеть, ни слышать не мог, но образ получился предельно яркий.

ЛЕГКАЯ И ПИЩЕВАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ

«...каша ячневая (другой крупы в тот год нельзя было купить в Торфопродукте, да и ячневую-то с бою – как самой дешевой ею откармливали свиней и мешками брали)».

Ячневая крупа представляет собой частички раздробленных ядер ячменя разных размеров и формы, освобожденных от цветочных пленок.

При приготовлении ячневой крупы зерно не шлифуют, поэтому в ней, содержится большое количество растворимой клетчатки, а также витамины группы В. Эта сытная каша, является уникальным источником энергии, выводит из организма токсины и шлаки, а также вещества, способствующие отложению жира.

Ячмень известен человечеству с давних времен. На территории Иордании было найдено зерно ячменя, возраст которого оценивается учеными приблизительно в 11 тысяч лет.

Ячменное зерно долгое время являлось основой древнеарабской системы веса (пять зерен очищенного ячменя весом 0,048 г составляли один карат). А в Англии многие века пользовались линейной метрической системой, за единицу которой была взята длина ячменного зерна. И до сих пор английский дюйм – это три длины ячменного зерна.

Иллюстрация 11.

<http://i057.radikal.ru/1002/96/f90f905ded1e.jpg>
30.10.10.

«... маргарин нарасхват, а свободно только жир комбинированный»

Пищевые масла делятся на три категории: животные, растительные и синтетические, или комбинированные — животного-растительные.

Комбинированный кухонный маргарин (комбигир животный) содержит 30% натурального растительного масла, 55% пищевого саломаса (гидрированного жира) и 15% говяжьего или свиного сала, или гидрированного китового жира.

«Маргарин (франц. margarine), пищевой продукт, представляющий собой смесь растительных масел и животных жиров, молока, вкусовых, ароматических и некоторых других веществ.

Начало производства М. относится к 1869, когда в За-

падной Европе на основе животного жира и молока был изготовлен продукт, схожий со сливочным маслом. В до-революционной России отдельные попытки наладить выработку маргарина успеха не имели — продукт, получаемый на полукустарных предприятиях, был низкого качества и не имел спроса. В СССР выпуск маргарина был начат в 1928 на заводе «Фритюр» в Ленинграде и заводе «Стеол» в Москве. К 1935 маргарин выпускали 10 заводов общей годовой мощностью 90 тысяч тонн»⁴⁶.

Иллюстрация 12.

«Маргарин», Миниович Э., 1952

<http://www.yareklamist.ru/photos/photo143.html>

«Судьбу маргарина резко изменила Первая мировая война, когда из-за острой нехватки продуктов питания начался массовый выпуск эрзац-масла в химически развитой Германии. Маргарин внедрился в ряды натуральных продуктов питания, стал привычным, чуть ли не традиционным. После войны производители не останавливали производство: благодаря новейшим технологиям себестоимость маргарина составляла пфенниги. По существу, был открыт новый способ получения сверхприбылей практически из воздуха.

В 1930 году к маргариновой цивилизации приобщился и СССР: в Москве с помощью дружественной тогда Гер-

мании был построен Московский маргариновый завод. В марте 1998 года ОАО «Московский маргариновый завод» был благополучно продан англо-голландской компании Unilever»⁴⁷.

«Она шла в село, покупала рыбные консервы, расстарывалась и сахару и масла...»

Иллюстрация 13.

Консервы натуральные» Цейров Ю. М., 1952.

<http://s39.radikal.ru/i086/0909/06/72cdc0a22403.jpg>

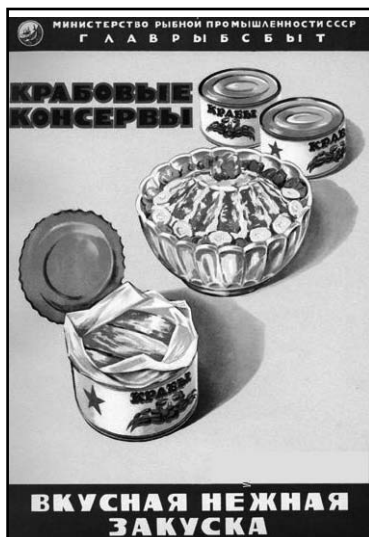

Иллюстрация 14.

Неизвестный художник, 1951

<http://www.plakaty.ru/posters?cid=2&thumbs=1&full=1&page=10&id=266>
30.10.10.

«В годы Великой Отечественной войны на оккупированной немецко-фашистскими войсками территории многие консервные заводы были разрушены. К 1950 они были восстановлены на новой технической основе.

Год	Всего	В том числе			
		плодоовощные	мясные и мясорастительные	рыбные	молочные
1940	1112,8	757,7	108,1	120,3	70,4
1950	1534,6	934,5	291,1	200,2	81,5
1960	4864,3	2995,4	667,8	726,0	465,8

Значительные сдвиги произошли в ассортименте консервов»⁴⁸.

Если консервы, как становится ясно из текста, покупались в сельпо, то относительно сахара и масла сделать вывод непросто.

То, что о рыбных консервах, сахаре и масле говорится в одном предложении, подталкивает читателя к мысли, что и приобретается все вместе. Однако уже было упомянуто рассказчиком, что «...не было в Торфопродукте и масла...».

Это утверждение, скорее всего, надо понимать как констатацию отсутствия масла именно в сельпо, иными словами – пищевая промышленность задачу свою не решала. И вместе с тем, масло Матрена Васильевна где-то добывала. Учитывая, что каждая крестьянская семья стремилась иметь корову, загадки здесь нет. Масло хозяйки делали сами.

В 50-е годы были сформированы основные пропорции и принципиальные организационные схемы в

управлении торговлей, которые просуществовали до начала 90-х годов.

Торговля потребительскими товарами осуществлялась в трех формах: государственной, кооперативной и колхозно-базарной. Это было обусловлено наличием трех форм собственности: государственной, колхозно-кооперативной и личной.

Снабжение товарами в Московской области, очевидно, было лучше, чем в других, но нельзя забывать, что железнодорожная станция Торфопродукт находится, практически, на границе Московской области.

«В сведениях о закупках за 1948 г. по Болшевскому сельпо (Московская область) перечисляются различные поставщики, у которых сельпо приобретало следующие товары: крупу всякую (артель пищевая, д\о «Ударник», Красногвардейский Райпищторг – РПТ), мясо и птицу (от разных лиц, заготовителей, колхоз им. Молотова), рыбу и сельдь (Главрыбсбыт), масло животное и растительное (Красногвардейский РПТ), молоко и молочные изделия (от разных лиц), колхоз им. Калинина, Красногвардейский РПТ, Мосмолзавод), консервы всякие, соль, сахар, чай (Красногвардейский РПТ), кондитерские изделия (от разных лиц, производство пищевое), картофель (колхозы им. Калинина, Молотова, Сталина, Ворошилова, санаторий «Сосновый бор», «Память Ильича»), фрукты (Раевский РПС, Брасовский консервный завод), прочее продовольствие (Костинский квасозавод), Промкомбинат Московского торгова, Мытищинский завод фруктовых вод), хлопчатобумажные ткани (Ростокинское предприятие, Губино-ореховский комбинат), шерстяные ткани (швейнотрикотажное производство), швейные изделия (Калининградский ГПК, артель «Швейник», Медведковская артель), головные уборы (Калининградский ГПК), трикотажные изделия (трикотаж-

ное производство, артель «30 лет Октября», Щелковское трикотажное производство, выходная база «Сокольники»), чулки и носки (Калининградский ГПК, артель «30 лет Октября»), обувь кожаную (сапожная мастерская, мастерская бытового обслуживания), резиновую обувь (Галантерейная обувная фабрика), галантерейные товары (Калининградский ГПК, «30 лет Октября»), мыло хозяйственное (Мытищинский торг, Красногвардейский РПГ), мыло туалетное (Красногвардейский РПТ), мебель (строительный мебельный комбинат), табачные изделия (Красногвардейский РПТ), прочий металлический товар (БМЗ), стекло, фарфор (Дмитровский фарфоровый завод), стройматериал и лес (строительный комбинат), прочие непродовольственные товары (Артель художественного оформления, БМЗ1).

Летом 1952 г. Мытищинский РПС обязал правление сельпо

а) организовывать к началу учебного года продажу для учащихся школьно-письменных принадлежностей (ученических ручек, пеналов, резинок, сумок, ранцев и др.);

б) завезти к началу сезона и обеспечить повсеместно во всех селениях и промышленных магазинах бесперебойную торговлю обувью для школьников в соответствии с ассортиментом;

в) обязать председателя сельпо к 1 июля получить заявки со всех школ, находящихся в зоне обслуживания сельпо, а также и сельских школ»⁴⁹.

Отказываясь от назначения в пригланувшееся рассказчику Высокое Поле, он мотивирует это следующим образом:

«Увы, там не пекли хлеба. Там не торговали ничем съестным».

Из этого следует, что в Торфопродукте имелась хлебопекарня, что не было редкостью в 50-е годы. Многие сельские поселения такие пекарни имели.

СТРОИТЕЛЬНЫЕ МАТЕРИАЛЫ И ЛЕС

«Стояли вокруг леса, а топки взять было негде. Рычали кругом экскаваторы на болотах, но не продавалось торфу жителям...»

Продавались ли жителям дрова неизвестно, леса здесь упоминаются всеу, так как все топили торфом.

«А то с плетеным кузовом – по ягоды в дальний лес. И не столам конторским кланяясь, а лесным кустам, да наломавши спину ношей, в избу возвращалась Матрена уже просветленная, всем довольная, со своей доброй улыбкой»

«...кроме сбора старых пеньков, вывороченных трактором на болоте, кроме брусники, намачиваемой на зиму в четвертях...»

«Четверть» в Энциклопедическом словаре: Четверть – русская мера объема сыпучих тел (1 четверть = 2 осьминам = 209,91 л) и жидкостей (1 четверть = 1/4 ведра = 3,08 л).

Иллюстрация 15.

<http://www.korobushka.ru/index.php?productID=363>

На языке закона это называется заготовкой второстепенных лесных ресурсов, побочное лесопользование.

«...она должна была еще где-то раздобывать сенца для единственной своей грязно-белой козы»

«У полотна не скоси – там свои хозяева, и в лесу косить нету – лесничество хозяйин...»

«Брала она с утра мешок и серп и уходила в места, которые помнила, где трава росла по обмежкам, по задороге, по островкам среди болота. Набив мешок свежей травой, она тащила ее домой...»

Лесничества осуществляли государственную функцию контроля за использованием лесосечного фонда, а сенокосение относится к побочному лесопользованию наряду со сбором коры, пней; дикорастущих трав, плодов, ягод, орехов и т.д. Площади сенокосных угодий определялись также лесничествами.

Строгое разграничение владений очевидно с одной стороны связано с большим поголовьем скота в колхозе и личных хозяйствах; с другой стороны – с режимом лесопользования в данной местности.

Рачительное отношение владельцев к лесному богатству – ни пяди бесхозной земли – казалось бы, должно было порадовать учителя, однако, одобрительной оценки нет.

Иллюстрация 16.

<http://foto.mail.ru/mail/minimorum/Meshchyora/179.html#120>

Между тем, Матрена Васильевна, вероятно, бывала в заказнике «Черустинский лес», расположенном на границах Московской, Владимирской и Рязанской областей. Это особо охраняемая природная территория. Экосистема с участием редких видов дикорастущих растений, в том числе включенных в «Красные книги» – венериного башмачка, повейничка мокричного, молодила остролистного, березы приземистой и др.

Иллюстрация 17.

<http://foto.mail.ru/mail/minimorum/Meshchyora/179.html#183> 31.11.10.

Здесь обитают редкие виды насекомых и птиц: перламутровка малинная (или Дафна), махаон, осоед, змеяед, филин, седой дятел, серый журавль.

Иллюстрация 18

<http://fotki.yandex.ru/users/mergus72/view/87769/>

Иллюстрация 19.

<http://basik.ru/images/1992/9.jpg>

пеленгация серых журавлей в «Черустинском лесу».

<http://www.activefun.ru/?paged=8>

Трава при сушке теряет 80% своей массы, а суточная норма для периода стойлового (≈ 185 дней) содержания маток 1,8–2,5 кг сена и 1,5–2 кг силоса. Для полустойлового периода (≈ 180 дней) необходима примерно половина названной нормы.

Таким образом, по обмежкам Матрена Васильевна накашивала больше 2 тонн свежей травы, или около половины тонны сена, вовсе не имея своего сенокосного надела.

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО

«Во как! – пеняла Матрена вслед. – И вилы свои бери! Ни лопат, ни вил в колхозе нету»

Колхоз беден. Фиксируется крайняя степень, убожество технического оснащения, в хозяйстве отсутствуют даже лопаты. Немного позже Матрена Васильевна высказывается о наличии техники несколько иначе.

«Услышав, что машины изобретены новые, ворчала Матрена из кухни: – Все новые, новые, на старых работать не хотят, куды старые складывать будем?»

Если речь идет о технике вообще, то суждение Матрены Васильевны некомпетентно. Если же о машинах, на колхозных полях, то множественное число и определенная их изношенность «старые» делают маловероятным утверждение об отсутствии элементарных орудий земледелия – вил и лопат.

Картина светлого прошлого, созданная воображением постояльца, его неутешительный вывод о современной крестьянском труде, также косвенно подтверждают то, что механизация вытесняет ручной труд вполне успешно.

«И песню, песню под небом, какие давно уже отстала деревня петь, да и не споешь при механизмах»

Механизмы, таким образом, есть.

«Председатель новый, недавний, присланный из города, первым делом обрезал всем инвалидам огороды»

Конечно, председатель прислан неизвестно кем. Ясно, что председатель плохой. Недавний, надо понимать, недавно работает председателем.

К сожалению, ничего не сказано из какого города прибыл новый председатель – Чарустей, Владимира, Рязани, Москвы?

Новый, следовательно, сменил старого. Видимо были конкретные причины для таких перемен в Тальновке.

И не только в ней.

25 марта 1955 ЦК КПСС и Совет Министров СССР приняли постановление «О мерах по дальнейшему укреплению колхозов руководящими кадрами». Согласно этому постановлению в колхозы на работу в качестве председателей было направлено более 30 тыс. партработников («тридцатитысячников»).

Принципы деятельности сельскохозяйственной артели были определены «Примерным уставом сельскохозяйственной артели» 1935 года.

По Уставу земля закреплялась за артелью в бессрочное и бесплатное пользование. Члены колхозов имели право на приусадебные участки и личное подсобное хозяйство. Было установлено распределение доходов в соответствии с количеством выработанных колхозниками трудодней. Высшим органом управления объявлялось собрание колхозников, которое решало вопросы приёма новых членов и исключение из состава колхоза, выборы председателя, утверждение производственных планов, норм выработки и расценок работы, объём выдачи продуктов и денег на трудодень.

В 1947 году была введена уголовная ответственность за посягательство на колхозную собственность.

За ненадлежащее выполнение своих обязанностей, по сохранению колхозной собственности и ее рациональному использованию председатель мог лишиться свободы.

Огороды первым делом председатель обрезал не по своей прихоти, а в соответствии с Постановлением ЦК КПСС и СМ СССР от 6 марта 1956 г. «Об уставе сельскохозяйственной артели и дальнейшем развитии инициативы колхозников в организации колхозного производства и управления делами артели».

На основании этого Постановления, по усмотрению правлений колхозов лица «принимающих недостаточное трудовое участие или не работающие в колхозах» могли быть лишены приусадебных участков, прав пользования выпасами и сенокосами.

С этим, надо полагать, связаны трудности Матрены Васильевны в добывании сена.

«У полотна не скоси – там свои хозяева, и в лесу косить нету – лесничество хозяин, и в колхозе мне не велят – не колхозница...»

Последнее предложение неопределенно-личное, как и многие другие, в которых говорится о власти. Но эти неопределенные «они» уже хорошо известны – враги.

«А в колхозе она работала не за деньги – за палочки трудодней в замусоленной книжке учетчика»

Об этом уже подробно сказано в главе «Колхоз».

Обращает на себя внимание, конечно, и качество работы в колхозе. Трудно ожидать, что безделье будет полностью оплачено, если даже лучшие, бескорыстные и трудолюбивые люди, такие как Матрена Васильевна, манкируют своими обязанностями.

«Станешь, об лопату опершись, и ждешь, скоро ли с фабрики гудок на двенадцать...»

Примечательно, что глаголы идут не в форме первого лица, естественной для рассказа о себе, а в форме второго лица, снимая персональную ответственность с человека, смягчая отрицательную оценку самого говорящего.

С другой стороны прохладное отношение к работе становится характерным для каждого, а значит – для всех.

ПРОСВЕЩЕНИЕ И КУЛЬТУРА

«За год до этого по сю сторону Уральского хребта я мог наняться разве таскать носилки. Даже электриком на порядочное строительство меня бы не взяли. А меня тянуло – учительствовать»

Понятно желание рассказчика учительствовать, но как квалифицировать действия чиновников от образования? Первое же обращение в отдел кадров приводит к желаемой цели, а ведь «знающие люди говорили, что нечего и на билет тратиться, впустую проезжу». Эти, якобы, знающие люди просто клеветали на государство.

Какое же аховое положение должно было быть с учителями, или какие же бессердечные люди были во «...Владимирском облоно...», если человека без педагогического опыта («...тянуло – учительствовать...», значит, в пыльной горячей пустыне по ту сторону Уральского хребта он занимался другим делом), после фронта и тюрьмы («задержался с возвратом годиков на десять», «...много провел в тюрьме»), зато с большим уголовным опытом, ни о чем даже не спросив, немедленно направили в школу.

Место новоиспеченному учителю не подошло, он «вернулся в отдел кадров и взмолился перед окошечком.

Сперва и разговаривать со мной не хотели».

Но быстро сменили гнев на милость и дали направление в другое место, отпечатав новый приказ.

По отношению к учителю суперчеловечно, по отношению к детям этого не скажешь.

«Но что-то начинало уже страгивать»

Человеку после долгих лет неволи, с потрясенной психикой, сложившимися привычками и взглядами, специфической картиной мира, поисками виновных в изломанной судьбе, испытывающему огромную потребность в социальном и психологическом реванше, по первому требованию предоставили работу в школе.

Что-то уже начинало страгиваться, катиться, разгоняться.

Этот момент зафиксирован очень точно.

«Когда я поднялся по лестнице Владимирского облоно и спросил, где отдел кадров, то с удивлением увидел, что кадры уже не сидели за черной кожаной дверью, а за остекленной перегородкой, как в аптеке»

На государственной службе нельзя встретить собственно человека, поступив туда, люди теряют человеческое, предметы, наоборот, одушевляются, таким образом, создается мир бесчеловечный, но живой.

«Каждую букву в моих документах перещупали, походили из комнаты в комнату и куда-то звонили»

«Сперва и разговаривать со мной не хотели. Потом все ж походили из комнаты в комнату, позвонили, поскрипели и отпечатали мне в приказе...»

Излюбленные «они» бездушны и множественны. С этих неопределенно-личных предложений начинаются подспудные повторения – государство нереальная, сверхъестественная, враждебная (в своей неуловимости) человеку сила.

«Я оказался квартирантом выгодным: сверх платы сулила школа за меня еще машину торфа на зиму»

«Поладили о цене и о торфе, что школа привезет»

«Еще сто с лишком получала она от школы и от меня»

Льготы социального обеспечения сельских учителей были значительны.

В целях улучшения материального положения сельских учителей от 10 февраля 1948 года Советом Министров СССР было издано постановление № 246 «О льготах и преимуществах для учителей начальных и семилетних школ», где говорилось:

«В целях дальнейшего улучшения материального положения учителей

начальных и семилетних школ Совет Министров Союза ССР постановляет:

1. Обязать исполкомы сельских и поселковых Советов депутатов трудящихся предоставлять бесплатно учителям, директорам (заведующим) и заведующим учебной частью начальных и семилетних школ в сельских местностях и совместно с ними проживающим членам их семей квартиры с отоплением и освещением по нормам, действующим в данной местности.

При отсутствии коммунальной квартиры на исполкомы сельских и поселковых Советов возлагается:

непосредственное заключение договоров на аренду

квартир для учителей, директоров (заведующих) и заведующих учебной частью школ;

обеспечение этих работников школ освещением и топливом по действующим в данной местности нормам с доставкой топлива на дом не позднее 1 сентября в размере годовой потребности».

Судя по тексту, решения эти строго исполнялись.

А. И. Солженицын представляет педагогические методы нового учителя.

Ученик 8 класса «не владел дробями...». Учителя математики в школе не было, вот и не знал ребенок дробей. Может быть, и не один он не знал. Антошка «по первым четвертям был в цепкой хватке моих двоек – то же ожидало его в третьей четверти».

Проработав несколько месяцев в деревенской школе, выходы о системе образования всей страны делает рассказчик безапелляционные:

«...школа его [отца] обманывала»

«...борясь за тот высокий процент успеваемости, которым славились школы нашего района, нашей области и соседних областей, - из году в год его [ученика] переводили...»

Наша область и соседние области это и есть все государство.

В котором все врут. Кроме, разумеется, нового математика, противостоящего всей глубоко порочной системе образования:

«... год за годом школа его обманывала, дальше же об-

манывать я не могу, иначе развалю весь класс, и превращусь в балаболку, и наплевать должен буду на весь свой труд и звание свое».

Стаж учительский, судя по всему, меньше года.

Из предметов (атрибутов) современного мира в избе Матрены Васильевны практически ничего нет. Электричество, появившееся в деревне еще в 1928 году, в доме проведено довольно прихотливо:

«Верхнего света не было в нашей большой комнате...»

Не присутствует современная действительность и в виде слова – ни звучащего «...Матрена не держала радио...», ни печатного.

Никто из персонажей не только не берет в руки газету или книгу, их нет даже в поле зрения. И потому совершенно неожиданно, пронзительно врывается современность в виде образов. Не случайных, навязанных кем-то, а приобретенных самой хозяйкой, выложившей за них 2 рубля в то время, когда, по словам постояльца, «...многие годы, ниоткуда не зарабатывала Матрена Васильевна ни рубля».

По своему символическому значению, плакаты эти не простые – окормляющие: хлеб духовный и хлеб телесный.

«...в этой темноватой избе <...> с двумя яркими рублевыми плакатами о книжной торговле и об урожае, повешенными на стене для красоты»

Красота в этой «темноватой избе», с «темным тряпьем», разумеется бедная, но яркая.

«И с грубой плакатной красавицей я свыкся, которая со стены постоянно протягивала мне Белинского, Панферова и еще стопку каких-то книг, но – молчала».

Второй плакат «об урожае» пропал, раз о нем не говорится, его как будто бы и нет.

«Разрисованная красно-желтая баба с книжного плаката радостно улыбалась»

Похоже, что не столько свыкся учитель, сколько стерпелся, если грубая красавица только молча, протягивает книги, то красно-желтая (вот в какой палитре плакаты!) баба испытывает эмоциональный подъем. Но плакат на стене висит ведь один и тот же.

В сложных отношениях с этой картиной современного мира находится рассказчик.

«И вот всю толпу фикусов, которых Матрена так любила <...> вынесли из избы. Чисто вымели полы. <...> Сняли со стены праздные плакаты»

Матрена Васильевна еще не похоронена, а ее вещный мир уже отринут.

Определение, употребленное к плакатам, передает, конечно, отношение повествователя к предмету, но не является точным.

ПРАЗДНЫЙ, праздная, праздное; празден, праздна, праздно (книжн.).

1. Пустой, порожний, ничем не занятый (книжн. поэт. устар.). «Лишь паутины тонкий волос блестит на праздной борозде.» Тютчев.

2. Бездельный, не заполненный делом, работой. «Они вели жизнь праздную, но не беспутную.» Пушкин.

| Ничем не занимающийся, живущий без дела. «А кто, любезный друг, велит тебе быть праздным?» Грибоедов.

3. Пустой, бессодержательный, порожденный праздностью (во 2 знач.). Праздное любопытство. Праздный разговор. Праздная болтовня.

|| Тщетный, не имеющий шансов на успех, бесполезный. Праздные попытки.

Толковый словарь Ушакова Д. Н. 1935-1940.

А плакаты не праздные – они пропагандистские, агитационные. Это продукт синтеза вербальной и невербальной информации, иначе говоря, картинки и текста.

О тексте на плакатах умалчивается.

СМИ

«Мой приемничек уже не был для меня бич, потому что я своей рукой мог его выключить в любую минуту»

У Матрены Васильевны, скорее всего, такой свободы действий не было, невозможно представить, чтобы она прерывала прослушивание учителем радиопередач, подходя к приемнику и своей рукой выключая его.

Волей-неволей «...стала Матрена повнимательней слушать и мое радио...».

То, что приемничек не принадлежит хозяйке дома подчеркнуто неоднократно, и видимо не случайно.

С одной стороны, принудительная природа приобщения к цивилизации объясняет, необъяснимое иначе, изменение характера пожилой женщины.

Всегда ровное настроение, доброжелательность, терпимость к своеобразному поведению других людей, добродушие – резко меняются, ее трудно узнать.

«Матрена хмурилась, неодобрительно вздыхала...<...> ворчала Матрена из кухни...<...> Матрена качала головой с печи... <...> Еще послушала. Сжала губы...»

При этом сама программа передач как будто не давала повода для такой скептической реакции.

«Исполнял Шаляпин русские песни»

«Передавали как-то концерт из романсов Глинки»

«...машины изобретены новые...»

«Еще в тот год обещали искусственные спутники Земли»

«И что ни день, известия полны были важными сообщениями о банкетах, обедах и завтраках»

С другой стороны, весьма вероятно, что стараясь во всем потрафить своему постояльцу, угадывая его настроения, Матрена Васильевна вторит его оценкам и критическим реакциям.

Профессор А. В. Урманов пишет: «Первые запуски спутников – космических аппаратов, выводимых на ор-

биты вокруг Земли, были осуществлены в СССР 4 октября и 3 ноября 1957-го и 15 мая 1958 года, то есть спустя всего несколько месяцев после описываемых в рассказе событий»⁵⁰.

То есть после гибели героини произведения.

Точное время («Лето 1956 года»), когда повествователь появился в доме Матрены Васильевны, имеет для него принципиальное значение. Но цель «оттенить заброшенность русской деревни»⁵¹ заставляет поступиться принципами. «Само же упоминание о спутниках, как и упоминание о визитах иностранных делегаций, - продолжает доктор наук, - контрастно оттеняет нищету изображаемой колхозной реальности»⁵².

Дальше следует неожиданный вывод ученого о творческом методе, использованном в рассказе. «Все эти примеры убедительно свидетельствуют о референциальной (то есть основанной на соотношении эстетического мира с миром реальности) природе художественного сознания автора или, иными словами, о безусловно реалистическом характере его творческого метода»⁵³.

Если в слове «безусловно» убрать приставку, получится все-таки точнее.

Именно такой творческий метод носил еще название метода социалистического реализма.

ЗДРАВООХРАНЕНИЕ

«Вызвать на дом врача из поселкового медпункта было в Тальнове вдиво, как-то неприлично перед соседями – мол, барыня. Вызывали однажды, та приехала злая очень, велела Матрене, как отлежится, приходите на медпункт самой. Матрена ходила против воли, брали анализы, посылали в районную больницу – да так и заглохло»

Медпункт и районная больница вполне доступны деревенским жителям, и, кстати, бесплатны, но врача, «ту», назвать представителем гуманной профессии трудно, она скорее компрометирует это высокое звание.

СОЦИАЛЬНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ

«...нелегко было теперь добыть те справки с разных мест о его [мужа] стаже и сколько он там получал.хлопоты были – добыть эти справки; и чтоб написали все же, что получал он в месяц хоть рублей триста; и справку заверить, что живет она одна и никто ей не помогает; и с года она какого...»

Справилась со всем Матрена Васильевна довольно быстро – всего за два месяца. Из слов рассказчика следует, что про приемную дочь Киру никто не знал.

«Из канцелярии в канцелярию гоняли ее два месяца – то за точкой, то за запятой»

Какие уточнения требовались от Матрены Васильевны, непонятно.

Точки и запятые, конечно, художественное украшение.

Неопределенно-личное гоняли продолжает тему inferнальной власти.

«Сходит в сельсовет, а секретаря сегодня нет, просто так вот нет, как это бывает в селах». «Теперь секретарь есть, да печати у него нет»

Куда же могла запропасться печать?

Исчезнувшая печать, скорее всего, такая же художественная находка, как и неправильные запятые.

Сельсовет стоит – да атрибута власти не имеет.

«А четвертый день иди потому, что сослепу они не на той бумажке расписались, бумажки-то все у Матрены одной пачкой сколоты»

Неизвестные «они» – бестолковы, да еще и слепы. Может быть, дневного света не переносят?

За время хождения справки (документы) превратились в бумажки, ценности – в ничтожество.

По закону в пачке должно было быть четыре документа + Свидетельство о браке.

«147. К заявлению о назначении пенсии семье военнослужащего должны быть приложены:

а) документ, полученный от воинской части или районного (городского) военного комиссариата, или соответствующего управления Министерства обороны СССР, или госпиталя, или иного военного учреждения, удостоверяющий факт смерти, а также дату и причину смерти военнослужащего, или документ о безвестном отсутствии военнослужащего;

б) справка домоуправления или сельского Совета (или другие документы) о составе членов семьи военнослужащего, находившихся на его иждивении до призыва на военную службу (пункт 148).

Если военнослужащий до призыва на военную службу работал в качестве рабочего, служащего или члена артели промысловой кооперации, то к заявлению о назначении пенсии должны быть приложены также:

д) документы, подтверждающие работу военнослужащего в качестве рабочего, служащего или члена артели

до призыва на военную службу, а также документы, подтверждающие стаж работы военнослужащего, необходимый в соответствующих случаях для установления пенсии в льготных размерах;

е) справка о заработке военнослужащего до призыва на военную службу.

148.

Брачные отношения должны быть удостоверены свидетельством о браке или определением суда (в установленных случаях)⁵⁴.

«Стали-таки платить ей рублей восемьдесят пенсии. Еще сто с лишком получала она от школы и от меня»

Неопределенно-личное предложение.

Не восемьдесят рублей, а рублей восемьдесят неизвестно от кого, вполне можно допустить, что это меньше восьмидесяти. Но и то, что учитель знает точно, все-таки сказано в форме неопределенной.

Объединение «школы» со «мною» не дает возможности ни узнать размеры «моей» щедрости, ни порядки выплат государства.

Матрена Васильевна начала получать после двухмесячных хлопот, около 200 рублей, в городе в это время полагалось на двух нетрудоспособных членов семьи – 230 рублей пенсии.

ОРГАНЫ ПРАВОПОРЯДКА И СУДЕБНАЯ СИСТЕМА

«Так вот ловят»

Неопределенно-личное предложение.

«...иногда ловили баб... по доносу, ходили по домам с обыском...грозились передать в суд»

Неопределенно-личное предложение.

«К избе прошли четверо в шинелях»

А вот, наконец, и определенно-личное предложение.

Но лица как не было, так и нет. Форменная одежда, как известно, призвана подчеркивать не индивидуальность, а общность.

«Старший, толстый, с таким же лицом, как у того тракториста, спросил...»

Возможно это лицо одно на всех, или учителю все на одно лицо.

«Уж одну бабу нашу по судам тягают»

Неопределенно-личное предложение.

«Прячется сейчас у Клавки, чтоб не знали, что он на переезде был. А то ведь затаяют свидетелем...»

Неопределенно-личное предложение.

«Сейчас пошел сам, арестовался. Да его теперь не в тюрьму, его в дом безумный»

То есть – надо лечить, однако его, по всему видно – в тюрьму.

«А управление дороги само было виновно и в том, что

оживленный переезд не охранялся, и в том, что паровозная сплотка шла без фонарей. Потому-то они сперва все старались свалить на пьянку, а теперь замять и самый суд»

«Уж дело упиралось писать в суд, но примирились, рассудя, что суд отдаст избу не тем и не другим, а сельсовету»

Суд за серьезную организацию никто не принимает. И, само собой, решения его заведомо несправедливо.

ТРАНСПОРТ

«У полотна не скоси – там свои хозяева...»

Везде бесхозяйственность, что очень плохо.

Если же какие-то хозяева есть, хорошего, опять-таки, мало.

«Так, может, потому, что билетов не дают, Матрена Васильевна? – В окошечко? Только мягкие суют. А уж поезд – трогацать!»

Неопределенно-личные предложения.

«А мы нашли дверь незапертую, вперлись прям так, без билетов – а вагоны-то все простые идут, все простые, хоть на полке растягивайся.

Отчего билетов не давали, паразиты несочувственные, – не знато...»

Двери открыты, проводников нет, паразиты несочувственные, вероятно вредители?

«Мужики – те по лесенке на крышу полезли»

На дворе 1956 год, а мужики все на крышах ездят, а вагоны идут пустые, а двери незапертые.

«Машинист все смотрел, чтобы с Черустей поезд не нагрязнул, его б фонари далеко видать, а с другой стороны, от станции нашей, шли два паровоза сцепленных – без огней и задом. Почему без огней – неведомо, а когда паровоз задом идет – машинисту с тендера сыплет в глаза пылью угольной, смотреть плохо...»

Есть, все-таки, и что-то неведомое для соседки Маши.

«Но как паровозы рухнули – машинисты два уцелели, спрыгнули и побежали назад, и руками махают, на рельсы ставши – и успели поезд остановить...»

Героизм как последнее прибежище непрофессионализма.

«Выступало так, что муж ее был виновен вдвойне: он не только вез горницу, но был железнодорожный машинист, хорошо знал правила неохраемых переездов – и должен был сходить на станцию, предупредить о тракторе»

Правила весьма разумные, но их не выполняет бестолковый народ.

Какая вина в том, что он вез горницу, не раскрывается.

«А управление дороги само было виновно и в том, что оживленный переезд не охранялся, и в том, что паровозная сплотка шла без фонарей»

Виновные известны, но правосудия ждать не приходится. Подробности суда и следствия повествователя не интересуют и останутся неизвестными.

«Всю пятницу, субботу и воскресенье <...> шел ремонт пути. Ремонтники мерзли и для обогрева, а ночью и для света раскладывали костры из даровых досок и бревен со вторых саней, рассыпанных близ переезда»

Ремонтники такие же неприятные типы, как все остальное население.

ТОРГОВЛЯ

Как уже говорилось выше, торговля потребительскими товарами осуществлялась в трех формах: государственной, кооперативной и колхозно-базарной.

О государственной торговле в тексте ничего не сообщается. Об ассортименте в сельпо (магазин-кооператив сельского потребительского общества. Составлено из сокращения слова сельский и первых букв слов потребительское общество) известно лишь, что продавалась там:

1. «...каша ячневая (другой крупы в тот год нельзя было купить в Торфопродукте, да и ячневую-то с бою...».

2. «...маргарин нарасхват, а свободно только жир комбинированный»

У Матрены Васильевны были, несмотря на сказанное, в случае необходимости большие возможности:

«Она шла в сельпо, покупала рыбные консервы, расстарывалась и сахару и масла...»

«Кира привезла из Московской области пуд сахару»

Снабжение продуктами в Московской области, надо понимать, лучше, чем во Владимирской, и эта подробность не упущена рассказчиком.

Есть и частная торговля как легальная, так и подпольная.

«...Матрена Васильевна под покровом ночи носила тот сахар и бутылки самогонщику»

«...я увидел крохотный базарец. По рани единственная женщина стояла там, торгуя молоком»

Попозже торговок будет, наверное, больше.

Государственная монополия на продажу спиртосодержащих продуктов для частной предпринимательской деятельности не помеха.

АРМИЯ

Недавно нашей победой закончилась страшная война. О солдатах, участниках этой войны, можно найти в тексте несколько строчек.

«И как старший брат в первую войну, так младший без вести исчез во вторую»

Если исчез так же как старший брат, значит, не погиб.

«...Похоронного тоже не было. Односельчане, кто был с ним в роте, говорили, что либо в плен он попал, либо погиб, а только тела не нашли»

Опять-таки и тела не нашли. Учитель уверен, что он:

«...женат где-нибудь в Бразилии или в Австралии. И деревня Тальново, и язык русский изглаживаются из памяти его»

«...золовкин муж, бья себя в грудь, доказывал мне и сапожнику, мужу одной из Матрениных сестер: - Умер, Ефим, умер! Как бы это он мог не вернуться? Да если б я знал, что меня на родине даже повесят – все равно б я вернулся!»

Горячность золовкиного мужа делает честь его чувствам, но, увы, не уму.

«Сапожник согласно кивал ему. Он был дезертир и во все не расставался с родиной: всю войну перепрятался у матери в подполье»

Воевали «односельчане, среди которых недалекий золовкин муж и учитель, у которого фронт остался в памяти как место регулярного приема пищи.

«Ел я дважды в сутки, как на фронте».

Государство безжалостно к своим гражданам, но они живут-поживают, добра наживают, умело приспособившись к диковинным порядкам, больше напоминающим сказочное царство, чем реальное государство.

Билетов в кассе не продают – ездят без билетов;
Больницы бесплатные, но ходят туда против воли;
Топлива не продается – берут бесплатно;
За воровство не судят – а лишь грозят;
Ни вил, ни лопат в колхозе нету – а старые машины де-
вать некуда;
Масла в магазине не продают – да им угощают;
Врага разбили – а дезертиров больше, чем бойцов;
За работу пенсии не положено – получают за мужа,
проживающего где-нибудь в Аргентине.

С одной стороны, поскольку государство советское – антисоветизм.

Он предусмотрительно открыт лишь на грамматическом уровне, не подлежащем полицейскому преследованию.

С другой стороны, отрицание государства совершается в форме демонизирующей, наделяющей сверхъестественной силой институт власти.

Но вот отделенная от государства церковь и служители культа.

ЦЕРКОВЬ

«Погода была ветреная, неприятная, и поп с дьяконом ждали в церкви, не вышли в Тальново навстречу»

«Золовкин муж расхвастался: – А заметили вы, православные, что отпевали сегодня медленно? Это потому, что отец Михаил меня заметил. Знает, что я службу знаю. А иначе б – со святыми помоги, вокруг ноги – и все»

Халатно относятся к своим обязанностям и советское духовенство.

ФЛОРА

События разворачиваются в сельской местности, да и начинаются в прекрасную летнюю пору, но флора практически отсутствует.

Знаменательно распределение описаний природы во времени.

Прошедшее время

«...на этом месте стояли прежде <...> дремучие, непроходимые леса».

«Тут роща была...»

«... мирное небо, плывущие облака и народ, кипящий со спелым жнивом»

Взгляд в прошлое более важен, там есть, вернее, было – одно, другое, третье.

Настоящее время

«Меж торфяными низинами...»

«Так мы дошли до высыхающей подпруженной речуш-

ки с мостиком. Милей этого места мне не приглянулось во всей деревне; две-три ивы...»

«Крупной же картошки огород ее песчаный <...> не давал»

«Стояли вокруг леса»

«Тут роща была <...> вырубил ее...»

«...ее часть была уставлена по табуреткам и лавкам – горшками и кадками с фикусами. Они заполнили одиночество хозяйки безмолвной, но живой толпой. Они разрослись привольно, забирая небогатый свет...»

«...фикусы вынесли из избы»

Меж торфяными низинами, окруженные лесом огорода, не дающие урожая, роща вырублена, засыхающая речушка.

Культурные, домашние растения растут привольно, однако, забирают у хозяйки свет, а заканчивают тем, что их тоже не стало.

То, что в прошлом было, в настоящем утрачено.

Будущее время

В нем совсем ничего нет. Как нет в тексте и самого будущего.

Есть еще несколько описаний, как будто относящихся к реальной действительности.

«...я долго сидел в рощице на пне...»

«...только бы остаться здесь и ночами слушать, как ветви шуршат по крыше...»

«На взгорке между ложков, а потом других взгорков, цельно-обомкнутое лесом, с прудом и плотинкой...»

Что это за идеальные картинки с плотинкой?

Профессор А. В. Урманов пишет: «Проходящая через весь рассказ антитеза идеальное – inferнальное находит отражение в названиях двух поселков, в которые попадает Игнатич. Первый – Высокое Поле, «от одного названия веселела душа», - устремлен в небо: «Название не лгало. На взгорке между ложков, а потом других взгорков, с прудом и плотинкой, Высокое Поле было тем самым местом, где не обидно бы жить и умереть». В этом месте нет примет современной цивилизации и видимых проявлений господствующей идеологии, здесь человек остается наедине с природой и вечностью. Высокое Поле (расположение поселка «на взгорке» подтверждает неслучайность «вертикальной» семантики топонима) олицетворяет собой устремленность к духовному идеалу, к вечному»⁵⁵.

Но есть ли на самом деле это место, на взгорке между ложков?

А. В. Урманов продолжает: «Почти все перечисленные в рассказе Солженицына топонимы («Часлицы, Овинцы, Спудни, Шевертни, Шестимирова...») реальны: в справочнике административно-территориального деления Владимирской области за 1955 год (в 1956-м справочник не выходил) можно найти деревни Часлицы, Спудни и Шевертни (Курловский район), а также Овинцы и Шестимирово (Овинцевский район). Имеющий явно символическое значение топоним Высокое Поле в справочнике отсутствует»⁵⁶.

Отсутствует в реальности, скорее всего, и сам населенный пункт.

Читаем дальше у профессора А. В. Урманова: «...второй топоним с символической семантикой подвергся незначительной коррекции: железнодорожная станция рядом с рабочим поселком Мезеновский, <...> называлась не Торфопродуктом, а Торфопредприятием»⁵⁷.

Подвергнув название коррекции, рассказчик прибегает к авторитету классика, чтобы это название заклеить: «Торфопродукт. Ах, Тургенев не знал, что можно по-русски составить такое!».

«...Торфопродукт – символически устремленный не к небу, как Высокое Поле, а в царство тьмы, в бездну. <...> Да и расположен Торфопродукт в низине, а древние иконописцы, как уже отмечалось, в нижней части иконы изображали именно царство антихриста. Можно привести несколько коротких фрагментов, подтверждающих «инфернальную» принадлежность этого жуткого места...»⁵⁸.

ФАУНА

«...по пруду плавали утки, и выходили на берег гуси, отряхиваясь»

Это, надо полагать, соседские гуси и утки. Хозяйство Матрены Васильевны скромнее.

«...все животы ее были – одна эта грязно-белая кривоногая коза»

Но

«...жили в избе еще – кошка, мыши и тараканы. Кошка

была немолода, а главное – колченога. Она из жалости была Матреной подобрана и прижилась. Хотя она ходила на четырех ногах, но сильно прихрамывала»

Этой немолодой уже кошке уделено места в тексте больше, чем детям и женщинам вместе взятым.

По вниманию, уделенному ей рассказчиком, она приближается к основным персонажам. То, что в деревенском доме, кишасщем мышами, не было кошек, и Матрена Васильевна подобрала «из жалости» увечное животное кажется неправдоподобным.

Мыши и тараканы, занимающие повествователя не меньше колченогой кошки, играют еще более значительную роль во внутреннем, мифологическом слое повествования.

Они деятельные участники мира незримого, таинственного.

«...я заметил, что очень уж, как никогда, развозились мыши: все нахальней, все шумней они бегали под обоями, скребли и попискивали»

Это не было случайным. Матрена Васильевна погибла.

«Мышами овладело какое-то безумие, они ходили по стенам ходенём, и почти зримыми волнами перекатывались зеленые обои над мышинными спинами»

Тараканы также необыкновенны, они почитают какую-то мистическую черту.

«Единственное, что тараканы уважали, это черту перегородки, отделявшей устье русской печи и кухню от чистой избы»

Они исполнены непонятного величия.

«И только тараканы спокойно ползали по полю битвы».

И только они во всем произведении, достаиваются, хоть и не прямой, но, безусловно, положительной оценки, как ни странно – за правдивость.

«...шуршание мышей под обоями покрывалось слитным, единым, непрерывным, как далекий шум океана, шорохом тараканов за перегородкой. Но я свылся с ним, ибо в нем не было ничего злого, в нем не было лжи»

«Шуршанье их – была их жизнь»

Грамматика требует, чтобы «шуршанье их» «было их жизнью», то есть согласования родов, но эти тараканы грамматике не подчиняются.

Всплывает, на первый взгляд, неведомо откуда, стихия воды – волны шум, шум океана, обои перекатываются волнами...

П. Вайль и А. Генис писали об этом эпизоде «неточные красоты – вроде шороха тараканов, похожего на «далекий шум океана» (это в средней полосе России!), шороха, в котором «не было лжи»^{58a}.

Спонтанность метафоры может иметь простейшее объяснение – произведение писалось частью в Крыму, на берегу Черного моря. Со времени проживания писателя в средней полосе России (д. Мильцево) прошло около трех лет. Не тараканы навевали ассоциации со звуками океана, а шум морского прибоя подсказывал автору (акустику!) звуко- и видеоряд.

Для учителя, от лица которого ведется повествование,

мотивы возникновения подобных образов подобрать трудно, они явно выпадают из стилистики произведения, установка на герметичность обнаруживает брешь.

Коза, существо явно из профанного мира и ничего интригующего, в отличие от тараканов, в ней нет, разве только то, что она, практически всегда, появляется на страницах текста в паре с колченогой кошкой.

Но по-своему интересна и коза.

«...одна эта грязно-белая криворогая коза»

Можно было бы написать и просто – коза.

Но кошка, например, колченога, и оставив козу беспорочной можно дать повод думать, что при советской власти есть что-то хорошее, будет это упущенной выгодой.

То, что коза и грязно- и криво- как будто немного снижает и общую ценность имущества Матрены Васильевны.

Однако белая – категория постоянная. Грязная – переменная.

Попала коза под хороший дождь и стала чистой, белой. Можно написать – одна эта белая коза... Звучит гораздо веселее.

Неказистая жизнь светлеет.

Коза утельная. Стельная, означает носящая в себе плод (о скотине).

А утельная? Созвучно стельной, но значит нечто другое – маленькая.

Это редкое слово «утельная» произносит не деревенская бабка, а учитель математики.

Маленькая коза – это козочка.

Грязно-белая козочка.

Нарушается стилевое единство. Чтобы оно не наруша-

лось надо писать – белая козочка. Еще вернее, раз козочка – беленькая козочка.

Беленькая козочка с кривыми рогами.

Кривые рога это сильный упрек, если учесть, что прямые рога у козы – патология (см. энциклопедию). К тому же нарушаются пропорции. Чтобы они не нарушались, следует написать:

беленькая козочка с кривыми рожками.

Но это пастораль. Молоко, масло, сметана, сыр, а еще: пух и шерсть этой козы могут заиграть лучом света в беспросветной жизни ее владелицы.

И беленькая козочка с кривыми рожками превращается в грязно-белую козу с кривыми рогами.

Метод простой, но действенный.

Иллюстрация 20.

club.foto.ru похожие

Ущербно и порочно всё и все. Претензии к советской власти только сигнальные огни этого вызова мировому злу, по сути, перед нами взыскующие вопросы Создателю, иными словами – богоборчество.

1.3. ЦВЕТ

Название цвета не то же самое, что восприятие самого цвета, однако цветовая палитра текста складывается в еще одно подтверждение концепции автора уже на другом уровне воздействия на читателя.

Черный

серо-деревянный

бурый

посерели

бурый

темный

желтый, больной

зеленоватый

грязно-белый

блекло-голубой

грязно-белый

черный

черный

черный

черный

черный

черный

черный

полумрак с розовинкой

не желтыми

а с розовинкой

блекло-зеленый

голубой

белый

желтый

смоляной

черный

черный

красный

розовый
красно-желтый
черный
белый
красны (как кровью залиты, были глаза)
чернобородый

Иллюстрация 21.

Общее полотно делит на две части яркий всполох идеального устройства жизни, только там чистые светлые цвета.

Начало

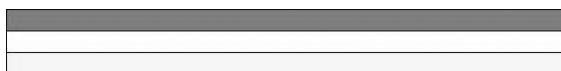

Иллюстрация 22.

Идеал в мечтах (кульминационный центр)

Иллюстрация 23.

Известно, что изображать хорошее сложнее, чем плохое. Что уж говорить об идеальном. Патетическое и возвышенное нередко получается слащавым, неестественным, пошлым.

Огорчают в таких эпизодах не только промахи вкуса, но и неточности речи.

«Я представил их рядом: смоляного богатыря с косой через спину...»

Косы носят на плече, в крайнем случае, за спиной. Здесь же, вдобавок, возникает представление о женской косе, вдоль всей спины.

«...ее, румяную, обнявшую сноп. И – песню, песню...»

Уборка урожая вручную жарким днем тяжелейшая работа, если она и сопровождается песней, то только такой о которой Н. А. Некрасов написал: «Этот стон у нас песней зовется...».

«...голубой, белый и желтый июль четырнадцатого года: еще мирное небо, плывущие облака и народ, кипящий со спелым жнивом».

Получилась полная бессмыслица. С чем именно кипит народ и как жниво может быть спелым, если это, то же самое, что стерня. То есть, оставшаяся на корню после уборки урожая, нижняя часть стеблей зерновых культур.

Заключение

Иллюстрация 24.

Цвета, увиденные въяве, а не в воображении.

Иллюстрация 25.

Заканчивается все мраком и кровью.

1.4. ЗВУК

Акустический образ мира, созданный в тексте, следующий:

«...рокот леса...»

«...шорох тараканов и постук ходиков...»

«...шуршание мышей...»

«...шум океана...»

«...шорох тараканов...»

«...шуршанье тараканов...»
«...сдержанный шумок...»
«...теплое мурчание...»
«...рельсы гудят...»
«...голос-то всегда у нее был на слезе...»
«...застучали в пять топоров...»
«...завизжали и заскрипели...»
«...покрикивая на помощников...»
«Кричали друг на друга...»
«Тракторист <...> хрипел...»
«...мужчины прогремели мимо...»
«...глуховато застучали стаканы...»
«...звякала бутылка...»
«...голоса становились все громче...»
«...зарычал трактор...»
«...мышь: все нахальней, все шумней...»
«...скребли и попискивали (мышь)»
«...несколько громких голосов...»
«...резкий стук...»
«Чужой властный голос кричал...»
«...приходят к тебе громко...»
«...мне буркнул один...»
«...скрипнула <...> калитка...»
«...трактор- то заведенный орет...»
«Мышь пищала, стонала почти...»
«...голоса были хрипы...»
«...простовато вопила...»
«...у гроба мурлыкала...»

Только звуки: рокот, шорох, постук, шуршание, шум, шорох, шуршание, шумок, мурчание, гудят, голос-то всегда у нее был на слезе, шумная, застучали, завизжали, заскрипели, покрикивая, кричали, хрипел, прогремели, глуховатозастучали, звякала, кричали, зарычал, скреб-

ли, попискивали, несколько громких голосов, резкий стук, властный голос кричал, громко, буркнул, скрипнула, орет, пищали, стонали, голоса хриплы, вопила, мурлыкала.

Практически все звуки враждебны человеку, адские звуки. Как справедливо выразился профессор Урманов: «Звуковой ряд представляет какофонию»⁵⁹.

Слух рассказчика поражен редким недугом, он не слышит гармоничных звуков. И читатель вместе с ним не может услышать ничего другого, кроме тревожного диссонанса.

С. Г. Кара-Мурза констатирует: «...важная знаковая система – акусфера, мир звуковых форм культуры. В программировании поведения, воздействующие в основном не на разум, а на чувства, звуки всегда занимали важное место. Слово с его магической силой выросло из нечленораздельных звуков, издаваемых вожаком стаи»⁶⁰.

1.5. ЗАПАХ

Запахи – это самый древний способ воздействия на глубинные человеческие инстинкты. Аромат является тем инструментом, который способен самым активным и часто подсознательным образом стимулировать как положительные, так и отрицательные эмоции.

Академик И. П. Павлов утверждал, что запахи управляют ассоциативным мышлением у людей с чувствительной сигнальной системой. Сознательное применение запаховых технологий, особенно для управления поведением человека, уже перешло из области эксперимента в повседневную практику.

В тексте метафора запаха используется всего два раза,

но предельно эффективно. Идеальное прошлое не только изображается привлекательным, но и пахнет отлично.

«Этот старый серый изгнивающий дом <...> проступил мне молодыми, еще не потемневшими тогда стругаными бревнами и веселым смолистым запахом».

Окружающая действительность обдает учителя лишь зловонием.

«Тяжелый запах самогона докатился до меня».

«Самогонный смрад ударил в меня».

1. 6. АРИФМЕТИКА

Число, символизирующее точность и однозначность, часто служит рассказчику для предоставления приблизительной или даже ложной информации.

Единицы измерения

«Одного мешка такого <...> весил он пуда два...»

«Кира привезла из Московской области пуд сахару...»

«...ходила она за пять верст...»

«...после пятка камерных романсов...»

«Летось (прошлый год) мы торфа натаскали сколища!»

А сколько это, сколища ?

Разве моего торфа не хватит? Машина целая. – Фу-у! Твоего торфу! Еще столько, да еще столько – тогда, бывает, хватит».

«Я ли бы и теперь три машины не натаскала?».

Значит, надо три машины.

«...собес от Тальново был в двадцати километрах к востоку...»

«...сельский совет – в десяти километрах к западу...»

«...а поселковый – к северу, час ходьбы...»

Смешение километров с часами точности не способствует, но, все-таки, сколько километров проходит в час Матрена Васильевна?

«В хорошие дни Матрена приносила по шесть мешков». То есть ходила 6 раз. «... мешка такого, принесенного иногда километра за три...». Идти надо туда и обратно – $3 \cdot 2 = 6$ км. Шесть ходок по 6 км, получается 36 км в день. Из них половина 18 км – с грузом (мешок (пуда два) = 32 кг.

Выбор единицы измерения (особенно если эта единица нетривиальна и сразу бросается в глаза) вполне может быть отнесен к приему речевого воздействия, предназначенного для скрытого манипулирования сознанием. Как хорошо известная предлагается информация, которая не подвергается критическому анализу, не осознается человеком как требующая осмысления.

Сколько это?

«...много провел в тюрьме...»

«...я задержался с возвратом годиков на десять...»

«...стали-таки платить ей рублей восемьдесят пенсий...»

«Еще сто с лишком получала она от школы и от меня...»

«...изрядно гектаров леса...»

«Председатель его, Горшков, свел под корень изрядно гектаров леса и выгодно сбыв в Одесскую область, на том свой колхоз возвысив, а себе получив Героя Социалистического Труда».

Вырубленный лес становится древесиной, а измеряется в кубометрах. Вырубки, вероятнее всего, велись выборочно – изрядно гектаров – может быть только метафорой воздействующей на воображение, но никак не количеством.

«...человек до десяти мужчин...»

Счет в пределах десяти взрослого человека затруднять не должен, но мы видим еще более странный феномен. Рассказчик подходит к дому.

«Милей этого места мне не приглянулось во всей деревне; две-три ивы, избушка переко Sobоченная...».

Ивы две или три? Математика наука точная. Художественная литература может себе позволить небрежность, но что со зрением у Игнатича?

Точные цифры

«А дней в зиме двести»

Декабрь, январь, февраль = 90 дней.

Русскую же печь Матрёна Васильевна топит круглый год (365 дней), так как в ней готовит.

«Трижды в день варить ему (поросенку)...»

Трижды в день и любимому мужу не часто варят, не то, что поросенку. Имеется в виду, видимо, кормить поросенка трижды в день, учитель математики не видит разницы или не различает глаголы по смыслу.

«Одного мешка такого, принесенного иногда километра за три (и весил он пуда два), хватало на одну протопку»

30 кг сухого торфа по теплоотдаче соответствуют 60 кг сухих дров. Для одной протопки многовато.

Преувеличено учителем математики в 6 раз.

«Тальновские бабы установили доточно, что одной вскопать свой огород лопатую тяжелее и дольше, чем, взяв соху и вшестером впрягшись, вспахать на себе шесть огородов»

Если уж впряглись шестеро, то всего старушек было семь. Кто-то должен идти за сохой.

«Двадцать первый скорый чуть с рельс не сошел...»

«Что-то сказано было о двадцать первом...»

«...в уральском скором тысяча жизней людей, мирно спавших на первых и вторых полках <...> должна была оборваться»

Тысяча жизней это число, или это образ, разящий в сердце, поскольку не пострадал ни один пассажир?

В газете «Вечерний Свердловск» за 28 января 1958 года помещена просьба граждан добавить вагоны в состав поезда «Урал» № 21/22, желающих ехать гораздо больше, чем может поместиться в 11 вагонах.

В поезде дальнего следования, один вагон обязательно вагон-ресторан, итого 10 вагонов с пассажирами. Если все они плацкартные, чего не может быть, в поезде $54 \times 10 = 540$ человек.

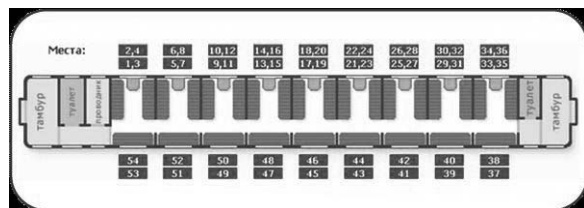

Иллюстрация 26.
Схема плацкартного вагона.

Ловкость в действиях с числами и цифрами заставляет не столько усомниться в знании арифметики, сколько удивляться высшей математике, с помощью которой рассказчик воздействует на сознание читателя.

1.7. С МИРУ ПО НИТКЕ

Профессор А. В. Урманов в книге предназначенной филологам утверждает, что: «...его (Солженицына) произведения «подготовлены» не только предшествующей эпохой, но и эпохами более отдаленными, что проза Солженицына выросла в том числе и на художественно-стилевом, духовно-нравственном, граждански-публицистическом фундаменте древнерусского христианского искусства...»⁵⁹.

Урманов находит множество аллюзий и реминисценций и в житийной литературе – Епифания Премудрого «Житие Сергия Радонежского» и в ранней русской классике – «Слово о полку Игоревом». Обнаруживает «...глубинное типологическое сходство со средневековой иконографией». Финал рассказа, по его мнению, восходит к Библии, и «может быть прочитан как восхождение героини на свою Голгофу. <...> На Тальново опускается тьма, в символическом аспекте подобная той, которая накрыла землю во время казни Христа; тьма, о которой упоминают евангелисты: «От шестого же часа тьма была по всей земле» (Мф. 27: 45); «настала тьма по всей земле» (Мк. 15: 33); «сделалась тьма по всей земле» (Лк. 23: 44-45)». 60

Проводит Урманов и более традиционные аналогии: «...ситуация эта отчасти напоминает эпизоды из повести Н. В. Гоголя «Вий»; «В этом смысле эпизод содержит скрытую переключку со знаменитым стихотворением С. А. Есенина «В хате» (1914); «По верному замечанию

А. Ю. Большаковой «еще со времен Некрасова и есенинского «Сорокоуста» знаком «нового времени», антагонистичного Деревне, стал образ-символ железной дороги, словно молох требующей человеческих жертв». Следует только дополнить, что в русской литературе рубежа XIX – XX веков наиболее глубоко и последовательно данная проблема, не сводимая к образу-символу железной дороги, разрабатывалась в поэзии Н. А. Клюева (1884–1937)»; «Парадигматическая (сверхтекстная) параллель с произведением Блока расширяет культурное поле, с которым интертекстуально взаимодействует рассказ Солженицына»; «Оригинальность подобного приема, очень характерного для прозы А. Солженицына, становится особенно наглядной при сравнении с, казалось бы, аналогичным случаем словоупотребления в рассказе А. М. Горького «О тараканах» (1920); «...заглавие «Матренин двор», очерчивающее пространственные границы художественного мира рассказа, ассоциативно проецируется на начало романа «Тихий Дон»: «Мелиховский двор – на самом краю хутора». Данная сверхтекстовая ассоциация, возможная, разумеется, только при наличии у читателя определенного литературного кругозора «спровоцирована» не только «окраинным» пространственным местоположением мелеховского и матрениного дворов, не только определенным сходством направленных на них разрушительных сил, но и тем доминантным положением, которое эти образы занимают в структуре произведений. Главное же свойство, типологически сближающее мелеховский и Матренин дворы – универсализм этих структурно завершенных знаковых образов, концентрированно воплощающих в себе наиболее характерные свойства формировавшейся в течение тысячелетия патриархальной цивилизации...»; «Подобное представление тоже отразилось

в художественном творчестве, например, в хорошо известном автору «Матрениного двора» романе Б. Пильняка «Голый год»; «Таким образом, одно из главных свойств радио – однонаправленность информационного потока – Игнатич преодолевает дозированием «потребляемой» информации, возможностью регулировать громкость звука и слушать только те передачи, которые соответствуют (в определенных пределах, конечно) его информационным и эстетическим запросам.

Едва ли не первым в русской литературе персонажем, который пытался хоть как-то противостоять агрессивной одновекторности радиопропаганды, стал Жачев – герой повести «Котлован» (1929–1930). Для сравнения можно привести соответствующий эпизод из этого произведения А. Платонова...»; «В рассказе А. Солженицына легко обнаруживается сквозной для русской литературы XX столетия лейтмотив разрушения дома (см.: «Белая гвардия» и «Мастер и Маргарита» М. А. Булгакова, «Чевенгур» и «Котлован» А. П. Платонова...»⁶¹.

Е. С. Роговер, тоже профессор и доктор наук, литературовед, автор школьных учебников по русской литературе XIX и XX веков в учебном пособии «Русская литература XX века», изданном «в помощь выпускнику школы и абитуриенту» приводит свой список литературных реминисценций: «Здесь возникает ситуация, очень напоминающая повесть Герцена «Доктор Крупов» <...>. Рассказ Солженицына вызывает и иные литературные ассоциации. «Черный человек» в изображении писателя отдаленно напоминает пушкинского мрачного пришельца в «Моцарте и Сальери» <...>. Топор в руках этого Фаддея (его отчетливо в руках деверя представляет себе Матренин постоялец) рождает ассоциации с топором Раскольниковова, убивающего невинную жертву, и одновременно с топором Лопахина. Последний тоже рубит

нечто прекрасное и святое, что есть у владельцев вишневого сада, и тоже, как в рассказе Солженицына, закладывает дом прежней хозяйки. Мотив остановленного Матреной коня напоминает некрасовские стихи о «женщинах в русских селеньях». Пальто героини «из ношенной железнодорожной шинели» воскрешает гоголевскую злополучную шинель. Только у Матрены она «ношенная», да еще «железнодорожная». Последний эпитет связывает героиню с железной дорогой, поездом, которого более всего она боялась и который ее в конце концов раздавил. Этот паровоз с вылупленными глазами вызывает ассоциации с есенинским «железным гостем», врагом «золотой бревенчатой избы» и одновременно с толстовским и блоковским поездами, умерщвляющими героинь<...>.

Таким образом, рассказ Солженицына создан в русле классических традиций русской литературы. Он вбирает в себя многообразные мотивы предшественников – Пушкина, Гоголя, Некрасова, Достоевского, Л.Толстого, Чехова, Блока, Есенина. А сам образ Матрены включает в себе многое от тургеневских крестьянок и лесковских праведников. <...>. Солженицын претворяет в рассказе и поэтику своих любимых авторов. Он по-толстовски повторяет и варьирует значимые детали, а подробности в его рассказе (ружья, обязательно стреляющие) несут, как и у Чехова, особую смысловую нагрузку»⁶².

Автор, разумеется, не несет ответственности за ассоциации читателей, но текст либо провоцирует версии прочтения, либо исключает их.

Итак, вот имена и названия, всплывающие в памяти, при чтении рассказа только у двух исследователей творчества А.И. Солженицына.

Библия

«Слово о полку Игореве»

Епифаний Премудрый «Житие Сергия Радонежского»

А. С. Пушкин
Н. В. Гоголь
Н. А. Некрасов
Н. С. Лесков
И. С. Тургенев
Ф. М. Достоевский
Л. Н. Толстой
А. И. Герцен
А. П. Чехов
М. Горький
А.А. Блок
Н. А. Клюев
С. А. Есенин
М. А. Шолохов
Б. А. Пильняк
А. П. Платонов
М. А. Булгаков

Из тех писателей, чье творчество, безусловно, было известно автору, но из соображений хорошего тона современные исследователи не упоминают, должен быть еще ряд советских писателей.

И конечно, фольклор.

Перед нами хребет школьного курса литературы.

И, несмотря на то, что список не полон, ощущение избыточности литературных напоминаний на пространстве небольшого рассказа (19 машинописных страниц), заставляет задуматься о недостатке литературной самостоятельности, не покидает впечатление ученической старательности (пусть и отличной).

2. Тальновский треугольник

2.1. НЕПОКОРНАЯ ГОРНИЦА

«Налево еще ступеньки вели вверх в горницу – отдельный сруб без печи...»

Профессор А. Урманов высказывает предположение, что «... есть какой-то мистический смысл в том, что Фаддей покушается именно на горницу. М. Забылин, автор вышедшей еще в 1880 году книги «Русский народ. Его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия» указывает, что «горница, как показывает само слово, было строение горнее или верхнее, надстроенное над нижним и обыкновенно чистое и светлое». В «Толковом словаре живого великорусского языка» В. И. Даля слова «горница» и «горний» также рассматриваются как однокоренные (они приведены в одном словарном гнезде), причем слово «горний» определяется как «вышний, высший, верхний; возвышенный, в прямом и переносном значении, небесный, до мира духовного относящийся»⁶³.

Если цитирование М. Забылина немного расширить, можно получить более полное представление о предмете описания.

«Надворные постройки вообще были жилые, служебные или кладовые. Жилые носили названия: избы, горницы, повалуши, сенника. Изба была общее название жилого строения. Горница, как показывает само слово, было строение горнее или верхнее, надстроенное над нижним и обыкновенно чистое и светлое, служившее для приема гостей. Название «повалуши», холодной кла-

довой (Акты относ. к юр. б.366), но были также и жилыми покоем. Неизвестно в чем состоит их отличие от горниц, тем более, что они часто были рядом с горницами и занимали верхнюю часть здания»⁶⁴.

Для уточнения точных сведений о русских деревянных постройках лучше обратиться к другому автору, известному историку и археологу – Ивану Егоровичу Забелину.

«...первообразом древнего русского жилища была клеть, из которой потом образовалась изба, до сих пор почти единственное жилище нашего крестьянина. <...> Против избы у семьянистых и зажиточных людей ставилась клеть – летний холодный покой, также с волоковыми окнами. Место под общею кровлею, между клетью и избою, называлось сеньми. Под клетью, которая в иных местах называлась повалушею и даже горницею, почти всегда был глухой подклет, называвшийся нередко мшаником, в котором помещался домашний скот или кладовая. Поэтому клеть, в отношении к избе стояла всегда выше, отчего, вероятно, и носила название горницы. Вот жилище простолюдина»⁶⁵.

В отличие от городской квартиры деревенская изба пластична в пространстве. Крыльцо, сени, холодные комнаты, веранды пристраиваются и разбираются, по мере необходимости, по желанию хозяина увеличивая и сокращая общую площадь жилища. Можно подрубить весь дом (то есть убрать сгнившие бревна нижних венцов сруба, поставив вместо них новые), надстроить чердак, перекрыть крышу и т.д. Во всех этих действиях нет ничего сверхъестественного для крестьянина.

Преобразовать в художественный конфликт бытовое столкновение интересов нелегко. История передачи племяннице ненужного, «стоявшего без дела» сруба, никак не может служить настоящей интригой даже для

маленького рассказа. Но нежилая горница, исполненная «мистического смысла», став полноценным участником событий, без труда бросит призрачный и таинственный ответ на все повествование.

Олицетворение – первый и вернейший способ сакрализации предмета. А каждый необыкновенный герой начинается с чудесного рождения. Обе эти возможности прекрасно реализованы в тексте.

«Эту избу он парнишкою сам и строил когда-то с отцом; эту горницу для него, старшего сына, и рубили...»

Фаддей не просто рубил бревна, он «здесь каждое бревнышко своими руками перенячил...».

А когда пришло время, он «разбирал ее по ребрышкам...».

Горница и сама проявляет недюженный характер.

«Две недели не давалась трактору разломанная горница!»

Горница превращена в сверхценную идею для деверя главной героини.

«...дума эта была – спасти бревна горницы от огня и от козней матрениных сестер», «...кружным путем через три деревни, обвезил остатки горницы к себе во двор»

Многое загадочно в этой горнице.

Когда Матрена Васильевна, выйдя замуж за Ефима, поселилась в этом доме, там, в одной комнате уже жили 4 человека. Ефим, две его сестры и отец. Однако новую горницу не занимали. Она оставалась нежилой и тог-

да, когда из плена вернулся Фаддей, кроме родного дома возвращаться ему было некуда. Вернулся он зимой.

«... к Миколке зимнему – вернулся...Фаддей...», а горница «отдельный сруб без печи...» холодная.

Уже шесть взрослых людей проживают в одной комнате. А горница стоит праздно, пустует.

Рассказчик, упорно искавший для себя отдельного помещения, горницей совершенно не заинтересовался.

Необычнее же всего проклятие, наложенное на это помещение.

«Из-за горницы, на которую легло проклятие с тех пор, как руки Фаддея ухватились ее ломать.

Вызывает удивление осведомленность постояльца не только о самом наложении проклятия, но и времени, когда это произошло. Не сказано лишь, кем именно оно произнесено.

Проклятие – событие не рядовое, и кем оно произнесено очень важно. Во-первых, потому что круг действующих лиц в повествовании весьма ограничен; во-вторых, потому что фольклорная традиция относится к проклятию с большой осторожностью и ответственностью, считая его страшным оружием. Наряду с верой в сверхъестественную силу проклятия, сохраняется убеждение, что если оно справедливо, то будет исполнено, а если несправедливо, то обратится на самого проклинающего.

А в чем вина горницы? Кто и за что ее проклинает?

Проклятие – это словесный ритуал, имеющий целью нанести урон адресату, лишить его покоя, или даже самой жизни.

Фаддей и матренины сестры заинтересованы в со-

хранности и благополучии горницы, как ее потенциальные владельцы.

Остаются Матрена Васильевна и ее квартирант.

В соответствии со своим характером, Матрена Васильевна, охарактеризованная повествователем праведницей, прибегнуть к такому чрезвычайному средству вряд ли бы решилась.

Учитель – человек загадочный, судя по известным фактам биографии, не робкий, но он не имеет внятного мотива для того, чтобы ввязываться в чужие семейные дразги.

Может быть, никакого проклятия не было? Или произнесено оно было в другое время.

«Эту избу он парнишкою сам и строил когда-то с отцом; эту горницу для него, старшего сына, и рубили, чтоб он поселился здесь с молодой».

Матрена Васильевна была просватана, дала слово, обещание, но невеста не дождалась своего суженого, вышла замуж за другого.

По народным поверьям, результатом проклятия считаются трагические события в жизни, болезни, рождение в семье уродов, бесплодие, смерть младенцев, иными словами – порча.

«И решила вся деревня, что в Матрене – порча. – Порция во мне! – убежденно кивала и сейчас Матрена».

Проклятие, порча, иррациональная подоплека, к которым рассказчик настойчиво привлекает внимание читателя, делают закономерным обращение к мифологии, и в первую очередь к работе выдающегося советского фольклориста В. Я. Проппа.

Мотиву горницы-запретного чулана он посвящает специальную главу. «Запретный чулан не раз исследовался.

<...> ... мы имеем сообщение, что имелись специальные, запретные помещения...

<...> У квакиутл посвящение производилось в особом тайном помещении (secret room) мужских домов. Там подлогу сидел неофит, там, по-видимому, над ним производились все полагающиеся операции.

<...> ... в некоторых случаях мы имеем не избушку и большой дом, как мы видели выше, а большой дом, с особым помещением для инициации. Это и есть «тайная комната». Название «тайная» комната не совсем удачно. Она представляет тайну только для неофита до совершения обряда, после чего перестает быть тайной.

<...> «Ну, – говорит, вот тебе ключи, всюду ходи, а не ходи только в первую конюшню, а в верхнем этажу в заднюю комнату».

<...> Здесь невозможно выписать все случаи. Достаточно указать, что данное явление в сказке есть и встречается очень часто. Оно показывает связь запретного чулана с большим домом.

<...> Там подполье, подполье полно мертвых тел. Здесь, правда, нет запрета, но есть особая комната с мертвыми телами. Интересный случай такой особой комнаты имеем в тобольской сказке. Девушка попадает в дом разбойников. Старик ведет ее в подземелье. Там хрустальный пол. Там же три амбара. Один полон золота, другой серебра, третий – трупов. «Здесь твоя смерть будет».

<...> Типичным, необходимым мотивом запретный чулан является в сказках типа «Синяя Борода».

<...> Тут кроме потерянного пальчика мы находим и птичий вид героини, и лицо, вымазанное сажей, и разрубленные тела, и оживление мертвых.

<...> Иногда мотив запретного чулана следует за мотивом женитьбы. В этом случае в чулане помещается змей или Кощей. Он улетает и уносит с собой жену героя.

<...> ...по материалам Фрэзера, женщины в мужских домах находились в особых помещениях, куда мужчины не входили. Здесь могут быть отражены еще не вполне изученные брачные запреты. Обычно герой, обнаруживший в запретном чулане женщину, вступает с ней в брак.

<...> Несомненно, что здесь еще не все связи найдены, не все еще обнаружено. Однако найдено направление, в котором надо продолжить поиски, и эти поиски могут дать еще богатый сбор»⁶⁶

2.2. ФАДДЕЙ – ЗЛОДЕЙ

И не просто злодей, а прямо-таки настоящее исчадие ада. Профессор Урманов описывает так: «Вокруг матрениного двора, как когда-то вокруг обители преподобного Сергия, бродят «воины бесовские»⁶⁷

Ученый без труда определяет и главу этих бесов персонально. «В случае же с Матреной видимую, внешнюю победу одерживают бесы, разрушившие обитель праведницы, растерзавшие ее тело. В известном смысле, ситуация эта отчасти напоминает эпизоды из повести Н. В. Гоголя «Вий», в которых за пределом очерченного Хомой Брутом круга носились бесы и демоны, «бились крыльями в стекла», «царапались с визгом когтями по железу»; «несметная сила громила в двери и хотела вломиться». Если продолжить это сравнение, то роль Вия в рассказе Солженицына выполняет старик Фаддей...»⁶⁸

Для начала процитируем Н. В. Гоголя:

«И вдруг настала тишина в церкви; послышалось вдали волчье завыванье, и скоро раздались тяжелые шаги, звучавшие по церкви; взглянув искоса, увидел он, что ведут какого-то приземистого, дюжего, косолапого человека. Весь был он в черной земле. Как жилистые, крепкие корни, выдавались его засыпанные землею ноги и руки. Тяжело ступал он, поминутно оступаясь, длинные веки опущены были до самой земли. С ужасом заметил Хома, что лицо на нем железное. Его привели под руки и прямо поставили к тому месту, где стоял Хома. – Подымите мне веки: не вижу! – сказал подземным голосом Вий...»

Вполне можно предположить, что и автор рассказа, создавая свой персонаж, в каком-то смысле ориентировался на гоголевское чудовище. Во всяком случае, две его родовые черты – слепота и чернота – использованы при характеристике Фаддея с большим успехом.

Происхождение имени демонического Вия обычно связывают с украинским словом «вія» – ресница, верхнее веко с ресницами. Примечательно, что слово «віко», являющееся синонимом слова «вій», имеет помимо значения «веко» и другие значения: «крышка сундука, квашни, бадьи», «крышка гроба».

Еще в XIX веке исследователи творчества Н. Гоголя, исходя из содержания повести, видели в Вие воплощение слепой силы судьбы и подземного божества смерти.

В мифопоэтическом пространстве народных представлений слепота глубоко осмысленное и ни в коем случае не случайное качество.

«Слепота существ, подобных яге, явление международное...

<...> Под «слепотой» может быть вскрыто понятие некоторой обоюдности невидимости. По отношению к яге

это могло бы привести к переносу отношения мира живых в мир мертвых: живые не видят мертвых точно так же, как мертвые не видят живых.

<...> Точно так же и Полифем (родство которого с ягой очень близко) ослепляется Одиссеем; в русских версиях этого сюжета («Лихо одноглазое» Аф. 302) глаз не выкалывается, а заливается. Одноглазость подобных существ может рассматриваться как разновидность слепоты. В немецких сказках у ведьмы воспаленные веки и красные глаза, т.е. у нее собственно нет глазных яблок, а есть красные орбиты без глаз (Vordemielde).

<...> Точно так же и в гоголевском «Вие» черти не видят казака. Черти, могущие видеть живых, это как бы шаманы среди них, такие же, как живые шаманы, видящие мертвых, которых обыкновенные смертные не видят. Такого шамана и зовут. Это – Вий (ср. Аф. 137, 3В 100).

<...> Специальное изучение слепоты, может быть, покажет, почему пророки и провидцы (Тиресий), освободители народа (Самсон), праотцы (Яков, Исаак), вещие поэты (Гомер) часто представляются слепыми».69

«В сорок первом не взяли на войну Фаддея из-за слепоты...»

Прошло 15 лет.

«Когда я пришел, он плавно повернул ко мне величавую голову и назвал меня внезапно: - Батюшка!.. Вижу вас плохо»

«Но этому полуслепому старику, годному Антошке не в отцы, а в деды...»

Однако слепота Фаддея не постоянна, в какие-то моменты недостатка зрения не обнаруживается.

«Глаза самого Фаддея деловито поблескивали. Несмотря что спина его не распрямлялась вся, он ловко лазил и под стропила...»

Появление Фаддея Мироновича в повествовании сопровождается глубокой чернотой.

«Высокий черный старик, сняв на колени шапку, сидел на стуле, который Матрена выставила ему на середину комнаты, к печке-«голландке». Все лицо его облегалли густые черные волосы, почти не тронутые сединой: с черной окладистой бородой сливались усы густые, черные, так что рот был виден едва; и непрерывные бакены черные, едва выказывая уши, поднимались к черным космам, свисавшим с темени; и еще широкие черные брови мостами были брошены друг другу навстречу»

Определение черный использовано семь раз.

Первый раз – информация новая (возможно неточная)

Второй раз – информация уже известная

Третий раз – информация уже хорошо известная

Четвертый раз – информация уже давно известная

Пятый раз – информация уже давно хорошо известная

Шестой раз – информация общеизвестная

Седьмой раз – информация истинная, точная.

Привыкнув к повторяющемуся утверждению, его начинают воспринимать не разумом, а на веру, не проверяя сомнением, не подвергая критическому анализу.

Решающим фактором для формирования образа является внешний вид, а когда рациональных аргументов мало или они отсутствуют вовсе, нет ничего лучше эффективнейшего способа воздействия, чем неустанное повторение.

«...черный настойчивый этот старик...»
«...смоляной богатырь...»
...как он стоит там, черный, в темных дверях...»
«...сохранивший сочную, молодую черноту в волосах...»
«... я вообразил себе черного молодого Фаддея...»
«...именно это терзало душу чернобородого Фаддея...»

Всего в тексте характеристика – черный – в отношении Фаддея, используется 12 раз.

Вот нехитрый способ сделать из обыкновенного брюнета Черного человека, количество переходит в качество и «черный» обозначает не столько цвет, сколько сущность, а речь становится не столько метафорической, сколько мистической. И читатель вслед за повествователем покидает реальный мир, отправляясь, не заметно для себя, в область иррационального.

События повседневной жизни показывают отрицательные черты характера Фаддея в сугубо материальной плоскости. Он бьет жену и ребенка, не видя в этом, как, кстати, и учитель, ничего предосудительного.

Жизнь его открыта, как на ладони.

В 23 года, собираясь жениться, он строит дом, начинается война – идет на фронт, вернувшись из плена, ищет новую невесту, строит новый дом, растит шестерых детей. Он на редкость заботливый отец. Не единственный, не первенец, а шестой! ребенок получает по математике неудовлетворительные оценки, и старик идет к учителю домой, узнает причину плохой успеваемости, договаривается о согласованных действиях в дальнейшем.

Младшей дочери негде жить, но появляется возможность поправить положение «И не так сама Кира, и не так муж ее, как за них старый Фаддей...» хлопчет не жалея времени и сил, а легко ли поднять шестерых детей во вре-

мена, когда «...неоткуда лесу взять», а в колхозе работают «не за деньги – за палочки». Уговаривает Матрену Васильевну отдать ненужный ей сруб Кире, которую считала она своей приемной дочерью, от которой «... ей теперь и помощь сочилась: иногда сахарку, когда поросенка зарежут салыца».

Рассказчик возлагает ответственность за смерть Матрены Васильевны на Фаддея, однако оснований для этого явно недостаточно. Угроза, высказанная изменившейся женщине сорок лет назад, материализуется лишь в воображении повествователя.

«Ну, говорит, если б то не брат мой родной – я бы вас порубал обоих!

Я вздрогнул. От ее надрыва или страха я живо представил, как он стоит там, черный, в темных дверях, и топором замахнулся на Матрену».

Глагол «порубал» употребляется в значении нанес удар шашкой, тем более, что дело происходит вскоре после Первой мировой войны, на которой такое оружие широко применялось. Если бы речь шла о топоре, точнее было бы «зарубил».

«И вдруг в притемке у входных дверей, на пороге, я вообразил себе черного молодого Фаддея с занесенным топором».

«Сорок лет пролежала его угроза в углу, как старый тесак, – а ударила-таки...»

«Дочь его трогалась разумом, над зятем висел суд, в собственном доме его лежал убитый им сын, на той же улице – убитая им женщина, которую он любил когда-то...».

В том, что жертвы несчастного случая настойчиво называются рассказчиком убитыми Фаддеем, есть тайная пружина сюжета.

И еще одно важное предназначение зловещего образа Фаддея, он должен стать настолько сильным отрицательным полюсом, чтобы удержать матренино праведничество.

2.3. По канонам Бабы Яги

Не просто самая обыкновенная, а даже как-то нарочито неприглядная, существует на страницах рассказа Матрена Васильевна.

«...разъясняла Матрена, стоя в нечистом фартуке в кухонном дверном вырезе...»

«...простодушно глядя блекло-голубыми глазами...»

«... она была больна...»

« Боялась она пожара, боялась молоньи...»

«А я тоже видел Матрену сегодняшнюю, потерянную старуху...»

«Знал, что детей у нее было шестеро и один за другим умирали все очень рано, так что двое сразу не жило»

«Она поднялась с убогой тряпичной кровати...»

«Обязанное старческим слинявшим платочком смотрело на меня в непрямых мягких отсветах лампы круглое лицо...»

«...брали в ней верх суеверия <...> никогда не видал ее молящейся...»

«Гнила и старела когда-то шумная, а теперь пустынная изба – и старела в ней беспритупленная Матрена»

«Страдая от недугов и чая недалекую смерть...»

«Все отзывы ее о Матрене были неодобрительны: и нечистоплотная она была; и за обзаводом не гналась; и не бережная; <...> и, глупая...»

«Немного выдравшись из колотной своей житенки...»

«...брошенная даже мужем своим...»

Матрена Васильевна была вдовой. После страшной войны судьба не редкая. Однако ни разу слово вдова в рассказе не появляется. Рассказчик ее вдовой и не считает «...брошенная даже мужем своим...», вышедшая за него замуж, чтобы не остаться одной, не по любви «...присва-тался ко мне Ефим...Пошла я...», она и живет без любви «Ефим ее не любил». Еще до войны, поехав в город на заработки «...он себе там сударку завел, к Матрене и возвращаться не хотел».

«И решила вся деревня, что в Матрене – порча»

Один только пришелец решил, что перед ним элементы святого избранничества, в конце повествования по-

местив пылкий спонтанный монолог, предлагающий неожиданный и оригинальный вывод.

«...выплыл передо мною образ Матрены, какой я не понимал ее, даже живя с нею бок о бок.

В самом деле! – ведь поросенок-то при каждой избе! А у нее не было. Что может быть легче – выкармливать жадного поросенка, ничего в мире не признающего, кроме еды! Трижды в день варить ему, жить для него – и потом зарезать и иметь сало.

А она не имела...

Не гналась за обзаводом... Не выбивалась, чтобы купить вещи и потом беречь их больше своей жизни.

Не гналась за нарядами. За одеждой, приукрашивающей уродов и злодеев.

Не понятая и брошенная даже мужем своим, схоронившая шесть детей, но не нрав свой общительный, чужая сестрам, золовкам, смешная, по-глупому работающая на других бесплатно, – она не скопила имущества к смерти. Грязно-белая коза, колченогая кошка, фикусы...

Все мы жили рядом с ней и не поняли, что есть она тот самый праведник...»

Несмотря на то, что некоторые наиболее доверчивые представители читающей публики поняли это высказывание излишне буквально, Игнатич, безусловно, создает просто яркую метафору.

Весь сонм праведников церковью разделяется на, так называемые, чины святости. Их шесть. Святители, князья, преподобные, юродивые, святые миряне и жены.

Понятно, что говорить можно лишь о последней категории, и то как о риторическом тропе.

«Святые миряне и жены

Имен этих святых не так много в русских святцах, однако осмысление их подвига, за который они и были причислены к лику святых, не просто существенно дополняет представление о русской религиозности, но и ясно показывает, что святость не ограничивалась лишь стенами монастырей, а пронизывала всю толщу жизни людей.

<...> Есть случаи канонизации церковью и мирян, смысл подвига которых состоял в социальном опрощении: богатые и сильные мира этого добровольно отрекались от богатства и власти и начинали вести образ жизни простого крестьянина. Таким святым, например, был дворянин по происхождению Симеон Верхотурский (XVII век). <...>

Житие Юлиании Лазаревской (XVII век) показывает пример того, как глубоко может войти Евангелие в жизнь мирянки. Юлиания Лазаревская представляет собой образец верности супружескому и материнскому долгу, пример совершенной любви, которая позволила ей, забывая о собственной немощи, не только заботиться о членах своей семьи, но и кормить нищих в голодные годы, мыть в бане больных во время эпидемии, хоронить умерших. Милостыня в разнообразных формах стала основой ее христианского подвига. Юлиания Лазаревская была канонизирована в начале XX века, хотя житие святой на протяжении веков популяризировалось многими русскими писателями, видевшими в ней воплощение свойственного православной интеллигенции народолюбия»⁷⁰.

russian-temples.ru/articles/chinu_sviatosti.html
18.01.2011

Старым и больным телом, неказистой внешностью, горькой судьбой, убогой жизнью, как щитом прикрыва-

ет Матрена Васильевна автора, разящего ненавистную ему цитадель, не опасаясь ответного удара.

«В первых вещах я маскировался перед полицейской цензурой – но тем самым и перед публикой. Следующими шагами мне неизбежно себя открывать: пора говорить все точнее и идти все глубже. И неизбежно терять на этом читающую публику...»⁷¹

Любое сомнение, возражение критиков должны были сначала попасть в беззащитную «праведницу», «нищую старуху», символ женственности и материнства, доведенный до последней степени упадка, входивший некогда в национальное культурное ядро как образ прекрасного.

Взятие заложников – метод очень эффективный.

Но прошло время, хватка ослабла и ясно различимы две фигуры: обыкновенной, как многие другие, русской женщины и таинственного постояльца.

С точки зрения Игнатича, жизнь его хозяйки никудышная, но, судя по тексту, ее самоощущения совершенно иные.

Она живет счастливо.

Во-первых, потому что поступает всегда в соответствии со своим пониманием порядочности, исполненного долга, в полной гармонии со своей совестью.

«У тех людей всегда лица хороши, кто в ладах с совестью своей».

Во-вторых, ее воспоминания богаты счастливыми переживаниями, романтическая история молодости не утратила для нее своей эмоциональной силы и смысла.

Ей не знакомы гнетущие чувства зависти и ущербно-

сти. Для полноты бытия у нее есть «враги», над которыми она смеется.

Страдая два-три дня в месяц от мучительного хронического заболевания, все остальное время она не испытывает никаких проблем со здоровьем.

Приемная дочь, как родная, любит ее и заботится о ней.

Дружеские отношения удается ей сохранять с детских лет до преклонного возраста. Тетя Маша – «полувековая подруга».

Личная свобода для нее дороже денег, она нехотя соглашается принять выгодного постояльца.

Труд не обременяет, а приносит ей радость.

Наконец, она приготовилась к смерти так, как желала. Отдала последние распоряжения относительно своего имущества до последней мелочи, до серой «вязаночки». Отложила необходимую сумму на проведение достойного похоронного обряда. Ничто не возмущало ее душевного спокойствия.

«...зашила Матрена в подкладку этого пальто двести рублей себе на похороны. Повеселела»

Всего этого как будто не замечает учитель, возможно потому, что ценности их различны. Ее ценности – общечеловеческие.

Мастерский панегирик, завершающий рассказ, оставляет впечатление скорее гипнотического транса, чем аргументированного доказательства. Факты очевидно недостоверны.

«В самом деле! – ведь поросенок-то в каждой избе! А у нее не было. Что может быть легче – выкармливать жадного поросенка, ничего в мире не признающего, кроме

еды! Трижды в день варить ему, жить для него – и потом нарезать и иметь сало.

А она не имела...»

Именно что имела. И способ был наилегчайший, получить готовое сало от приемной дочери.

«Только оттуда ей теперь и помощь сочилась: иногда сахарку, когда поросенка зарежут – сальца»

При общей умеренности Матрены Васильевны в пище, да с ее заболеванием, количество сала, видимо, было достаточным. Во всяком случае, оно не было дефицитом. Игнатич описывает остатки ужина рабочих: «...недоеденной селедки, лука и раскромсанного сала».

«Не гналась за обзаводом...»

По свидетельству постояльца, не держала Матрена Васильевна не только поросенка, но и курочек, которые ведь тоже в каждом деревенском доме.

«Не выбивалась, чтобы купить вещи и потом беречь их больше своей жизни».

Все изменилось, как только появились у Матрены Васильевны свободные деньги.

«Заказала себе Матрена скатать новые валенки. Купила новую телогрейку. И справила пальто из ношенной железнодорожной шинели, которую подарил ей машинист из Черустей, муж ее бывшей воспитанницы Киры.<...> такое славное пальто получилось, какого за шесть десятков лет Матрена не нашивала».

Беречь вещи больше своей жизни, это, разумеется, гипербола, но представлять Матрену Васильевну небрежной хозяйкой несправедливо. Серая вязаночка аккуратно была убрана в сундучок.

«Она открыла сундучок, достала вязанку...»

«Не гналась за нарядами. За одеждой, приукрашивающей уродов и злодеев»

Оставшись вдовой, схоронившей шестерых детей, редкая женщина не утратит интереса к переменам моды, однако, при первой же возможности, Матрена Васильевна обновляет гардероб.

Неожиданное предположение о функции одежды, обозначенное учителем, не просто смелое, а прямо-таки иррациональное, вряд ли, требует комментария.

«Не понятая и брошенная даже мужем своим...»

Тот факт, что супруг оставил Матрену Васильевну ради другой женщины, целиком на совести рассказчика. Его пылкое воображение не видит Ефима иначе как изменником Родины, проживающим в Австралии с новой женой, забывшего не только прежнюю семью, но и русский язык.

Оснований для таких предположений в тексте нет.

Во всяком случае, документы, которые Матрена Васильевна представила в государственные органы, не вызвали никаких сомнений, и она получает пенсию как вдова советского солдата павшего в боях за Родину.

«схоронившая шесть детей, но не нрав свой общительный, чужая сестрам...»

Нрав у нее действительно общительный, как видно из всего повествования. Но утверждение, что она чужая ближайшей родне весьма опрометчиво. Приемной дочери она завещала только горницу, оставив избу – более ценное наследство – таким образом, сестрам, ни в коем случае, разумеется, не считая их чужими. Вряд ли случайный жилец был осведомлен о всех внутрисемейных обстоятельствах жизни своей хозяйки, во всяком случае, нет упоминаний о том, что его это интересовало.

«...чужая сестрам, золовкам...»

Вполне возможно, Матрена Васильевна не испытывала чувства привязанности к золовкам, что весьма распространено, но, чувство это, безусловно, связывало ее с женой бывшего жениха, встречается такое очень редко.

«...по-глупому работающая на других бесплатно...»

Бескорыстная помощь соседям пришлому человеку может быть и непонятна, но полностью соответствует деревенской этике.

Кроме того, когда деньги «вопрядых» ей давали, она не обижала, брала. Деньги, которые за постой учителя платила школа, и те, которые платил сам учитель за то, что Матрена Васильевна носила воду, топила печь, готовила еду, она принимала без отговорок.

«...она не скопила имущества к смерти. Грязно-белая коза, колченогая кошка, фикусы...»

Коза, разумеется, грязно-белая – правда, на ее стоимость это ничуть не влияет.

А что касается кошки, возможно, рассказчик забыл, что за две недели до вывоза горницы

«...кошка колченогая сбрела со двора – и пропала», и поэтому никак не может быть отнесена к оставленному наследству.

«Лес фикусов» был для Матрены Васильевны если не дороже жизни, то равноценен ей «...проснувшись когда-то ночью в дыму, не избу бросилась спасать, а валить фикусы на пол (не задохнулись бы от дыму)...», безусловно, для новых хозяек фикусов, хоть о них и не говорится, ценность приобретения не подлежит сомнению.

Имущество, оставленное Матреной Васильевной, ничтожно только с точки зрения пришельца, но в той социальной среде, которой принадлежала героиня, для ее наследников, оно столь значимо, что дело едва не дошло до суда.

«Уже дело упиралось писать в суд, но примирились...»

«Сделка состоялась. Козу забрала одна сестра, избу – сапожник с женою, а в зачет Фаддеевой доли ... пошла уже свезенная горница, и еще уступили ему сарай, где жила коза, и весь внутренний забор, между двором и огородом».

1. Дом.

«Дом не низкий – восемнадцать венцов ...в доме многое было под одной связью. За входной дверью внутренние ступеньки поднимались на просторные мосты, высоко осененные крышей. Налево еще ступеньки вели вверх в горницу – отдельный сруб без печи, и ступеньки вниз, в подклеть. А направо шла сама изба, с чердаком и подпольем.

Строено было давно и добротнo, на большую семью...»

2. Горница.

3. Сарай

«...еще уступили ему сарай, где жила коза, и весь внутренний забор, между двором и огородом».

Иначе говоря, скотный двор.

4. Коза

5. Пятнадцать соток земли

Сколько имущества – много или мало, можно считать по-разному, зависит от считающего.

Ясно только, что такая же как все, обыкновенная, со своими достоинствами и недостатками героиня повествователю не нужна, требуется что-то еще, чудесное, таинственное, мистическое.

Главу, посвященную размышлениям о структуре художественного мира в тексте, профессор Урманов не случайно называет «Идеальное, реальное, inferнальное».

Именно в мифологической области открываются достаточно неожиданные совпадения.

В. Я. Пропп отмечает постоянные черты, присущие не главному, но очень значимому персонажу мирового фольклора.

«Яга – очень трудный для анализа персонаж. Ее образ складывается из ряда деталей. <...> В основном сказка знает три разные формы яги. Она знает, например, ягу-дарительницу, к которой приходит герой»⁷²

В. Я. Пропп «Исторические корни волшебной сказки»
А. И. Солженицын «Матренин двор

1. «Древнейшим субстратом можно признать устройство хаты животной формы при обряде инициации. В этом обряде посвящаемый как бы спускался в область смерти через эту хижину. В мифах уже теряется зооморфный характер хижины, но дверь, а в русской сказке столбы, сохраняют свой зооморфный вид».

(Пропп, стр.158, текст. 222).

«...то, что некогда было самой хатой (животное), становится атрибутом хаты и дублирует ее...».

(Пропп, стр.158, текст. 221).

1. «...и получилась как бы внутренняя шкура на избе»

Этот старый серый изгнивающий дом вдруг сквозь блекло-зеленую шкуру обоев...»

Зооморфная характеристика – «шкура» обоев, мало того что дважды повторена и поэтому не может быть случайной метафорой, так еще и уточнено, что шкура «внутренняя», то есть, вывернутая наизнанку, действие необходимое в магическом обряде.

Переворачивание соотносилось с представлением о

потустороннем (перевернутом) и демоническом мире.

2. «Сама яга со стороны облика является в двух видах: или при входе Ивана она лежит в избе – это одна яга, или она прилетает – это яга другого вида.

Яга-дарительница при приходе Ивана находится в избе. Она, во-первых, лежит. Лежит она или на печке, или на лавке, или на полу».

(Пропп, стр. 163, текст. 244).

«Яга напоминает собой труп...».

(Пропп, стр.1 63, текст. 2 45).

2. «Когда я вошел в избу, она лежала на русской печи, тут же, у входа, накрытая неопределенным темным тряпьем <...> В остатке света и к тому же за трубой кругловатое лицо <...> показалось мне желтым, больным. И по глазам ее замутненным можно было видеть, что болезнь измотала ее. Разговаривая со мной, она так и лежала на печи ничком, без подушки, головой к двери...».

3. «Еда, угощение непременно упоминаются не только при встрече с ягой, но и со многими эквивалентными ей персонажами».

(Пропп, стр. 159, текст. 232).

«Отметим, что это постоянная, типичная черта яги. Она кормит, угощает героя.

(Пропп, стр.1 60, текст. 232).

«Еда имеет здесь особое значение <...>человеку, желающему пробраться в царство мертвых, предлагается особого рода еда».

(Пропп, стр. 160, текст. 232).

«...приобщившись к еде, назначенной для мертвецов, пришелец окончательно приобщается к миру умерших. Отсюда запрет прикасания к этой пище для живых. Мертвый не только не чувствует отвращения к этой еде, он должен приобщиться к ней, так как подобно тому, как пища живых дает живым физическую силу и бодрость,

пища мертвых придает им специфическую волшебную, магическую силу, нужную мертвецам. Требуя еды, герой тем самым показывает, что он не боится этой пищи, что онимеет право на нее, что он «настоящий» <...> ... герой иногда только делает вид, что ест, а на самом деле бросает эту опасную пищу на землю. Наш герой этого не делает, он этой пищи не боится.»

(Пропп, стр. 161, текст. 236).

«Все изложенные здесь материалы и соображения приводят нас к результату, что мотив угощения героя ягой на его пути в тридешатое царство сложился на основе представления о волшебной пище, принимаемой умершим на его пути в потусторонний мир».

(Пропп, стр. 163, текст. 243).

3. «Не умемши, не варёмши – как утрафишь?»;

«Я покорно съедал все наваренное мне, терпеливо откладывая в сторону, если попадалось что неурядное: волос ли, торфа кусочек, тараканья ножка. <...> Спасибо, - вполне искренне говорил я. На чем? На своем на добром?..»

4. «Она всегда старуха».

(Пропп, стр.1 68, текст.2 68).

4. «... женщина лет шестидесяти»

5. «...яга снабжена всеми признаками материнства. Но вместе с тем она не знает брачной жизни».

(Пропп, стр. 1 68, текст. 267).

5. «... дети не стояли: до трех месяцев не доживая и не боля ничем, умирал каждый»

6. Она всегда старуха, причем старуха безмужняя».

(Пропп, стр. 168, текст. 267).

6. «Но мужа не было уже двенадцать лет...»

7. «...яга представляет собой явление, известное в этнографии под названием хозяина»

(Пропп, стр.169, текст. 271).

7. «В остатке света и к тому же за трубой кругловатое лицо хозяйки показалось мне...»

8. «Что значит «хозяйка»? Штернберг на многих примерах показал, как культ животных был первоначально культом всего рода животного, затем уже культ воздавался одному представителю этого рода, который и остался священным (медведь, египетский Апис и т.д.) и, наконец, вырабатывается антропоморфизированный образ хозяйина данного рода, который может иметь уже человеческий, или перемежающийся облик».

(Пропп, стр.169, текст. 273).

8. «Услышав за перегородкой сдержанный шумок <...> И всегда одни и те же доброжелательные слова раздавались мне из-за перегородки. Они начинались каким-то низким теплым мурчанием, как у бабушек в сказках: - М-м-мм...»

Очень жаль, что не названы сказки с мурлыкающими бабушками.

Использовать для создания образа праведницы самобытные черты бабы Яги, ход нетривиальный, но логичный – яркое отклонение от нормы.

Последнее предложение любого текста требует всего мастерства художника, народная мудрость формулирует это так: конец – делу венец.

Что же венчается рассказ «Матренин двор»?

«Все мы жили рядом с ней и не поняли, что есть она тот самый праведник, без которого, по пословице, не стоит село.

Ни город.

Ни вся земля наша».

От конкретной судьбы рассказчик переходит к широкому обобщению, постепенно оставляя свою героиню.

«Все мы жили рядом с ней и не поняли...» (употребляя «жили и не поняли» вместо «жили и не понимали», рассказчик добивается того, что процесс непонимания предстает полностью завершенным, пребывает в прошлом).

«Все мы жили рядом с ней и не поняли, что есть она...» («есть» о том, кого нет), постановкой «есть» вместо «была», готовится появление нового актанта, или нового качества, эффект неожиданности получается превосходный.

«Все мы жили рядом с ней и не поняли, что есть она тот самый праведник...» употребление формы мужского рода вместо формы женского рода стилистически укрупняет явление, повышает статус и ценность, это рывок от частного к абстрактному, деперсонафикация.

Центр тяжести, смысл переносится с человека на ситуацию, обстоятельства необходимые для существования других величин. С первой части предложения к его финалу.

Впервые понятия «праведник», «праведность» встречаются в Ветхом Завете, в самой первой книге – книге Бытия: «И подошел Авраам и сказал: неужели Ты погубишь праведного с нечестивым?»

Пословица, послужившая семантическим ядром предложения, этимологически восходит к библейскому сюжету о Содоме и Гоморре.

Повествование о спасении праведников и неотвратимой каре нечестивым грешникам.

«Все мы жили рядом с ней и не поняли, что есть она тот самый праведник, без которого, по пословице, не стоит село».

Таким образом, если праведника больше нет, а Матрена Васильевна, объявленная праведницей, погибла, значит и селу не стоять.

Но пословица приводится в усеченном виде, не столько потому, что такая форма более известна, но и, скорее всего, слова о городе опущены, как не вписавшиеся в замысел концовки повествования.

«Не стоит город без святого, селение без праведника». Рассказчик строит триаду.

«...не стоит село.
Ни город.
Ни вся земля наша».

При работе над этим микротекстом используется не кисть художника, украшающая работу, а скальпель хирурга, даже вернее, нейрохирурга.

Компактная, удобопроизносимая, метрически и фонетически организованная конструкция синтаксически уродлива.

Точечное изъятие элементов предложения применяется для нарастания эмоционального напряжения, ведь масштаб бедствия увеличивается.

Заполнив грамматические лакуны, введя пропущенное сказуемое можно получить следующий текст.

Без праведника не стоит село.
[Без праведника не стоит] ни город,
Ни вся земля наша.

В таком варианте нарушены границы предложения и появляется «лишний» второстепенный член предложения и частица.

Без праведника не стоит [ни наше] село.
[Без праведника не стоит] ни [наш] город.
[Без праведника не стоит] ни вся земля наша.

Но праведник похоронен, и фраза «...не стоит село» графически существует самостоятельно, примыкая к двум последующим очень тесно.

не стоит [ни наше] село.
[не стоит] ни [наш] город.
[не стоит] ни вся земля наша.

В такой конструкции, знак, завершающий предложение, тормозит естественную энергию развития текста, мешает.

Не стоит [ни наше] село!
[не стоит] ни [наш] город!!
[не стоит] ни вся земля наша!!!
Не стоит ни наше село!
Не стоит ни наш город!!
Не стоит ни вся земля наша!!!

Частица «ни» в эмоционально окрашенных предложениях может употребляться для выражения запрета или устойчивой просьбы, как, например, в призыве «Ни шагу назад!».

Для обретения семантической полноты в тексте не хватает только опущенной частицы, обычной в такого рода высказываниях, – пускай, пусть или да.

Да, не стоит ни наше село!
Да, не стоит ни наш город!!
Да, не стоит ни вся земля наша!!!

Да, не стоит ни село!
Ни город!!
Ни вся земля наша!!!

Или так:

Да, не стоит село!
Да, не стоит город!!
Да, не стоит вся земля наша!!!

Такова структура проклятия – малой необрядовой формы фольклора. Трехчастная форма императивного характера, включающая, в данном случае, глагол настоящего времени, употребленный в побудительном наклонении.

Похожую редукцию можно наблюдать в устойчивом словосочетании ни дна, ни покрывки.

Когда-то «дно» и «покрывка» подразумевали гроб, и проклятие обещало постыдную смерть, за которой следовал запрет похорон на кладбище, обычный для самоубийц.

Сюжеты и мотивы, связанные с проклятиями, широко распространены в мировом фольклоре и литературе, и в рассматриваемом повествовании уже было одно проклятие, «репетиционное», неизвестно кем проклиналась горница.

Здесь же мы видим тотальное неприятие мира, и, вне всяких сомнений, богоборческий мотив – отвергая создание, отрицается Создатель.

А. И. Солженицын, вспоминая о времени публикации первых рассказов писал: «Я все еще не верил, что сотрясение общества сможет вызвать и начать литература... <...> Мне пришлось дожить до этого счастья – высунуть

голову и первые камешки швырнуть в тупую лбину Голиафа. Лоб оставался цел, отскакивали камешки, но, упав на землю, зацветали разрыв-травой...»⁷³.

Соотнесение себя с библейским героем красноречиво.

Между тем, противоборство Давида и Голиафа отнюдь не поединок. Давид поверг Голиафа не в единоборстве, а удачно орудуя пращей, которая, как известно, орудие дальнего боя. Праща и в древние времена была на 100-200 метров. А мировой рекорд по дальности полета снаряда из пращи – 477 метров.

Будущий царь иудейский, убив исполина, вытащил его меч и этим мечом отрезал ему голову. Насаженная на пикку мертвая голова вызывала буйный восторг сородичей молодого победителя.

http://img-fotki.yandex.ru/get/3108/innalove.e/0_8ccb_bd4b578e_XL.jpg

Точно охарактеризовал создавшееся положение К.И. Чуковский, записав в своем дневнике: «Он не интересуется литературой, как литературой, он видит в ней только средство протеста против вражьих сил»⁷⁴.

III. ФАНТАСТИЧЕСКИЙ РЕАЛИЗМ

«Дальний он...» – так Матрена Васильевна определяет своего постояльца. Из какого же далека он явился и зачем?

Тюрьма – это конечно, другой мир, можно сказать, потусторонний мир, или, вспомнив классику, – мертвый. Разумеется, это не больше, чем метафора.

Однако есть пространство мифологических представлений, где действует другая логика, другие законы. И только учитывая их, можно яснее понять происходящее в рассказе, прописанное, но не названное.

1. Поиски жилища

Потенциальный квартирант никак не может найти себе место для проживания ни в заповедном Высоком поле, ни в зачуханном Торфопродукте.

«Но внутри этих домиков нельзя было увидеть перегородки, доходящей до потолка, так что не снять мне было комнаты с четырьмя настоящими углами».

Самому одному не найти Игнатичу подходящее жилье, но счастливая встреча все меняет.

«... я чуть свет опять побрел по поселку. Теперь я увидел крохотный базарец. По рани единственная женщина стояла там, торгуя молоком. Я взял бутылку, стал пить тут же.

Меня поразила ее речь. Она не говорила, а напевала умильно <...>

– А вы откуда? – просветлел я.

И узнал, <...> что есть за полотном железной дороги – бугор, а за бугром – деревня, и деревня эта - Тальново <...>

И я попросил мою новую знакомую отвести меня после базара в Тальново...».

Взрослый человек, мужчина самостоятельно прибывший из-за Уральского хребта, из пыльной горячей пустыни, получает исчерпывающие сведения о деревне, где можно снять комнату, но робеет, видимо, пойти один, просит его отвести. Женщина только начала торговать, ни товаров, ни покупателей еще нет, а пришла она, вероятно, не с одной бутылкой молока. Однако долгое ожидание и курьезность ситуации не смущают рассказчика.

Должно быть какое-то объяснение такой заминки в развитии сюжета, какая-то задача стоит перед этим эпизодическим лицом, решение которой не под силу другим персонажам.

Обращает на себя внимание и время происходящего – «чуть свет». Час между волком и собакой, А. С. Пушкин в «Евгении Онегине» так называл сумерки, но французская идиома говорит о предрассветном времени, когда пастух не может отличить свою собаку от волка, подкрадывающегося к стаду.

Для мифологического мировоззрения и вечерние сумерки и предрассветная пора это пограничное время, время междувластия светлых и темных сил.

«...она повела меня к одним своим родным и еще к другим. Но и здесь не нашлось комнаты отдельной... <...>

– Ну, разве что к Матрене зайдём, – сказала моя проводница, уже уставая от меня. <...>

Калитка была на запоре, но проводница моя не стала стучать, а просунула руку под низом и отвернула завертку – нехитрую затею против скота и чужого человека».

Как сказано у В. Я. Проппа: «Чтобы попасть в избушку, герой должен знать слово. Есть материалы, которые показывают, что он должен знать имя. Вспомним хотя бы сказку об Али-Бабе и 40 разбойниках, где также надо знать имя, чтобы двери отверзлись. Эта магия слова...

Сопоставление материалов показывает, что они (помощники) представляют собой персонифицированные способности проникновения. <...> Список помощников, имеющих в репертуаре русской сказки, довольно велик. <...> ...в сказке помощник может рассматриваться как персонифицированная способность героя. <...> Герой и его помощник есть функционально одно лицо»⁷⁵.

И наконец:

«Особую категорию помощников составляют всякого рода необыкновенные искусники»⁷⁶

Торговка на станции как раз искусно владеет словом.

«Меня поразила ее речь. Она не говорила, а напевала умильно...»

Пришелец отпил молока, проводница «отвернула завертку» и, сделав свое дело, бесследно пропала.

Что же он ищет, если потребовалась помощь необыкновенная? Куда привела проводница приезжего?

Обратимся к исследованию В. Я. Проппа: «Идя «куда глаза глядят», герой или героиня попадает в темный, дремучий лес. Лес – постоянный аксессуар яги.

<...> ...материалы показывают, что лес окружает иное царство, что дорога в иной мир ведет сквозь лес.

<...> Этот лес никогда ближе не описывается. Он дремучий, темный, таинственный, несколько условный, не вполне правдоподобный»⁷⁷.

Условный лес встречает и нашего пришельца, иначе трудно объяснить названное число деревьев.

«...две-три ивы...»

От всего: дома и окружающего дом пейзажа веет распадом.

«...мы дошли до высыхающей, подпруженной речушки <...> две-три ивы, избушка перекобоченная... <...> у нее не так уборно, в за́пуци она живет... <...> изгнивала щепка, посерели от старости бревна сруба и ворота, когда-то могучие, и проредилась их обвершка»

Процесс руинизации идет полным ходом, но гость замечает:

«Милей этого места мне не приглянулось во всей деревне...».

Проводница как посредник между двумя мирами привела учителя к дому, которого без нее он не мог отыскать.

«Дом Матрены стоял тут же, неподалеку, с четырьмя оконцами в ряд на холодную не красную сторону...»

Холодная сторона – сторона северная, в обычном деревенском доме стараются ни окна, ни двери на север не ставить, оттуда веет холодным дыханием, в мифологическом мире – дыханием смерти.

Сказочная избушка, вернемся к работе В. Я. Проппа, «... стоит на какой-то такой видимой или невидимой грани, через которую Иван никак не может перешагнуть. Попасть за эту грань можно только сквозь избушку...

<...> Эта избушка – сторожевая застава»⁷⁸.

«...избушка, стоящая на грани двух миров, в обряде имеет форму животного, в мифе часто совсем нет никакой избушки, а есть только животное, или же избушка имеет ярко выраженные зооморфные черты»⁷⁹

Черты эти невозможнее не заметить и в доме Матрены Васильевны.

«...и получилась как бы внутренняя шкура на избе»;
«Этот старый серый изгнивающий дом вдруг сквозь блекло-зеленую шкуру обоев...»

Так постепенно в рассказе создается искусственный мир, который кажется абсолютно реальным.

По деревне Тальново проводница водит выгодного квартиранта до устали «уже уставая от меня», но «и здесь не нашлось комнаты отдельной».

До этого момента непременным требованием является изолированность комнаты. Все меняется в избе Ма-

трены Васильевны. Вопрос о перегородках – высоких или невысоких вовсе не встает.

Она, Матрена, «перечисляла мне других хозяек, у кого будет мне покойней и угожей, и слала обойти их». Она даже «вынудила меня походить по деревне, и ...в мой второй приход долго отнекивалась...».

Кстати, комнаты отдельной у Матрены Васильевны не было, однако, в летнюю пору, когда появляется в деревне этот таинственный квартирант, можно было расположиться в горнице – не просто отдельной комнате, а в «отдельном срубе», но, видимо, не это интересует жильца.

«Комнаты мы не делили».

2. Выбор хозяйки

Обстановка в избе и хозяйка, также производят самое благоприятное впечатление на потенциального жильца.

«...она лежала на русской печи, тут же, у входа, накрытая неопределенным темным тряпьем...»

«В остатке света, и к тому же за трубой, кругловатое лицо хозяйки показалось мне желтым, большим...»

«...лежала на печи ничком, без подушки, головой к двери...<...> Она не проявила радости заполнить жильца...»

Отсутствие у Матрены Васильевны семьи и стесненные материальные обстоятельства оказываются как нельзя кстати.

«Здесь было мне тем хорошо, что по бедности Матрена не держала радио, а по одиночеству не с кем было ей разговаривать»

Контингент безмолвных соседей также приходится ему по душе.

«Кроме Матрены и меня, жили в избе еще: кошка, мыши и тараканы»

Тараканы, к тому же, обладали специфическим свойством, в их шорохе «...не было лжи».

Решающим фактором в выборе места проживания становится, на первый взгляд, незначительный бытовой предмет, роль которого в рассказе является глубоко символической.

«...я уже видел, что жребий мой был – поселиться в этой темноватой избе с тусклым зеркалом, в которое совсем нельзя было смотреться...»

Профессор Урманов проявляет пристальное внимание к этой детали.

«В славянской культурной традиции зеркало не только выполняло (и выполняет) утилитарные бытовые функции, но и наделялось магическими свойствами, основанными на его восприятии как «границы между земным и потусторонним миром», играло важную роль во многих обрядах и ритуалах (святочные гадания, похороны, рождение ребенка и т.д.).

Известный исследователь социокультурных законов постиндустриальной цивилизации Ж. Бодрийяр приходит в выводу, что и в системе западноевропейской культуры зеркало, претерпевая со временем определенные функциональные изменения, никогда не воспринималось как обычная бытовая вещь. <...> автор книги «Систе-

ма вещей» тем не менее признает существование иррациональных факторов, которые необходимо учитывать. По его наблюдениям, «традиционная крестьянская обстановка не знает зеркал и даже, пожалуй, опасается их: в них есть что-то колдовское»;

<...> замутненное, «темное зеркало, в котором нельзя рассмотреть собственный образ, является предзнаменованием несчастья или смерти».80

«Высыхающая речушка», дом с «изгнившей щепой», и воротами с «проредившейся обвершкой», вид на «холодную некрасную сторону», недужная хозяйка, живущая «в запусси» - не только мгновенно и бесповоротно приглянулись искателю крова, но им употреблено возвышенное и абсолютно неуместное выражение – «жребий мой».

Откуда вдруг такая патетика?

Слово «жребий» славянского происхождения, в древнерусских памятниках письменности встречается с XI века, где употребляется в значениях не только доля, но и надел, участок. Дальнейшее повествование позволяет предположить, что искусный рассказчик не упускает из вида это периферическое значение – моя доля.

3. Кто отражается в зеркале?

3.1. НИКТО И ЗВАТЬ НИКАК

Невозможно не согласиться с утверждением профессора Урманова:

«Зеркало, в котором рассказчик не видит собственно отражения, - один из ключевых образов-знаков произведения Солженицына. Отталкиваясь от основного символического значения зеркала как границы двух миров – земного и потустороннего, можно сделать предположение, что образ тусклого зеркала маркирует ситуацию размывания в художественном мире «Матрениного двора» четкой разделительной линии между прошлым и настоящим, жизнью и смертью...

<...> Подтверждая символический статус тусклого зеркала, Солженицын упоминает о нем дважды – в начале произведения и в конце, как бы обрамляя этим «знаковым» образом художественное пространство рассказа»⁸¹.

С помощью чудесного проводника, через условный лес попадает пришелец в дом-заставу, стоящий на границе двух миров. Его внимание привлекает зеркало, функционально бессмысленное, так как в него «... совсем

нельзя было смотреться...».

Найдено именно то, что нужно, ведь квартиранту нечего предъявить зеркалу.

У него нет лица.

В рассказе отсутствует портрет одного из двух главных действующих лиц. Учитывая, с каким тщанием и мастерством автор изображает своих персонажей, вряд ли, случайно.

Глаза, брови, лоб, нос, губы, подбородок даже мельком не просматриваются в тексте. Устойчивые выражения языка «утрата лица», и «потеря лица» говорят о неприятных жизненных ситуациях. Мифологическая традиция трактует отсутствия лица еще серьезнее, как один из признаков нечистой силы. Демоны, поворачивая голову, показывают гладкую, как яйцо, поверхность.

Приверженность рассказчика к безличным и неопределенно-личным синтаксическим конструкциям в суждениях о власти и описаниях ее представителей, знаменательно соотносится с обезличенностью самого повествователя. А все характеристики и оценки в рассказе даются его невидимыми устами.

Мы не видим его фигуры.

Худой, толстый, сутулый, стройный, невысокий, длинноногий – какой он неизвестно.

Его безрукость метафорически раскрывается в тексте: он ничего не делает руками до определенного момента. Не носит воду, не топит печь.

Во как! – пеняла Матрена вслед. – И вилы свои бери! Ни лопат, ни вил в колхозе нету. А я без мужика живу, кто мне насадит?..»

Даже гипотетически не может себе представить Ма-

трена Васильевна, что ее бывалый постоялец хоть что-то сделает.

А Варлам Шаламов в «Колымских рассказах» замечает:

«Я думаю, каждый человек, имеющий высшее образование, тем более гуманитарное, обязан уметь вытесать топором и развести пилу».

Ирреальность власти, ее фантастичность постоянно создают ощущение ее враждебности человеку. Власть есть враг.

«Созданный автором «Матрениного двора» художественный мир тоже представляет собой сочетание трех иерархически взаимосвязанных уровней – идеального, реального и inferнального. Разумеется, выделенные курсивом слова используются в данном контексте для обозначения явлений, обнаруживающих себя в самой действительности – онтологически целостной и единой.

Время, изображаемое в рассказе «Матренин двор», по мнению автора, – один из самых мрачных периодов в русской истории, эпоха торжества злых, «демонических» сил, «царство антихриста». Однако прежде чем продолжить разговор о выведенном в рассказе Солженицына дьявольском антимире (здесь и далее – в символическо-метафорическом смысле <...>), следует прояснить, что автор понимает под царством антихриста. Не следует упрощать взгляды Солженицына и по любому поводу говорить о его антикоммунизме. То царство тьмы, против которого он восстал, есть феномен не только политический и социальный, но и метафизический и религиозный. <...> Коммунизм, по Солженицыну, это не только идеология и не только определенная общественно-экономическая формация, но и феномен метафизический».82

Сложность коллизии в том, что лишенный телесности и сам повествователь нереален. Проблема узнаваемости возникает перед каждым читателем.

Бестелесность еще один грозный признак нежити.

Именно присутствие нечистой силы в рассказе почувствовал А. Т. Твардовский, только не уточнил на кого падает его подозрение. По воспоминаниям Солженицына, он так говорил на обсуждении рассказа:

«Уж до такой степени у вас деревня с непарадной стороны – ну, хоть бы один заходик с парадной... Все вокруг – дегенераты, вурдалаки...»⁸³

Ускользает образ учителя и от такого дотошного исследователя как А. В. Урманов, в главе «Так кто же главный герой?» загадка не разрешена.

Он не моется (о бане не сказано ни слова), вообще не прикасается к воде.

Показательно, что и аппетита у квартиранта нет.

«Я покорно съедал все наваренное мне, терпеливо откладывая в сторону, если попадалось что неурядное: волос ли, торфа кусочек, тараканья ножка».

«Я мирился с этим, потому что жизнь научила меня не в еде находить смысл повседневного существования».

Но и повседневного существования без еды не бывает, столь индифферентное отношение нормой не назовешь.

О культурологическом значении пищи размышляет И. В. Сохань в статье «Пища. Еда. Застолье».

«Что же такое пища, какие смыслы раскрываются в ней за рамками обыденного взгляда, если рассматривать ее как своеобразный код жизни, культуры и социума? Прежде всего, пища – это первичная, базовая повседневная практика, с огромным информационно-коммуникативным потенциалом, формирующим человека и настраивающим его на определенный ракурс взаимодействия с миром. <...>

В человеческой культуре пища имеет высокий семиотический статус и неразрывно связана с бытийной истиной тела, с его трансформацией первичной материальности, в которую погружен воплощенный человек, к собственно плоти, обладающей экзистенциальным звучанием, соответствующем высшей истине человеческого существования»⁸⁴

С. Н. Булгаков в «Философии хозяйства» анализируя метафизические смыслы пищи, делает вывод, что еда позволяет человеку воспринять себя как существо из этого мира:

«Еда есть натуральное причащение, – приобщение плоти мира. Когда я принимаю пищу, я ем мировую материю вообще, я приобщаюсь плоти мира и тем самым реально, самым делом нахожу мир в себе, а себя в мире, становлюсь его частью. <...>

Еда в этом смысле является обнаружением нашего существенного, метафизического единства с миром. Существа, трансцендентные этому миру, внемирные, были бы неспособны к еде...»⁸⁵

Бесплотный пришелец Игнатич едой не интересуется.

После всего сказанного, уже не удивляет его своеобразное восприятие запахов. Находясь летом в сельской местности, он не улавливает ни одного аромата благоухающей природы, на всем протяжении повествования обоняние востребовано лишь в единственном случае.

«Самогонный смрад ударил в меня».

Для иллюстрации понятия «смердеть», В. И. Даль приводит такую поговорку: труп смердит, душа парит!

Пришелец распознает, слышит, чует из всех возможных запахов только смрад.

В. И. Пропп приходит к выводу, что «Иван пахнет не просто как человек, а как живой человек. Мертвые, бес-телесные не пахнут, живые пахнут, мертвые узнают живых по запаху. <...> ...запах живых в высшей степени противен мертвецам. По-видимому, здесь на мир умерших перенесены отношения мира живых с обратным знаком. Запах живых так же противен и страшен мертвецам, как запах мертвых страшен и противен живым. Как говорит Фрэзер, живые оскорбляют мертвых тем, что они живые (Frazer 1933, 143)»⁸⁶.

Возраст квартиранта неизвестен. По косвенным данным, можно предположить промежуток между 30 и 60 годами. Особь половозрелая. По окончаниям глаголов половая принадлежность может быть установлена, однако, после долгих лет изоляции от общества, здорового мужчину к детям тянет «...меня тянуло – учительствовать», а вот женщины не интересуют до такой степени, что моложе шестидесяти лет практически никто и не упоминается.

«Так и поселился я у Матрены Васильевны. Комнаты мы не делили».

Такое поведение, конечно, можно истолковать по-разному. Единственное описание молодой женщины представляет грустную картину, естественную, впрочем, в предложенных обстоятельствах.

«Ее завитые локончики жалко растрепались. Красны, как кровью залиты, были глаза. Она не замечала, как сбивается на морозе ее платок, или надевала пальто мимо рукава»

Одна женщина «напевает умильно», другая отвечает «низким теплым мурчанием», «раздельно» наставляет «председательша», «наставительно» говорит «диверь», «чужой властный голос» кричит, «стонут» мыши, «орет» трактор, старушка «у гроба мурлыкает псалтырь» - лишь не подает никакого голоса постоялец. Мы нигде не найдем его акустического образа.

Каким голосом он обладает? Как говорит? Звуки голоса воздействуют не на разум, а на чувство, значит, доверия вызывают больше. Важна и фонетика, произношение слова и фразы, только услышав звуки речи собеседника, мы определяем свои социальные позиции. Звучащая речь есть звуковая форма культуры, кодификатор «свой – чужой».

Ничего не известно об одежде рассказчика. Костюм как деталь социального портрета отсутствует вместе с цветовой гаммой, которую он мог бы внести. Бесцветность этого персонажа, можно сказать, его яркая характеристика.

В тексте упоминается телогрейка, но это скорее мрач-

ный сувенир, чем принадлежность туалета. Игнатич ее по прямому назначению не использует.

Нагота один из признаков, присущих нечистой силе, но можно ли говорить о наготе того, кто вообще не имеет тела?

Личное имя жильца так прочно скрыто, что создается впечатление его табуирования. Знание имени дает знание самого предмета, следовательно, и власть над ним. Имя можно вставить в магическую формулу, воздействуя на его обладателя. Анонимность условие недостижимости.

Как способ номинации предлагается патроним, причем в простонародном варианте его произношения. Таким образом, мы сталкиваемся с двойным семантическим сдвигом. Вместо имени – отчество, вместо нормативной формы – вариация.

Такое именование скорее призвано декорировать пустоту, являясь, в каком-то смысле, псевдонимом.

Имя Игнатий никогда не относилось к кругу популярных крестьянских имен, его модификация в форме отчества «Игнатич» звучит несколько фальшиво. Впрочем, так же искусственно выглядит сдвоенная согласная (не свойственное русскому языку явление) в имени деревенского мужика – Фаддея.

Внешний вид является решающим фактором для формирования образа, то есть цельного представления о чем-либо. Именно эти сведения трудно почерпнуть из текста, поэтому образ учителя неуловим.

Зато образ оборотня возникает очень четкий, несмотря на то, что зеркальная поверхность его не отражает.

Говоря об отсутствии плоти, бестелесности одного из

центральных персонажей, мы не упомянули единственный случай, противоречащий, казалось бы, этому утверждению.

«Я спал долго, просыпался на позднем зимнем свету и потягивался, высовывая голову из-под одеяла и тулупа».

Все-таки голова как обозначение фигуры, в рассказе есть.

Однако обратимся снова к исследованию В. И. Проппа.

«В сказке о Еруслане Лазаревиче голова всегда лежит. Это – голова мертвеца. <...> В сказке голова есть непохороненный мертвец. Возможно, что представление о голове, высовывающейся из земли, есть представление о беспокойном мертвце, который высовывается, чтобы встать, или чтобы найти кого-нибудь, кто бы его похоронил. <...>

Услуга захоронения иногда может быть заменена услугой оживления»⁸⁷.

В Этимологическом словаре М.Фасмера сказано «Др.-русск. голова имело еще знач. «убитый» (см. Карский, РП 108), головникъ «убийца».

Более подробно можно прочитать об этом у В. В. Колесова: «Говоры также сохраняют в устойчивых сочетаниях и значение <...> которое было в древнерусском языке: перед головой, быть голове – значит ‘не к добру’, ‘к смерти’.

Действительно, уже в тексте «Правды Русской», сложенном в начале XI в., но отражающем, безусловно, языческую традицию, голова – ‘убитый’; отсюда и юридические термины головникъ ‘убийца’ (так же и в современных говорах; ср. уголовник) и головщина ‘убийца;

плата с головы' (ср. уголовщина). По-видимому, это северославянское по происхождению значение: оно так или иначе отражено в старочешском hlava 'убийство; штраф за убийство', в старопольском głównik 'убийца', то же в кашубском и в украинском. Это значение не отмечено ни в каком церковно-книжном тексте, является исконно славянским. Значение голова 'убитый, мертвец' в церковнославянском противоположно значению 'жизнь'. Голова 'убитый' связано метонимическим переносом со словом лобъ 'череп', т.е. 'пустая, мертвая голова'. Такое значение отражено в мифологических представлениях славян, знакомых нам по мертвой голове сказок...»⁸⁸.

Можно предположить, что в рассказе мы сталкиваемся с развернутой метафорой, еще раз подтверждающей особый статус гостя.

3.2. НАШЕСТВИЕ ДВОЙНИКОВ

Зеркало в тексте не только волшебный предмет, зеркальность отражений – принцип построения художественного мира. Сюжет замкнут.

Развязка предрешена и практически объявлена в начале рассказа. Разматывая ленту воспоминаний в обратном порядке, в сюжете нельзя найти никаких (кроме мистических) предпосылок и причин трагедии.

Скованность, какое-то нарочитое отсутствие движения, направляет энергию произведения вспять, на самих персонажей.

Образы статичны, они не развиваются, а разбиваются, дробятся и, разделившись, двойники становятся антиподами, перевертышами.

Раздвоение или удвоение предстает как творческий метод автора, почитающего симметрию превыше всего,

отсылающий читателя к фантазиям художника Эшера вообще, и непосредственно, к его программному произведению «Натюрморт с зеркалом», в котором появляется тема четвертого измерения. Мотив, первоначально кажущийся простым до банальности, странно изменяется, когда зритель пристальнее вглядывается в изображение: зеркало начинает не только отражать, но изменять форму предметов.

Иллюстрация 27

Зеркало (Mirror) - Мориц Эшер - Новейшее Время - Галерея...

http://www.gravures.ru/photo/novejshee_vremja/moric_eshher/mirror/22-0-547

Матрена – Матрена

Матрена настоящая – Матрена подставная, только «имечко», (только название): «И привел себе из Липовки Матрену...». Липовую.

У настоящей – 6 детей (мертвых, не настоящих) – у подставной 6 детей (живых).

Настоящая невеста потеряла жениха, подставная нашла.

«Настоящая» вышла замуж «сам ни разику не бил» – остается без мужа, «поддельная» – с мужем («не настоящим», он ее не любит, бьет).

Есть три родных, кровных сестры, по предположению рассказчика, «чужие» – чужая жена становится названной сестрой «Да ты ж моя сестричечка!»

«Вторая» Матрена голосит над мертвой «первой»: «И ушла ты к своей матушке, а, наверно, ты за мной заедешь!». В итоге, должно произойти, видимо, слияние половин в единое целое.

«Несчастливая» Кира. Приемная, подставная дочка Матрены при живых отце и матери.

Младшая девочка («И попросила она у той второй забитой Матрены – чрева ее урывочек..») – одна на две семьи, для двух матерей (настоящей и подставной).

Фаддей – Ефим

(два брата – замещающие друг друга).

Родные братья – подставные сестры.

Старший брат – младший брат (обычная сказочная оппозиция).

Старший брат ушел на фронт, попал в плен, вернулся. Какой ценой сохранил жизнь – откупившись жизнью брата, отказавшись от невесты (порча)?

Младший брат ушел на фронт, попал в плен (?), пропал.

Младший брат женился на невесте старшего брата, заменил его.

Младший брат женится на невесте старшего брата, отдает свою жизнь вместо его жизни.

Невозможно отделаться от мотива сказочности событий в тексте.

Автор – рассказчик
(повествователь, напоминающий автора, но не автор)

Рассказчик – Фаддей (черный человек). «Черный человек» имеет в русской литературе такую «родословную», которую невозможно игнорировать. И вестник смерти и альтер эго тотчас обнаруживают себя, как только сформулировано второе именование Фаддея – Черный человек. Вопрос заключается в том, кто эго?

Если у классиков черный человек преследует героя, то в тексте ситуация зеркальная. Оборотень все выворачивает наизнанку. «Второе» я будет отвечать за поступки «первого».

Необходимо лицо, на которое будет возложена ответственность за смерть Матрены. Подставное лицо. Черный человек прекрасно подходит для такой роли.

Отчетливая неприязнь к Фаддею у Игнатича возникает не сразу, первое впечатление вполне благоприятное.

«...лоб уходил лысым куполом в лысую просторную маковку. <...> Во всем облике старика показалось мне многознание и достоинство. <...> ...плавно повернул ко мне величавую голову <...> ...почтенному старику...»

Резкая смена оценок происходит после того, как Ма-

трена рассказывает о чувствах связывавших (или связывающих) ее и «дивьяря». Очень похоже на ревность. Квартирант становится излишне впечатлителен и воображение его основательно расходится.

«Я вздрогнул. От ее надрыва или страха я живо представил, как он стоит там, черный, в темных дверях и топором замахнулся на Матрену».

«И вдруг в притемке у входных дверей, на пороге, я вообразил себе черного молодого Фаддея с занесенным топором!..»

«Сорок лет пролежала его угроза в углу, как старый тесак, – а ударила-таки...»

(ТЕСАК, тесака, •муж.

1. Особый плотничный топор, которым тешут дерево (•плотн.). 2. Рубящее и колющее оружие с широким обоюдоострым клинком на крестообразной рукояти (воен. ист.).

(Д. Н. Ушаков Большой толковый словарь современного русского языка)

«Высокий лоб его был омрачен тяжелой думой, но дума эта была - спасти бревна...»

Откуда известно, о чем дума? Рассказчик не автор, он только свидетель событий.

«Нет Матрены. Убит родной человек»

«...в собственном доме его лежал убитый им сын, на той же улице – убитая им женщина...»

Версия о преднамеренном убийстве (40 лет!) никому кроме этого странного учителя в голову не приходит.

4. Черный жребий

Некто, приехавший издалека, возвращающийся из тюрьмы, лагеря, другого, иного, «мертвого» мира, мечтающий вновь вернуться в мир живой появляется на страницах повествования.

Оборотень стремится в нутро, утробу для нового «рождения», но чтобы эти планы сбылись, необходима заместительная жертва, с этим связаны поиски места (дома), подходящего для проведения магического обряда, и человека (жертвы), пригодного для подмены.

В мировом фольклоре тема эта разработана в деталях. Широко распространены мотивы замещения, передача судьбы, похищение чужой жизни, крови, энергии при помощи специальных помощников и специальных волшебных предметов.

Связь с мертвым миром еще не утрачена полностью, но движение уже началось, время перехода приближается.

С первых же минут заселения начинаются приготовления к смерти, точнее к заклятию, к принесению кровавой жертвы.

«Когда я вошел в избу, она лежала на русской печи, тут же у входа, накрытая неопределенным темным тряпьем... <...>. В остатке света и к тому же за трубой кругловатое лицо хозяйки показалось мне желтым, больным. И по глазам ее замутненным можно было видеть, что болезнь измотала ее. Разговаривая со мной, она так и лежала на печи ничком, без подушки, головой к двери...»

По всему видно, что женщина – не жилец. Она уже готова к смерти, хотя бы внешне.

Подушка как предмет бытового комфорта и символ живительного сна отсутствует, хозяйка приближается к черте, за которой полная безбытийность.

Несмотря на то, что света мало, пришелец разглядел и цвет лица и выражение глаз, а ведь лежит она ничком. Разглядел, так как подробности эти чрезвычайно важны. Здесь нет ничего случайного.

«Ниц, ничка, ничком и пр. - см. Ника»
Словарь Даля

А ника – это «испод, изнанка, выворотная сторона; противополож. лицо, личная сторона. Ничком, навыворот, лицом вниз».

Словарь Даля

«Яга напоминает собой труп, труп в тесном гробу или в специальной клетушке, где хоронят или оставляют умирать»⁸⁹

Преображение произойдет в конце рассказа, в его пространстве Матрена перевернется с живота – жизни, которой на самом деле у нее впереди уже нет, ее конец предрешен в момент появления пришельца – к смерти, там она внешне более живая, чем при встрече с постояльцем.

«А в гробу лежала Матрена. Чистой простыней было покрыто ее отсутствующее изуродованное тело, и голова охвачена белым платком, - а лицо осталось целехонькое, спокойное, больше живое, чем мертвое».

«Неопределенное темное тряпье» прикрывавшее ее при жизни, смерть поменяла на «чистую простынь», «белый платок».

Вместо «желтого, больного» лица и «замутненных» глаз – совокупности прилагательных, говорящих о близком конце его обладательницы, – у покойной лицо «целехонькое, спокойное, больше живое...».

Лежала лицом вниз, лежит лицом вверх.

Голова – единственная часть тела таинственного квартиранта, появлявшаяся в рассказе.

«Я спал долго, просыпался на позднем зимнем свету и потягивался, высовывая голову из-под одеяла и тулупа».

Голова – единственная часть тела сохраняется у погибшей Матрены.

«А в гробу лежала Матрена. Чистой простыней было покрыто ее отсутствующее изуродованное [так отсутствующее или изуродованное?] тело, и голова охвачена белым платком...».

Видим и отличие – у женщины есть лицо, причем, как пишет автор, «живое» в гробу.

К Матрене переходит и ранее присущая гостю бестелесность – «отсутствующее тело».

«Разговаривая со мной, она так и лежала на печи ничком, без подушки, головой к двери».

Это уточнение красноречиво говорит о готовности к уходу.

Дверь всегда являлась символом возможности перехода из одного состояния в другое, входа в новую жизнь. В фольклоре двери ассоциируются с входом и выходом пе-

щеры (места) в которой проводятся обряды инициации, и с входящими в этот мир и покидающими его душами.

«...а по одиночеству не с кем было ей разговаривать».

Одиночество Матрены Васильевны подчеркивается многократно, двенадцать раз употреблено это определение.

Одинокому человеку труднее живется, за него некому вступиться, но есть и еще одно важное обстоятельство, о котором упоминает А. Н. Панченко: «...опричники убивают «всеродне», семьями, включая детей и старцев, - дабы не осталось близких, дабы некому было возносить заупокойные молитвы, которые как-то облегчают участь усопших».⁹⁰

Некому будет отмаливать хозяйку, встреча с тремя родными сестрами Матрены Васильевны стала неожиданностью для постояльца.

Сживать со света

Первое, что квартирант отбирает у хозяйки – это свет. Она и изначально-то находится «в остатке света», а с приходом незнакомца оттесняется в темный угол.

«Ее [Матрены] кровать была в дверном углу...».

«Просторная изба и особенно лучшая приоконная часть ее... <...> ...я свою раскладушку развернул у окна и, оттесняя от света любимые Матренины фикусы, еще у одного окна поставил столик».

Отторгается не только свет дневной, но и искусственный, электрический – разделен весьма прихотливо.

«Электричество же в деревне было – его еще в двадцатые годы подтянули от Шатуры».

В деревне было, но в избе у Матрены Васильевны оно проведено очень замысловато. В кухне был верхний свет«...в кухоньке..... <...> ...если поздно вечером, зайдя испить воды, я зажигал там лампочку...», но «Верхнего света не было в нашей большой комнате... <...> ...От настольной же лампы свет падал кругом только на мои тетради...».

Матрене Васильевне досталась зона полумрака.

«...по всей комнате ... <...> ... полумрак...И из него выступала Матрена»

«...Матрена вдруг из темного своего угла сказала...»

«... но так взволновано она это сказала из темноты...»

Пространство так же постепенно переходит к постояльцу

«Комнаты мы не делили».

Практически всю ее забрал себе постоялец и беззастенчиво ею распоряжается.

«Просторная изба и особенно лучшая приоконная часть ее... <...> ...я свою раскладушку развернул у окна и, оттесняя от света любимые Матренины фикусы, еще у одного окна поставил столик».

«Ее [Матрены] кровать была в дверном углу...». Ближе к выходу.

«Гнила и старела когда-то шумная, а теперь пустынная изба – и старела в ней беспритульная Матрена».

«...беспритульная...», означает бездомная. Так называет постоялец, снимающий угол, свою хозяйку, владелицу большого и всё ещё добротного строения.

Незаметно стала Матрена странницей, чуждомкой в своем доме. Беспритульная в избе – это оксюморон с намеком. Вскоре придется ей этот дом покинуть. А странник, чуждом, понемногу притуляется, обживается в пустынной избе.

Бесприютный

беспричальный, беспристанищный, бездомок, бездомный, бескровный, беспритинный, беспритульный. Бесприютность ж. состояние бесприютного, недостаток крова. Бесприютник м. бесприютница ж. у кого нет приюта, пристанища; странник, чуждом, шатун. Бесприютствовать, бесприютничать, скитаться без крова, приюта, бродить

Словарь Даля

Именно кров, дом есть у Матрены Васильевны. Он, помимо прочего еще и действующее «лицо», необходимое для развития сюжета, символ.

Однако в этом доме у хозяйки все меньше территории.

«Матрена вставала в четыре-пять утра... <...> ...за кухонной перегородкой ...».

Но и место за кухонной перегородкой ей приходится делить с другими жильцами, облюбовавшими ее и, видимо, считавшие своей – тараканьей.

«Единственное, что тараканы уважали, это черту пе-

регородки, отделявшей устье русской печи и кухню от чистой избы. В чистую избу они не переползали».

Матрена Васильевна, правда, имеет еще в чистой избе «свой темный угол», но это ненадолго.

После гибели Матрены Васильевны, жилец без всякого сожаления покидает с таким тщанием найденное место, приглянувшуюся избу, которую как видно, уже считал своей.

«... под воскресенье не стихала бабья суетня в нашей избе...».

«Он уверен в себе в силу своей магической вооруженности. <...> ... герой уже выдержал ряд испытаний. Он знал магию открытия дверей. Он знал заклинание, повернувшее и открывшее избушку, знал магию жестов... <...> И, наконец, самое важное: он не испугался пицци яги, он сам потребовал ее, и этим навсегда приобщил себя к сонму потусторонних существ»⁹¹

Знаменья.

Появился образ Змея

В разговоре о знаменьях, разумеется, снова не обойтись без работы В. И. Проппа.

«Змей существо огневое. «Летит на него лютый змей, огнем палит, смертью грозит». <...> ... можно сказать, что эта связь змея с огнем – постоянная черта его. «Змей пламенем палит, когтями рвет». <...> «Не доезжая до его царства, верст 30 уж огнем жжет»⁹²

Пропп, с. 300 (852)

«Но отнюдь не была Матрена бесстрашной. Боялась она пожара, боялась молоньи, а больше всего почему-то поезда. Как мне в Черусти ехать, с Нечаевки поезд вылезет, глаза здоровенные свои вылупит, рельсы гудят – аж в жар меня бросает, коленки трясутся».

«Каковы же действия змея? В основном змею свойственны две функции. Первая: он похищает женщин. Похищение обычно бывает молниеносно и неожиданно. <...> Когда дальше в роли похитителя выступают черти, нечистые духи и т.д., то эти случаи представляют собой дальнейшую деформацию под влиянием современных сказочнику религиозных представлений»⁹³

Матрена Васильевна опасается именно этого, «Огневого Змея», а гибнет от его противоположности, потому что в доме оборотень и все совершается наоборот, навыворот.

«Машинист все смотрел, чтобы с Черустей поезд не нагрязнул, его б фонари далеко видать, а с другой стороны, от станции нашей, шли два паровоза сцепленных – без огней и задом. Почему без огней неведомо».

Не случайным, таким образом, оказывается и патроним.

Игнатий, Игнат в переводе с латинского означает «огненный». Перед нами его наследник, но кто он не определено.

Исчез котелок

«Водосвятие, совершаемое в навечерие Крещения, особенно почиталось крестьянами: весь день выдер-

живался строгий пост, церкви во время вечерни были переполнены прихожанами. Перед обрядом водосвятия деревенские женщины ставили около сосуда с освящаемой водой свечи, украшенные лентами или цветными нитками. После совершения обряда крестьяне старались поскорее набрать в сосуды воды, так как верили: чем раньше почерпнуть освященной воды, тем сильнее ее магические свойства»⁹⁴

Сосуд во время водосвятия никак не может исчезнуть. Но Матрена Васильевна, по словам рассказчика, отправляется к вечерне с самой неподходящей емкостью.

Откуда вообще у нее в доме котелок?

КОТЕЛ м. чугунный или листовой сосуд для варки, обычно с округлым дном, небольшим раструбом кверху, с ушами или с перевяслом; чугун, казан. Большие котлы бывают клепаные, из листов котельного железа...<...> Дорожный, солдатский котелок подвешивается к треноге.

Словарь Даля

В походы Матрена Васильевна не ходит, солдат с войны не вернулся.

Для готовки в русской печке котелок не пригоден, можно, конечно, поить скотину, но тоже не очень удобно – поставить нельзя.

Выбор для святой воды именно котелка тем более непонятен, что точно известно, в доме есть бутылки.

«Матрена Васильевна под покровом ночи носила тот сахар и бутылки самогонщику».

С котелком за самогоном ходить было бы нелепо, также и на водосвятие.

Прежде чем делать выводы, почему исчез котелок, кто

его похитил, следует пристальнее присмотреться к самому слову и решить – а был ли он?

«...котлом же называют и котловину [котлован], всякое углубление, яму, провал <...> Котловина, округлая глубокая яма, впадина, провал...»

Словарь Даля

Иными словами корень слова передает однозначный смысл – пустота.

«... не оказалось ее котелка. И взамен котелка никакой другой посуды тоже оставлено не было. Исчез котелок, как дух нечистый его унес».

Забавное предположение о самоубийственном поступке лукавого остается на совести рассказчика, который имеет, видимо, особые источники информации.

Если учесть этот смысл, то становится понятно, почему из всех возможных вариантов выбран столь экзотичный.

«Вернулась Матрена печальная».

Впервые осталась Матрена без святой воды. Если в доме нечистая сила, святая вода опасна.

В магии котелок символизирует трансформирующую силу, являясь очень важным атрибутом. Сказочное омоложение или смерть вместо него связаны с купанием в котлах, это главный сосуд любой колдуньи.

Пропажа кошки

«Что значит «хозяйка»? Штернберг на многих примерах показал, как культ животных был первоначально культом всего рода животного, затем уже культ воздавался одному представителю этого рода, который и остался священным (медведь, египетский Апис и т.д.) и, наконец, вырабатывается антропоморфизированный образ хозяина данного рода, который может иметь уже человеческий, или перемежающийся облик»⁹⁵.

«...жили в избе еще – кошка, мыши и тараканы».

«Кошка была немолода, а главное – колченога. Она из жалости была Матреной подобрана и прижилась. Хотя она и ходила на четырех ногах, но сильно прихрамывала...когда кошка прыгала с печи на пол, звук касания ее о пол не был кошаче-мягок, как у всех, а – сильный одновременный удар трех ног: туп! – такой сильный удар, что я не сразу привык, вздрагивал. ...она как молния за ними прыгала в угол...».

Кошечка, по всему видно, не простая. Хромота, беспятость – это отличительные метки, указывающие на дуалистическую, либо потустороннюю природу персонажа в фольклоре. Невозможно представить деревенский дом, кишасий мышами, без кота. А у Матрены Васильевны появляется животное лишь случайно, «из жалости».

«Так как молния падает с воздушных высот изломанной, искривленной линией, то полет ее фантазия стала сравнивать с шатким, нетвердым бегом хромоногого человека или животного... <...>

Зевсу в битве его с Тифоном были подрезаны на но-

гах жилы; по свидетельству индийского мифа, Кришна, славный победитель дракона, был ранен в подошву, <...>

Ахиллесова пятка, хромота Гефеста... <...>

Звери, в образе которых народные предания живописуют грозные явления (собака, заяц, кошка и др.), весьма часто представляются треногими...»⁹⁶.

«Петух, кошка и собака, как мифические представители грозного пламени и вихрей, признавались необходимыми спутниками тени усопшего, призванными сопровождать ее на тот свет»⁹⁷

«По мнению русского простонародья..... <...> при ведьме всегда находятся черный петух и черная кошка.»⁹⁸

Какого цвета кошка? Цвет не назван.

Вообще кошка может быть: черная, белая, серая, рыжая и полосатая.

Коза у Матрены Васильевны белая, а так как они с кошкой обычно упоминаются в паре, белая кошка – исключено.

Коза не просто белая, а грязно-белая, практически, серая – серая коза и серая кошка перебор.

Рыжая – очень яркая, солнечная, золотая. Жизнеутверждающий желтый цвет упоминается практически один раз – в описании идеала «...голубой, белый и желтый июль четырнадцатого года...». Такая цветовая конкуренция невозможна – из-за какой-то кошки испортить тщательно выстроенную палитру.

Грязно-белая коза и полосатая колченогая кошка. В полосатой кошке нет никакой таинственности, но есть смысловая избыточность. А ведь она должна пропасть незадолго до гибели хозяйки, знаменуя ее скорую смерть.

Остается – черная.

То, что этого не сказано, делает честь тонкому вкусу рассказчика, читатель должен неявно почувствовать этот намек.

Вся полнота черноты безраздельно принадлежит Фаддею, и никого, кроме него не характеризует, черная кошка может хоть и немного, но оттянуть, умалить зло сконцентрированное в сопернике.

«Нам важно установить, что образ яги восходит к тотемному предку по женской линии. <...> ...она все еще остается охранительницей входа и помощницей, указывающей дорогу в иной мир. <...> Мы видели также, что она очень часто является старухой и одновременно животным («Эта женщина была утка»). <...> Таким образом, женщина-животное, охраняющая вход в иное царство, имеется не только в мифах и сказках, но и непосредственно в заупокойном культе более поздней стадии»⁹⁹

Вводя мифологические элементы рассказчик вступает в сказочное пространство и привлекает богатейший мир народных поверий, который уже сам собой становится еще одной ипостасью рассказа, не случайно и Матрена Васильевна «...скорей была <...> язычница, брали в ней верх суеверия...».

Не забудем еще, что Матрена Васильевна мяукает по утрам.

«И всегда одни и те же доброжелательные слова раздавались мне из-за перегородки. Они начинались каким-то низким теплым мурчанием, как у бабушек в сказках: - М-м-мм...также и вам!»

Подмечать звериное, животное или награждать им, рассказчику свойственно.

Но что это за бабушки, и что это за сказки?
Может быть, рассказчик имеет в виду эту?

«Он слышал только, как билось его сердце; он видел, как старуха подошла к нему, сложила ему руки, нагнула ему голову, вскочила с быстротою кошки к нему на спину, ударила его метлой по боку, и он, подпрыгивая, как верховой конь, понес ее на плечах своих»¹⁰⁰

Или эту.

«Тут разделил он суковатую палкою куст терновника, и перед ними показалась избушка, как говорится, на курьих ножках. Басаврюк ударил кулаком, и стена зашаталась. Большая черная собака выбежала навстречу и с визгом, оборотившись в кошку, кинулась в глаза им. «Не бесись, не бесись, старая чертовка!» – проговорил Басаврюк, приправив таким словцом, что добрый человек и уши бы заткнул. Глядь, вместо кошки старуха, с лицом, сморщившимся, как печеное яблоко, вся согнутая в дугу...»¹⁰¹

Или такую.

«Горько сделалось ей; стала плакать. Глядит: страшная черная кошка крадется к ней; шерсть на ней горит, и железные когти стучат по полу. В испуге вскочила она на лавку, – кошка за нею. Перепрыгнула на лежанку, – кошка и туда, и вдруг бросилась к ней на шею и душит ее. С криком оторвавши от себя, кинула ее на пол; опять крадется страшная кошка. Тоска ее взяла. На стене висела отцовская сабля. Схватила ее и бряк по полу – лапа с же-

лезными когтями отскочила, и кошка с визгом пропала в темном углу. Целый день не выходила из светлицы своей молодая жена; на третий день вышла с перевязанною рукой. Угадала бедная панночка, что мачеха ее ведьма и что она ей перерубила руку»¹⁰²

В нужное время, исчезает, предвещая неминуемую гибель, колченогая кошка.

«И в те же дни кошка колченогая сбрела со двора – и пропала. Одно к одному».

Волшебный предмет.
Что же это за предмет?

По мнению В.И. Проппа «Нет, кажется, такого предмета, который не мог бы фигурировать как предмет волшебный. Тут различные предметы одежды (шапка, рубашка, сапоги, пояс) и украшения (кольцо, шпилька), орудия и оружие (меч, дубина...)»¹⁰³.

Переход из одного мира в другой возможен лишь при помощи волшебного предмета, принесенного из мира мертвых.

Среди вещей постояльца, сугубо современных продуктов индустриального производства лишенных индивидуального облика (раскладушка, приемник, тетради, фотоаппарат, электрический фонарик) есть только один предмет, выпадающий из общего ряда. Телогрейка.

Телогрейка.

Интересно, что из его одежды вообще больше ничего не упоминается.

Эта телогрейка, скорее, исключительно социальный маркер, чем одежда. Тюремная телогрейка, дорогая владельцу как память. Он ее никогда не надевает на себя.

«Телогрейка эта была мне память, она грела меня в тяжелые годы»

«Я спал долго, просыпался на позднем зимнем свету и потягивался, высовывая голову из-под одеяла и тулупа. Они да еще лагерная телогрейка на ногах, а снизу мешок, набитый соломой, хранили мне тепло...»

А должна быть на руках. Перевернутый мир сопутствует всюду таинственному пришельцу.

Телогрейка грела раньше и продолжает хранить тепло своему хозяину. То есть служить ему, но она уже удаляется от самого субъекта – одеяло, тулуп, и только потом, телогрейка.

Телогрейка, может рассматриваться как любая одежда, как видовой и родовой признак, так как любая одежда греет тело.

Телогрейка – это одежда унисекс, всеобщая одежда.

Притяжательного местоимения указывающего на владельца этой одежды нет, «лагерная» - это указание на место и только, ясно и то, что она ничем не отличается от «рабочей», такой как у хозяйки.

Как только у Матрены Васильевны появились деньги, она тут же совершила несколько покупок.

«Купила новую телогрейку»

Это короткое безличное предложение существует

вскользь среди других, сообщающих о милых подробностях, приятных переменах в жизни крестьянки.

Купила новую, это значит, что была старая.

А так как («комнаты мы не делили», вешалки, скорее всего, тоже не делили) одновременно висят рядом: старая Матренина телогрейка, новая Матренина телогрейка, учительская телогрейка, – скорее всего, ношенная.

Две старых телогрейки висят рядом, ждут своего часа, торопить его не надо, когда-нибудь, да перепутает их Матрена. Сама, своими руками возьмет «лагерную» вместо своей, и наденет.

Очень существенно то, что вещи старые. Новая, еще не ношенная одежда, не несет информации о человеке, она непригодна для колдовства, индифферентна...

«Перед сумерками, возвращаясь из школы, я увидел движение... <...> Матрена бегала среди мужчин, суетилась и помогала накатывать бревна на сани. Тут заметил я, что она в моей телогрейке... <...> ...и с неудовольствием сказал ей об этом»

«Так я в первый раз рассердился на Матрену Васильевну...»

Какое знаменательное признание! Полгода живут люди душа в душу в одной комнате, хозяйка угождает изо всех сил. Учитель, хлебнувший лиха, философски относящийся к жизненным трудностям: «ест два раза в сутки, как на фронте... <...> жизнь научила..... <...> ... не в еде находить смысл повседневного существования...», спит на «суровой койке отшельника», бескомпромиссно борется за высокую успеваемость в школе.

Но есть границы всякого терпения.

В горячке работы перепутала Матрена Васильевна телогрейки и... рассердился.

Или обрадовался?

Тут начинаются дела нешуточные и нельзя сфальшивить. Никто не должен заподозрить, что все было предопределено, все пришло в движение.

Выпал Матрене Васильевне черный жребий.

Трансвестизм можно найти и в шаманизме, и во многих церемониях инициации, где он обычно символизирует утрату личности, то есть, смерть перед возрождением.

Переодевание, выворачивание, карнавал, маскарад, где меняются ролями, судьбами, где вместо одного убивают другого.

«Тут заметил я, что она в моей телогрейке, уже измазала рукава о льдистую грязь бревен...»

У телогрейки появилась принадлежность – «моя».

А телогрейка не только уже надета, она уже и предана земле, символический погребальный обряд совершен.

«...все виды переправы указывают на единую область происхождения: они идут от представлений о пути умершего в иной мир, а некоторые довольно точно отражают и погребальные обряды»

«В сказке весьма распространена следующая форма переправы: герой не превращается в животное, а зашивает себя в его шкуру или влезает в его падаль»¹⁰⁴.

«Ой-ой-ойиньки, головушка бедная! – озадачилась она»

Все. Матрена Васильевна больше не нужна, она сделала то, для чего была выбрана.

Но о телогрейках мы еще услышим.

«Последней торопливо выскочила из-за перегородки Матрена. Она тревожно качала головой вслед ушедшим. Надела телогрейку, накинула платок...»

«Я тоже влез в телогрейку и сел за стол»

Теперь, видимо, можно, впервые он надевает на себя телогрейку.

Но чья она?

Если это не предмет магии, как объяснить столь пристальное внимание к этой вещи, упоминаемой в тексте шесть раз.

Переезд.

«И зачем только на переезд проклятый пошла?»

Действительно, зачем?

«Семья деда Фаддея и приглашенные» всего человек десять мужчин погрузили бревна на сани февральским вечером.

«Сопровождать сани до Черустей шли зять-машинист, хромой сын Фаддея и еще племянник один. Остальные расходились по домам».

Тракторист и сопровождающие – это четыре человека. На тракторе, включая самого тракториста, поместят-

ся только двое. И по одному человеку на каждых санях.

Больше никто и не нужен. Все разошлись по домам.

Ехать предстоит 25 километров (в открытых! санях) зимней морозной ночью. На переезде были в 10 часов вечера.

«Что она там подсобить могла мужикам?»

Как бы усердно рассказчик ни навязывал Фаддея в качестве «виновного за все», причина несчастья в тексте названа – лопнул трос.

«С первыми санями трактор перевалил, а трос лопнул...»

Узнал о несчастье рассказчик «в первый час ночи» от хозяйкиной подруги Маши, которая по неизвестно какой причине, шаталась среди ночи по деревне и знала все, до мельчайших подробностей.

«После пьянки, споров и хождения стало особенно тихо в брошенной избе»

О смерти хозяйки еще ничего не известно, но изба уже брошена.

А начинался день гибели Матрены Васильевны так.

«Наступил солнечный день, и повеселело на душе»

У кого именно повеселело на душе, не уточнено, предложение безличное.

Жизнь Матрены Васильевны, обыкновенная, незаметна, чтобы придать ее фигуре торжественность, создать мученицу, необходима погибель необычайная. Лучше

на кресте. В данном случае, это перекресток, место повышенной опасности, известное в фольклоре как граница, точка пересечения двух начал. Здесь пересекаются две дороги – путь извечный, традиционный и дорога железная, путь прогресса, перерезающий традицию. Если по дороге едут в патриархальных санях, то поперек ее мчится скорый поезд.

Кстати, в раннем средневековье было широко известно устойчивое словосочетание «с дя на санех», означавшее находясь при смерти, умирая.

Это выражение употреблено в начале памятника русской литературы XI века «Поучении Владимира Мономаха».

Знаки смерти

«Разворотило их всех. Не соберешь»

«В избу, пошатываясь, вошла ее подруга Маша:

– Матрена-то... Матрена-то наша, Игнатич...

Я усадил ее, и, мешая со слезами, она рассказала. <...> Налетели [два паровоза] – и в мясо тех троих расплющили...»

Выслушав трагическое известие, постоялец задает три вопроса.

«Да как же они не слышали, что паровозы подходят?»

«А с трупами что?»

«А что я про скорый слышал... будто скорый?..»

Первый и третий понятны, но второй вопрос, прозвучавший после того, как уже стало известно, что «разво-

ротило их», «расплющило», «в мясо» вызывает удивление. О чем именно хочет узнать учитель? Всеведающая Маша отвечает так:

« – Не пускают»

То, что стало известно, можно рассматривать как словесные знаки смерти, которые оборотень получает, но они недостаточны и он интересуется окончательными, полными доказательствами.

«В сказке палец или рука иногда рубится вместо того, чтобы рубить всего человека. <...> ... это бросает свет на мотив героя или героини, отправляемой в лес на смерть, причем требуется показать знаки совершившейся смерти – окровавленную одежду, вырезанные глаза, сердце, печень, окровавленное оружие и т.д. <...> Мы уже знаем, что посвящаемые якобы убивались. В таких случаях родственникам показывались знаки совершившейся смерти»¹⁰⁵

Утром сомнений в смерти не остается.

«На рассвете женщины привезли с переезда на санках под накинутым грязным мешком – все, что осталось от Матрены. Скинули мешок, чтоб обмывать. Все было месиво – ни ног, ни половины туловища, ни левой руки...»

К чему такой вампирический натурализм?

«Разворотило», «расплющило» «в мясо», «месиво».

Ответ можно найти у А. Н. Панченко в описании опричников.

«Подобно бесам, они совершают надругательства над душой. Они рассекают тела, и это не бесцельная жестокость. В русском варианте православия существовало (и существует) народное заблуждение, будто для того, чтобы встать на Страшный суд, необходимо «иметь тело»...»¹⁰⁶

Подтверждением незыблемости такого заблуждения является и рассказ о религиозной колхознице.

«Одна женщина перекрестилась и сказала:
– Ручку-то правую оставил ей Господь. Там будет Богу молиться...»

Представление о загробном мире, в котором существует крестное знамение и может пригодиться часть тленной плоти, говорит о смеси православия и суеверий характерной для сознания крестьян.

Рассказчик замечает о хозяйке:

«...скорей была она язычница, <...> брали в ней верх суеверия...»

И добавляет:

«Не сказать, однако, чтобы Матрена верила как-то истоново... Сколько жил я у нее – никогда не видал ее молящейся, ни чтоб она хоть раз перекрестилась»

Плач Игнатича.

«В плаче заметил я холодно-продуманный, искони заведенный порядок. <...> Тут узнал я, что плач над покойной не просто есть плач, а своего рода политика»

Плач не просто политика, это еще и публичное следствие, выяснение причин приведших к гибели, состязательность сторон, если присутствует кровная родня и родственники со стороны супруга.

Рассказчик представляет два «политических» плача.

Первый.

«– Ах, нянька-нянька! Ах, лелька-лелька! И ты ж наша единственная! <...> А погубила тебя твоя горница! <...> И зачем ты нас не послушала?»

«Так плачи сестер были обвинительные плачи против мужниной родни...

<...> (А подспудный смысл был: горницу-ту вы взять – взяли, избы же мы вам не дадим!)»

И второй.

«– Ах, тетенька-тетенька! И как же ты себя не берегла! <...> И родимая ж ты наша, и вина вся твоя! <...> И что же ты нас не слушалась?..»

«(И изо всех этих причитаний выпирал ответ: в смерти ее мы не виноваты, а насчет избы еще поговорим!)».

Но есть в рассказе еще один «политический» плач, самого Игнатича.

«Ах, Матрена-Матренушка!..

Нет Матрены. Убит родной человек. И в день последний я укорил ее за телогрейку».

«И вдруг в притемке у входных дверей, на пороге, я вообразил себе черного молодого Фаддея с занесенным топором:

«Если б то не брат мой родной – порубал бы я вас обоих!»

И чуть дальше продолжение этого плача.

«Сорок лет пролежала его угроза в углу, как старый тесак, – а ударила-таки...»

(А скрытый смысл его – жертву дорожно-транспортного происшествия представить жертвой убийства, ведь ему, как никому, известно, что произошло именно убийство.) И тут же назвать имя убийцы, отводя от себя всякое подозрение.

Назначив Фаддея главным преступником-убийцей и сыноубийцей, совершающим свое черное дело дистантно, при помощи слова, мистическим способом, пришелец держит его мертвой хваткой до самого конца рассказа...

Перемена поведения

Разительно меняется поведение квартиранта, едва лишь становится известно о гибели Матрены Васильевны.

Вечная его праздность, отсутствие движения сменяется лихорадочной деятельностью.

Кровь и жизнь Матрены как будто вливаются в него.

«Я кинулся все убирать. Я полоскал бутылки, убирал еду, разносил стулья, а остатки самогона спрятал в темное подполье подальше»

Отношение к еде у повествователя кардинально меняется после смерти Матрены Васильевны.

Бесплотный пришелец Игнатич безразличен к пище, «не в еде» находит он смысл существования, а Игнатич

после жертвоприношения весьма интересуется едой и даже анализирует качество продуктов.

Поминальный стол как ритуальный, отличается не только перечнем блюд, но и некоторыми кулинарными особенностями – отсутствием сдобы, вкусовых изысков. Восклицания «очень вкусно!» на поминках неуместно.

Игнатич, однако, тонко отмечает даже качество муки: «Из плохой муки пекли невкусные пирожки».

Видимо, он ожидал пирожки вкусные.

Это, разумеется, не случайно.

«Чистой простыней было покрыто ее отсутствующее изуродованное тело, и голова охвачена белым платком...»

Теперь у хозяйки отсутствует плоть, а у постояльца с обретением тела появляется и аппетит.

Но самое интересное то, что внезапно наниматель покидает дом, который с таким трудом нашел. Дом, который так полюбился, где не было суеты и лишних глаз, а был запас топлива и покой.

«Избу Матрены до весны забили, и я переселился к одной из ее золовок»

Оставленный, «забитый» дом так много говорит сердцу русского читателя.

Разрешается и загадка жанра. Под видом физиологического очерка перед нами глубоко законспирированное фэнтези.

«Мышами овладело какое-то безумие, они ходили по стенам ходенём...<...> Мыши пищали, стонали почти, и все бегали, бегали. Уставшей бессвязной головой нельзя было отделаться от невольного трепета – как будто Матрена невидимо металась и прощалась тут, с избой своей».

Напраслина возведена на несчастную женщину, как будто бы неумная страсть к собственности терзает ее в потустороннем мире.

Не будет ли вернее предположить, что «невидимо металась» она, желая расправиться со своим погубителем.

Но поздно.

«Тусклое матренино зеркало» уже «...завесили широким полотенцем старой домашней вытоки»

Не достать супостата.

ПРИМЕЧАНИЕ

- 1 Нива Ж. Солженицын. – М., 1992. – С. 66, 67.
- 2 Солженицын А. И. Собрание сочинений, Вермонт-Париж, 1983, Т. 3, С. 327
- 3 Решетовская Н. А. В споре со временем. – М., ?. – С.1 92.
- 4 Чуковская Л. К. Записки об Анне Ахматовой. Париж: ИМКА-Пресс, 1980. Т.». С. 472
5. Солдаткина Я. ?? // Филологические науки. – 2009. - № 2. – С. 17.
- 6 Издание: А. Солженицын; «Бодался телёнок с дубом», Очерки литературной жизни. Париж, YMCA-PRESS, 1975.
OCR: Александр Белоусенко (belousenko@yahoo.com).
- 7 Примерный устав сельскохозяйственной артели. Лениздат, 1955. С. 5.
- 8 Примерный устав сельскохозяйственной артели. Лениздат, 1955. С. 16.
- 9 Димони Т. М. «Социальное обеспечение колхозников Европейского Севера России во второй половине XX века.
- 9а Тургенев И. С. «Бирюк», С. 110
- 9б Бунин И. А. «Деревня» С. 16–53
- 10 Урманов А. В. «Творчество Александра Солженицына» М., «Наука», 2009. С. 73
- 11 Виноградов В. В. «История слов», Часть 1., 1994. С.
- 12 Урманов А. В. «Творчество Александра Солженицына» М., «Наука», 2009. С. 360.
- 13 Сумаруков Г. В. «Кто есть кто в «Слове о полку Игореве». М., Изд. Московского университета, 1983, с. 116.
- 14 Похлебкин В. В. «Поваренное искусство и поварские приклады», М., Центрополиграф, 2009, с.36.
15. Астафьев. В. Собрание сочинений в пятнадцати томах. Том 8 Красноярск, «Офсет», 1997 г.
<http://www.fro196.narod.ru/library/astafiev/astafiev.htm>
16. Белов В. «Лад». С. 191.
17. Белов В. «Лад». Лениздат, 1984. С.1 94.
18. Белов В. «Лад». Лениздат, 1984. С.1 88.
19. Сохань И. В. «Пища. Еда. Застолье» // Человек – 2009. - № 3. - С. 116.
20. Белов В. «Лад». Лениздат, 1984. С. 241.
21. Белов В. «Лад», Лениздат, 1984. С. 41
22. Белов В. «Лад», Лениздат, 1984. С. 161
23. Белов В. «Лад», Лениздат, 1984. С.1 95
- 24 Похлебкин В. В. «Национальные кухни наших народов », М., Центрополиграф, 1999, С.45.
25. Сохань И. В. «Пища. Еда. Застолье» // Человек – 2009. - № 3. - С.
26. Солженицын А. И. «Бодался телёнок с дубом», Париж, YMCA-PRESS,

1975. С. 36

27. Солженицын А. И. «Один день Ивана Денисовича. Матренин двор», С-Пб, «Азбука», 1999, С.1 90.

27а. Маслова Г. С. Селения и постройки колхозов Московской области // Сов.этнография. 1951. №2. С. 6–47.

28 Урманов А. В. «Творчество Александра Солженицына» М., «Наука», 2009. С. 128.

28а Брокгауз и Эфрон

29 Урманов А. В. «Творчество Александра Солженицына» М., «Наука», 2009. С. 129.

29а Гумилев Л., Панченко А. «Чтобы свеча не погасла: Диалог», Л., «Сов. Писатель», 1990. С.118

30. Тургенев И.С. «Записки охотника» С. ?

31. Тургенев И.С. «Записки охотника» С. ?

32. Гинзбург Л. Я. «Записные книжки», М., Захаров, 1999 год, С.77

33. Мединский В. «О русском воровстве, особом пути и долготерпении». М., Олма Медиа Групп, 2008. С. ?

34. Мединский В. «О русском воровстве, особом пути и долготерпении». М., Олма Медиа Групп, 2008. С. ?

35. Тургенев И.С. «Записки охотника» С. ?

36. Гумилев Л., Панченко А. «Чтобы свеча не погасла», Л., Сов. писатель, 1990, С. 118.

37. Афанасьев, стр. 138

38. Астафьев В. «Ода русскому огороду»,

39 Урманов А.В. «Творчество Александра Солженицына» М., «Наука», 2009. С.233.

39 Урманов А.В. «Творчество Александра Солженицына» М., «Наука», 2009. С.235.

40 Урманов А.В. «Творчество Александра Солженицына» М., «Наука», 2009. С.235.

41 Урманов А.В. «Творчество Александра Солженицына» М., «Наука», 2009. С.239.

42 История русского литературного языка. М.: Высш. шк., 1989. С.44

43 Урманов А.В. «Творчество Александра Солженицына» М., «Наука», 2009. С.240.

44 Солдаткина Я.В. «Филологические науки» №2 – 2009, С.17

45 Петров А.В. «Филологические науки», №1 – 2009, С.62

46 <http://slovari.yandex.ru/~книги/БСЭ/Маргарин/>

30.10.10.

47 <http://d9mon.at.ua/index/margariny/0-37>

31.10.10

48 С. И. Козенко. Пищевая промышленность СССР, М., 1967.

<http://www.cultinfo.ru/fulltext/1/001/008/063/942.htm>

- 01.11.10.
49 <https://docs.google.com/View?docid=0Abe2zOJPvwVXZG00cTQ0Y184ZDRkZzkyZzc&hgd=1>
31 октября 2010 г.
50 Урманов А.В. «Творчество Александра Солженицына» М., «Наука», 2009. С. 74.
51 Урманов А.В. «Творчество Александра Солженицына» М., «Наука», 2009. С. 74.
52 Урманов А.В. «Творчество Александра Солженицына» М., «Наука», 2009. С. 74.
53 Урманов А.В. «Творчество Александра Солженицына» М., «Наука», 2009. С. 74.
54 Закон «О государственных пенсиях в СССР» от 14 июля 1956 года.
55 Урманов А.В. «Творчество Александра Солженицына» М., «Наука», 2009. С. 69.
56 Урманов А.В. «Творчество Александра Солженицына» М., «Наука», 2009. С. 72.
57 Урманов А.В. «Творчество Александра Солженицына» М., «Наука», 2009. С. 72.
58 Урманов А.В. «Творчество Александра Солженицына» М., «Наука», 2009. С. 72.
58а Вайль П., Генис А. Поиски жанра: Александр Солженицын // Октябрь. – 1990. № 6. – С. 199.
59 Урманов А.В. «Творчество Александра Солженицына» М., «Наука», 2009. С.
60 Кара-Мурза С.Г. «Манипуляция сознанием...» 2009. С.?
61 Кара-Мурза С.Г. «Манипуляция сознанием...» 2009. С.?
62 Кара-Мурза С.Г. «Манипуляция сознанием...» 2009. С.?
60 Урманов А.В. «Творчество Александра Солженицына» М., «Наука», 2009. С.
61 Урманов А.В. «Творчество Александра Солженицына» М., «Наука», 2009. С.
62 Роговер Е. С. «Русская литература XX века», С.
63 Урманов А.В. «Творчество Александра Солженицына» М., «Наука», 2009. С. 86.
64 Забылин М. «Русский народ. Его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия» М., 1880. С. 455.
65 Забелин И.Е. «Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетиях. Книга первая», М., 1990. С.63.
66 Пропп В.Я. «Исторические корни волшебной сказки» С. 555
67 Урманов А.В. «Творчество Александра Солженицына» М., «Наука», 2009. С. 85
68 Урманов А.В. «Творчество Александра Солженицына» М., «Наука»,

2009. С. 86
- 69 Пропп В.Я. «Исторические корни волшебной сказки» (L) С. 255
- 70 russian-temples.ru/articles/chinu_sviatosti.html 18.01.2011
71. Солженицын А.И. «Бодался телёнок с дубом», Париж, YMCA-PRESS, 1975. С.352
- 72 Пропп В.Я. «Исторические корни волшебной сказки» (L) С. стр.146, текст.173).
73. Солженицын А.И. «Бодался телёнок с дубом», Париж, YMCA-PRESS, 1975. С. 14
- 74 Чуковский К.И. «Дневник», т.2
- 75 Пропп В.Я. «Исторические корни волшебной сказки» С. 155 – 271.
- 76 Пропп В.Я. «Исторические корни волшебной сказки» С. 268
- 77 Пропп В.Я. «Исторические корни волшебной сказки» С. 151-152
- 78 Пропп В.Я. «Исторические корни волшебной сказки» С. 153
- 79 Пропп В.Я. «Исторические корни волшебной сказки» С. 155
- 80 Урманов А.В. «Творчество Александра Солженицына» М., «Наука», 2009. С. 108
- 81 Урманов А.В. «Творчество Александра Солженицына» М., «Наука», 2009. С. 109
- 82 Урманов А.В. «Творчество Александра Солженицына» М., «Наука», 2009. С. 67
83. Солженицын А.И. «Бодался телёнок с дубом», Париж, YMCA-PRESS, 1975. С.
84. Сохань И.В. Пицца. Еда. Застолье. // Человек – 2009. № 3. – С. 115.
85. Булгаков С.Н. Философия хозяйства. Соч. В 2 т. Т.1 М., 1993, С.115
- 86 Пропп В.Я. «Исторические корни волшебной сказки» С. 159
- 87 Пропп В.Я. «Исторические корни волшебной сказки» С. 241
- 88 Колесов В.В. «Слово и дело», СПб.: Изд-во С.-Петербур. Ун-та, 2004, С.90
- 89 Пропп В.Я. «Исторические корни волшебной сказки» С. 163
90. Панченко А. М. стр. 88
- 91 Пропп В.Я. «Исторические корни волшебной сказки» С. 171
- 92 Пропп В.Я. «Исторические корни волшебной сказки» С. 300
- 93 Пропп В.Я. «Исторические корни волшебной сказки» С. 301
- 94 Максимов С.В. 1994 год, С.277
- 95 Пропп В.Я. «Исторические корни волшебной сказки» С. 169
- 96 Афанасьев, С.325
- 97 Афанасьев, С.398
- 98 Афанасьев, С.387
- 99 Пропп В.Я. «Исторические корни волшебной сказки» С. 169-172
100. Гоголь Н.В. «Вий». Стр.162.
101. Гоголь Н.В. «Вечер накануне Ивана Купала». Стр.42
102. Гоголь Н.В. «Майская ночь или утопленница». Стр. 68.
- 103 Пропп В.Я. «Исторические корни волшебной сказки» С.277

104. Пропп В.Я. «Исторические корни волшебной сказки» С.287-288
105. Пропп В.Я. «Исторические корни волшебной сказки» С.185
106. Панченко А. М. стр. 88

Ирина МОИСЕЕВА

**С И Н Д Р О М
С О Л Ж Е Н И Ц Ы Н А**
Филологический роман

Художник А. В. Медведев
Компьютерная вёрстка
А. В. Медведева

Формат 70x100 1/16. Гарнитура GaramondBookITC.
Усл печ. листов 4, 05. Твердый переплет.
Бумага блока офсетная 80 г/м2.
Печать офсетная. Тираж 1000 экз.
Заказ № 694
Отпечатано с готового оригинал-макета
в типографии ООО «Сезам-принт»
191119, Санкт-Петербург,
ул. Черняховского, д. 51 литер Г
Телефон: (812) 325-22-25